

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Сборник научных статей,
посвященный памяти
заслуженного профессора МГУ
Александры Григорьевны Широковой

Выпуск 38

УДК 81
ББК 81
Я410

Редколлегия выпуска:
доктор филологических наук В.В. КРАСНЫХ
доктор филологических наук А.И. ИЗОТОВ
доктор филологических наук В.Г. КУЛЬПИНА

Рецензент:
доктор филологических и доктор педагогических наук,
профессор *Ю.Е. Прохоров*

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгнорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей,
Я410 посвященный памяти заслуженного профессора МГУ
Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных,
А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. –
Вып. 38. – 200 с.

ISBN 978-5-317-02898-5

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г., выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г., выпуски 34, 35 – в 2007 г., выпуск 36 – в 2008 г., выпуск 37 – в 2009 г.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-02898-5

© Авторы статей, 2009

**заслуженный профессор МГУ имени М.В.Ломоносова
Александра Григорьевна Широкова (1918-2003)**

СОДЕРЖАНИЕ

ВСПОМИНАЯ А.Г. ШИРОКОВУ

- Лилич Г.А.* Несколько слов о ведущем отечественном богемисте
послевоенных лет.....7
- Нещименко Г.П.* Существительные женского рода со значением
лица в чешском и русском языке: Тенденции развития10
- Ананьева Н.Е.* Понятие 'страсть' как компонент категории оптативности
(на материале польского, русского и чешского языков)26
- Скорвид С.С., Третьякова И. В.* „Тут жил Кирилл, а там –
Мефодий...“, или Чехи под Новороссийском40
- Изотов А.И.* Обиходно-разговорный чешский язык:
материалы к словарю.....55

ЛИНГВИСТИКА

- Васильева В.Ф.* «Языковое мышление» и «внутренние законы»
языка (к проблеме взаимоотношения языка и мышления)89
- Лифанов К.В.* Типы вариативности падежных форм
имен существительных в словацком литературном языке конца
XIX века и ее истоки97
- Гудков В.П.* К изучению совокупности счётно-количественных
слов сербскохорватского (сербского и хорватского) языка109
- Маргарита Димитрова (Болгария)* Метатекстовые вставки
(«слова в скобках») и их функции в текстах
периода Болгарского национального возрождения111
- Кульпина В.Г.* Современные тенденции
в лексикографировании класса местоимений (на материале
польского и русского языков).....124
- Лешкова О.О.* «Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации
заимствований (на материале современного польского языка)135
- Попова Е.А.* Политические партии как вид эргонимов
на примере польской и русской эргонимической лексики146
- Юстова П.С.* Особенности чешских названий предприятий
общественного питания (на примере эргоурбонимов
г. Трутнова Чешской Республики)161

<i>Рената Марчиняк (Польша)</i> Наименования производителей действия и атрибутивные имена.....	173
ЛИНГВОДИДАКТИКА	
<i>Ржанникова О.А., Тимонина Е.В.</i> Перевод художественного текста на русский язык: некоторые проблемы обучения студентов- болгаристов	183
СОЦИУМ И ЛИТЕРАТУРА	
<i>Старикова Н.Н.</i> Славянские литературы в эпоху глобализации. «Перезагрузка» идентичности	192

ВСПОМИНАЯ А.Г. ШИРОКОВУ

Несколько слов о ведущем отечественном богемисте послевоенных лет

© доктор филологических наук Г.А. Лилич, 2009

Время не силах изгладить из памяти жизнерадостный, одухотворенный облик Александры Григорьевны Широковой... С годами же мы все яснее осознаем значимость ее роли в развитии нашей славистики и, в особенности, богемистики. Высоко оценивалось эта роль и чехословацкой научной общественностью. Так, в 1972 г. П. Адамец и Й. Влчек писали: «Ведущей личностью московской и вообще советской богемистики является профессор А.Г. Широкова, доктор филологических наук. Область ее научных интересов – это прежде всего чешский глагол (глагольный вид, категория многократности действий и др.), а также проблемы функциональных стилей чешского языка (соотношение литературной нормы и разговорно-обиходного языка и т.п.). Наряду с теоретическими трудами она создала и целый ряд учебников чешского языка для высшей школы. А.Г. Широкова редактирует чешский язык и чешскую культуру, выступает инициатором плодотворных контактов между «советской и нашей наукой» [1].

Ученые по-разному приходят в науку, и иногда находя «свое место» в ней только после долгих исканий. Научная же судьба А.Г. Широковой была как бы predetermined тем, что в годы аспирантуры (1940–1943) она занималась под руководством выдающегося слависта А.М. Селищева, и ее диссертация «находилась в русле традиций сравнительно-исторического языкознания, которые, не уступая натиску пресловутого «нового учения о языке», отстаивал А.М. Селищев [2].

Вступление А.Г. Широковой в богемистику было ознаменовано выполненным ею переводом первого обобщающего труда по современному чешскому языку – «Грамматика чешского литературного языка» Ф. Травничека [3]. Сделав доступным этот труд широкому кругу лингвистов, А.Г. Широкова несомненно способствовала возрождению в нашей науке активного интереса к общим проблемам славистики. И в дальнейшем А.Г. Широкова много делала для ознакомления наших ученых с достижениями чехословацкого языкознания, с наследием Пражского лингвистического кружка.

Особого рассмотрения заслуживают учебники чешского языка, созданные ею и учениками. На них, по существу, заложили свое языковое образование все богемисты нашей страны.

А.Г. Широкова продолжительное время, хотя и с перерывами, работала в научных центрах Праги, досконально изучила материалы богатейшей картотеки Института чешского языка Чехословацкой АН, которые стали надежной базой, как для ее докторской диссертации, так и для других исследований, неизменно актуальных и встречаемых с большим интересом.

Особенно хочется подчеркнуть то, что в 60-е годы А.Г. Широкова оказалась в «эпицентре» острой дискуссии о проблемах соотношения кодированного чешского литературного языка и исторически сложившегося своеобразного идиома, известного под трудно переводимым названием «obecná čeština». А.Г. Широкова способствовала тому, что обсуждение чешскими учеными этих вопросов было перенесено на страницы журнала «Вопросы языкознания» [4], и это в значительной мере активизировало дискуссию. А.Г. Широкова прозорливо оценила теоретическую значимость чешских языковых процессов. Время подтвердило подходы, развиваемые школой А.Г. Широковой, в особенности, работами Г.П. Нещименко, в которых подчеркнуто, что «чешская языковая ситуация в силу своей специфичности может служить тем контрастным фоном, благодаря которому можно увидеть в новом свете целый ряд важных социолингвистических проблем, в том числе и таких, в отношении которых уже, казалось бы, сложилось однозначное мнение» [5].

Глубокое видение проблем и оригинальность проявляется в каждой работе А.Г. Широковой. Новаторскими можно назвать ее исследования в области глагольного вида (категория многократности чешского глагола), подходы к изучению синсемантических частей речи; изяществом и отточенностью отличается одна из последних ее статей, посвященная происхождению чешских фамилий-прозвищ [6].

И, конечно же, А.Г. Широкова оставила нам в наследство свои интересные идеи в области сопоставительного изучения современных славянских языков. Несомненно, они будут востребованы и учениками ее учеников.

Л и т е р а т у р а

1. *Adamec P., Vlček J. Několik orientačních údajů o sovětské jazykovědné bohemistice posledních let // Československo-sovětské vztahy. I. – Praha: Universita Karlova, 1972. – S. 161.*

2. *Гудков В.П.* Александра Григорьевна Широкова // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология. – 1998. № 6. – С. 178.
3. *Травничек Ф.* Грамматика чешского литературного языка. Ч. 1. Фонетика-словообразование-морфология / Пер. с чешск. и словарь А.Г. Широковой / Под ред. Н.А. Кондрашова. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. – 467 с.
4. *Сгалл П.* Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. – С. 11-12.
5. *Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. – М.: Наука, 2003. – С. 174.
6. *Широкова А.Г.* Фамилии-прозвища отглагольного происхождения в чешском языке // Славянская филология. Межвуз. Сборник. Вып. VIII. Памяти профессора Ю.С. Маслова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 98-196.
7. К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания. 1961, № 1. – С. 44-54.

Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития

© доктор филологических наук Г.П. Нецименко, 2009

Выбор темы статьи не был случаен. Именно этой проблематике была посвящена моя кандидатская диссертация, работа над которой проходила под руководством Александры Григорьевны Широковой, человека столь близкого и дорогого моему сердцу. Публикуя эту статью, я хотела отдать долг памяти моему замечательному учителю.

В состав диссертации входила большая теоретическая глава, в которой я попыталась с учетом новаторских традиций славянского словообразования, прежде всего русского, чешского и польского, предложить системное описание словообразовательной категории, разработать критерии установления словообразовательной продуктивности, рассмотреть проблему синхронной вариативности словообразовательной структуры слова и т.д. (Нецименко 1960¹; Нецименко 1966 и т.д.). К сожалению, невзирая на рекомендации оппонентов, большая часть диссертации осталась в рукописи.

Работа над диссертацией стала важным этапом в моей последующей научной деятельности, поскольку она определила круг моих профессиональных интересов – это, прежде всего, сопоставительное изучение славянских языков, причем как межъязыковое, так и внутриязыковое (Нецименко 1968; Нецименко 1980; Нецименко 1983). Впоследствии, по мере расширения круга научных интересов была предпринята попытка использования сопоставительного метода при исследовании проблематики не только словообразования, но и социолингвистики. Назовем в этой связи лишь некоторые работы (Нецименко 1980; Нецименко 1999; Нецименко 2005; Нецименко 2005а и др.).

Использование сопоставительного метода при изучении близкородственных языков явилось важным этапом в совершенствовании научной методологии, оно способствовало выявлению глубинных системно-функциональных закономерностей, позволило установить сходства и различия в системах сопоставляемых языков. Не менее важно и сопоставление внутриязыковое, основывающееся на идентичных принципах. Важно подчеркнуть, что этот вид сопоставления может осуществляться как на синхронном, так и диахронном уровнях. При диахронном подходе синхронные срезы одного и

¹ См. рецензию чешского ученого М. Докулила (Dokulil, 1962a), а также соответствующие пассажи в книге того же автора (Dokulil, 1962, s. 80 и далее).

того же языка выстраиваются во временной последовательности, позволяя наблюдать направленность исторической динамики языка. При синхронном подходе исследователь имеет дело с компонентами языковой структуры, соотнесенными друг с другом в пространстве и во времени. Причем, при установлении пространственной взаимосвязи, исследуемые языковые факты рассматриваются в социолингвистическом ракурсе, т.е. включаются в состав комплекса форм существования этнического языка.

В том случае, если в поле нашего зрения находится историческая динамика языка, особое значение приобретает уникальное явление языковой конкуренции, встречающееся на различных уровнях языковой системы. При изучении словообразовательной конкуренции речь идет о синхронном скоплении изофункциональных деривационных формантов, группирующихся у одних и тех же производящих основ². Нередко сам факт скопления конкурирующих друг с другом дублетов свидетельствует о возникновении в деривационной системе точек напряжения, сигнализирующих о том, что до сих пор еще не найдено³ соответствующее комбинаторное решение. Наличие очагов конкуренции противоречит тенденции языковой экономии, поэтому, как правило, речь идет о кратковременном явлении. В конечном итоге это напряжение снимается либо дифференциацией дублетов, либо полным вытеснением одного из них из употребления, либо, наконец, смещением его на периферию системы (см.: Нешименко 2005: 141).

Сказанное красноречиво подтверждают случаи конкуренции парных феминативов с суффиксами *-Øk(a)* и *-kyn(ě)* у производящих основ на *-tel(Ø)*: *učitel – učitelka, učitelkyně; spisovatel – spisovatelka, spisovatelkyně;*

² В современном литературном русском языке в настоящее время намечается новый очаг конкуренции – это производные с суффиксами женского лица *-k(a)* и *-ш(a)*. Приведу некоторые дериваты с суф. *-ш(a)*: *авторша, акционерша, ассистентша; банкирша, бизнесменша, боксерша, билетерша; гудша, примерша, гомеопатша; дикторша, депутатша, диджейша, дискжokeйша, диспетчерша, дизайнерша, диктаторша; интервьюерша, инспекторша; канцлерша, комментаторша, кассирша, корреспондентша, комендантша, киллерша; лейтенантша; маклерша, музыкантша, музыковедша, мозгиканша, модельерша, меценатша, мистификаторша; наркокурьерша; организаторша, операторша, оппонентша; профессорша, парикмахерша, почтальонша, предпринимательша, плантаторша, президентша, продюсерша, партнерша; режиссерша, реквизиторша, рэперша, рэкетирша, редакторша; секретарша, сенаторша, спринтерша, следовательша, снайперша; фараонша, фермерша. У подчеркнутых лексем, судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, есть и соответствия с суф. *-k(a)*. Среди них есть и такой неологизм как *канцлерша*; ср. *В Германии президент Буш обрел нового друга – канцлершу Меркель*. НТВ, Новости, речь корреспондента, 2006. Стоит упомянуть, что компьютерный тезаурус маркирует большинство парных женских номинаций красным цветом, т.е. они отсутствуют в кодификации.*

³ Ср. Диалог двух журналистов: *диджейка или диджейша. Не знаю, как сказать*. Эхо Москвы, 2003 (подчеркнуто нами. – ГН).

vychovatel – *vychovatelka*, *vychovatelkyně* и т.п. Факты конкуренции этих суффиксов зарегистрированы не только в словарях, включая словари Й. Юнгмана и Ф. Котта и т.д., встречаются они и в эксцерпциях из литературных текстов того времени. В словарях более позднего времени производные с суф. *-kyn(ě)* в данной структурной позиции практически не приводятся. Это свидетельствует о том, что конкуренция этих суффиксов в указанной структурной позиции завершилась победой производных с суф. *-Ok(a)*.

Необходимо отметить, что суффиксы с консонантом „K“ (*-Ok-*) выделяются среди других формантов исключительной полифункциональностью и продуктивностью (см. по этому поводу: Нещименко 1980), они занимают доминирующее положение в ряде словообразовательных категорий. Мы намеренно акцентируем данный факт, так как некоторые дериватологи полагают, что полифункциональность форманта препятствует его словообразовательной продуктивности⁴.

Своевременная локализация и адекватная интерпретация возникающих очагов конкуренции имеет большое значение, поскольку, образно говоря, это пульс вербальной материи. Именно в местах сосредоточения конкурирующих друг с другом языковых единиц следует ожидать сдвигов в системе. Вполне понятно, что это имеет большое значение для диагностирования направленности языкового развития, выявления очагов динамической иррадиации.

Образование феминативов посредством использования средств аффиксальной деривации имеет в славянских языках длительную историческую традицию⁵. Причем, как правило, для этой цели используются регулярные словообразовательные схемы.

Возрастание научного интереса к образованию наименований женщин стало особенно очевидным с середины XX. в. Это обусловлено рядом причин. Прежде всего следует отметить огромный приток новых номинаций, стимулируемый, несомненно, эмансипацией женщин. Несколько позже этот интерес подогревала так называемая гендерная лингвистика (упомянем в этой связи материалы конференции „Žena – Jazyk – Literatura“, 1996), а также требование соблюдения

⁴ Правомерность данного утверждения полностью опровергает, например, активизация использования универбов, отличающихся ярко выраженной полисемией.

⁵ Не можем не согласиться в этой связи с Я. Губачеком, который ставит под сомнение справедливость тезиса о том, что образование парных феминативов характерно лишь для современного периода, отличающегося активным участием женщин в различных дифференцированных по гендерному признаку профессиях и видах деятельности и что, следовательно, в какой-то мере это обусловлено и социологически, так как демонстрирует с помощью языковых средств равноправие женщины в современном обществе (см.: Hubáček 1996: 271).

политкорректности⁶. Все это, взятое вместе, предписывало непереносное соблюдение конкретизации полового признака при обозначении “статусных” лиц, т.е. лиц, занимающих высокие общественные или же профессиональные посты.

Назову некоторые публикации, посвященные данной теме: Šmejrková 1997; Gladrow 1996; Hoffmannová 2004; Hrušková 1967; Łaziński 2005; Ohnheiser 2006; Opravská 2005 atd. Был опубликован и Толковый словарь названий женщин в русском языке (Колесников 2002). Большое количество новых феминативов приводится в следующих словарях: „Nová slova v češtině 1. a 2.“; „Co v slovnících nenajdete“ 1978; „Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů“ 1999 a 2004. Упомянем также коллективную монографию Института чешского языка Чешской АН, выполненную под руководством О. Мартинцовой: „Neologismy v dnešní češtině“ 2005, которая содержит ценный, очень интересный материал, а также предлагает новые интерпретации языковых фактов.

Парные имена существительные женского рода со значением лица, несомненно, входят в число магистральных номинационных потоков, лексический состав которых очень быстро пополняется, в том числе за счет неологизмов, а также притока иноязычных и иноидиомных заимствований и т.д. В связи с этим есть все основания задуматься над тем, как язык обеспечивает все более возрастающую социальную потребность в данных обозначениях. Этот вопрос интересует не только специалистов, но и обычных пользователей языка. В то время как в чешском языке эта проблема была решена однозначно в пользу парных феминативов, коррелирующихся с существительными мужского рода со значением лица, у польских и отчасти русских лингвистов по-прежнему вызывает споры правомерность родовой корреляции при образовании обозначений лиц, имеющих высокие функции и общественное положение.

В сущности, речь идет о двух возможностях: а) конкретизация пола с помощью суффиксов со значением женского лица; б) использование так называемых универсальных существительных мужского рода с добавлением соответствующих компенсаторов (согласование в роде, в сочетании с приложением и т.д.) и т.д. Важную роль при принятии окончательного решения играют социолингвистические и коммуникативные факторы.

⁶ Как пишет в своей статье „Pani doktor za granicą“ польская лингвистка А. Обрембска-Яблоньска (Obrebska-Jabłońska 1951), в повседневной французской устной речи феминные корреляты используются довольно часто, например, *la doctoresse, la cheffes, la mairesse* и т.д., в литературном французском языке эти и им подобные слова чаще всего имеют пейоративную окраску. Добавим к сказанному, что в современном литературном французском языке проявляется большая толерантность в отношении к парным феминным коррелятам.

Следует подчеркнуть, что сам феномен феминных суффиксов находится на пересечении как словообразовательных, так и социолингвистических координат. Именно эти показатели нами принимались во внимание при определении онтологических параметров данной номинационной категории, а также установлении сферы использования этих имен существительных.

Что касается узуса непринужденного повседневного общения, то здесь ситуация, наблюдаемая во всех славянских языках, практически является сходной⁷. Никакие коррективы, кодификационные предписания и ограничения здесь не действуют, поэтому именно в этих условиях наиболее отчетливо проявляются естественные системные языковые закономерности. Что касается интересующих нас имен существительных, то у них последовательно соблюдается родовая корреляция, передаваемая с помощью деривационных суффиксов. Иными словами, здесь сохраняется укоренившаяся веками традиция⁸. Никакие альтернативные номинационные решения здесь не отмечаются.

Как известно, суффиксальное словопроизводство имеет в славянских языках высокую продуктивность, причем это отмечается как на ранних периодах их существования, так и на современном этапе. По словам М. Докулила, именно суффиксация является важнейшим способом словообразования в чешском языке (Dokulil 1962: 23); „*Odvozování příponami (sufixace) je pro češtinu zvláště příznačné a uplatňuje se hlavně v oblasti jména a jen velmi omezeně u sloves*“ (Ibid.: 54). Как отмечает Ю. Фурдик, в чешском и словацком языках примерно две трети слов имеют словообразовательную мотивацию, причем суффиксальные производные здесь полностью доминируют (Furdík 1993: 23 и далее). Не менее красноречивые данные приводит М.Н. Петерсон (Петерсон 1941): префиксальные производные у существительных составляют 4%; суффиксальные – 82 %, сложные слова – 14 %. Как пишет А. Загородникова, в составе новых слов польского языка (2 500 новых единиц) 72 % составляют аффиксальные дериваты (Zagrodnikowa 1982: 243).

Для того, чтобы удостовериться в регулярности использования парных феминативов в повседневной коммуникации, мы проделали

⁷ В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение состава деривационных суффиксов и их дистрибуции в словообразовательном поле, несмотря на то, что мы вполне отдаем себе отчет в том, что именно здесь, возможно, будут наблюдаться межязыковые различия.

⁸ В поисках подходящего обозначения женщины носитель языка нередко оказывается в ситуации, когда ему приходится выбирать из ряда синонимов. Проиллюстрируем сказанное на примере узуса древнечешского языка: „*Skutečných „doktorek“ stará doba neměla, starý jazyk tedy jim nevytvořil jména. Někdy se objeví slovo doktorka nebo doktorkyně spíše posměšně v lidových lékařkách; v Hádání Pravdy a Lži pana Ctibora Tovačovského z Cimburka se objevuje Chytrost jako „všech práv doktornice a mistryně“*“ (Naše řeč 1922: 266).

небольшой эксперимент, целью которого было проведение зондирования речи русских детей⁹. При этом нами были использованы как словарь детской речи С.Н. Цейтлин (Цейтлин 2001), так и наши собственные наблюдения.

Несмотря на то, что у маленьких детей отсутствует какое бы-то ни было представление о кодификации, практически все приводимые ниже производные образованы в соответствии с регулярными словообразовательными типами (в литературном узусе русского языка данные дериваты полностью отсутствуют): словообразовательный тип с *-к(а)*: *врач – врачка*¹⁰; *герой – героика*; *джентельмен – джентельменка*; *доктор – докторка*; *инженер – инженерка*; *капитан – капитанка*; *командир – командирка* и т.д.; словообразовательный тип с *-ниц(а)*: *дворник – дворница*; *герой – героиница*; *друг – дружица* (в нашем материале представлено *дружица*); *продавец – продавница*; *бандит – бандитница*; словообразовательный тип с *-иц(а)*: *продавец – продавица*; *доктор – докторица*; словообразовательный тип с *-их(а)*: *продавец – продавчиха*; *Бармалей – Бармалиха*; *господин – госпожиха*; словообразовательный тип с *-а*: *биолог – биолога*; *монах – монаха*; *брат – брата* (вместо *сестра*); *друг – друга*; *дурак – дурака*; *сосед – соседа* (этот тип образования в литературном языке используется крайне редко; ср. русский неологизм *шейх – шейха*; чеш. *tagistr – tagistra* и т.д.). Отмечены и случаи вариативного словообразования; см., напр. *продавец – продавица, продавница, продавчиха*; *герой – героика, героиница*; *друг – друга, дружица, дружница*.

В литературном узусе межъязыковые различия проявляются гораздо сильнее. Возможно, здесь сказывается регулирующая коррекция кодификации. Невзирая на то, что кодификация формируется на основе научного обобщения системных языковых закономерностей, она одновременно отражает и направленность языковой политики, проводимой в тот или иной период жизни социума. Последнее обстоятельство представляется нам чрезвычайно важным, так как оно делает возможным внешнее, порой субъективное вмешательство как в языковую структуру, так и в функционирование языка. При этом зачастую не учитывается, что наличие слишком большой дистанции между кодификацией и системными языковыми закономерностями может способствовать возникновению коммуникативного дискомфорта.

⁹ По словам К. Чуковского, маленькие дети (в возрасте до шести лет) являются „гениальными лингвистами“, они обладают замечательной языковой интуицией, тонко ощущают регулярность словообразования по аналогии.

¹⁰ Данный пример приводится в письмах радиослушателями „Эхо Москвы“ (2006) как образец детской речи.

В современном чешском языке последовательное употребление парных феминативов характерно не только для повседневной непринужденной речи, но и для литературного узуса. Не будет преувеличением сказать, что в этом фрагменте словообразовательной системы различие между кодификацией и системными языковыми закономерностями является практически незначительным. Сказанное в полной мере распространяется и на обозначения женщин, занимающих статусное положение; ср.: *akademička, profesorka, docentka, prezidentka* и пр.

Формированию литературной нормы в этом случае, разумеется, предшествовали дискуссии в лингвистической печати, их освещение можно найти на страницах журнала „*Naše řeč*“, который не только узаконивал употребление парных феминативов, но и пытался искоренить обозначения типа *slečna doktor Nováková, paní poslanec Viková-Kunětická, slečna jednatel, slečna předseda*. „To je nesmysl do nebe volající ... Stavovská pojmenování žen u našich předků i v lidu mají koncovky *-ová* nebo *-ka*. Žena panovníkova i nevdaná nebo ovdovělá panovnice byla *císařová, králová; mistrová* je žena mistrova nebo samostatná majetnice nebo správkyně živnosti; máme *učitelky, ředitelky, mlynářky* atd.“ (Naše řeč 1918, 2: 156 и далее)¹¹. Журнал призывал сохранять древнюю чешскую традицию: „Tato dnešní pošetilost nerozeznává pohlaví na slovech, na nichž je čeština a slovanština vůbec rozeznává, má posilu, ne-li pramen, v některých cizích jazycích, v nichž cit pro lišení rodu není tak živý jako u nás. Kdo říká ženě *doktor, profesor, poslanec, znatel, milovník obrazů* apod., vraždí tvářnost českého jazyka, protože náš jazyk má příslušné tvary docela nasnadě“ (Naše řeč 1922, 1: 25).

О том, насколько сложно порой проходило „вживание“ новых парных феминативов, можно судить по имеющимся в нашем распоряжении эксерпциям, относящимся к более раннему периоду: *Španělské diplomatky, žena-ministr a poslankyně* (Rozséváčka, 1938, N 2); *V Anglii zemřela Ellen Wilkinsonová, britský ministr výchovy* (Vlasta, 1947); *Po absolvování odborného kursu je činná jako mistr-seřizovač* (Vlasta, 1951); *Zuzka Kirchnerová se stala elektromontérem* (Mladá fronta, 1958); *Režisérka a dramaturg* (Vlasta, 1957); *Chemička a farmakolog* (Vlasta, 1957) и т.д.¹¹ С трудностями было сопряжено и образование парных феминативов от некоторых еще не освоенных заимствований: *Jak si na*

¹¹ О тех трудностях, с которыми сталкивается пользователь языка, можно судить и по следующему примеру: „Podle stanov České ústřední jednoty velocipedistů z roku 1885 mohly být „ženštiny“ členy klubu, přesto, že bylo sáhodlouze debatováno, jak jmenovat jezdčyně (jeden návrh byl na „cyklistýnky“), přesto nebylo v klubech mnoho snahy u jejich přijetí do klubů. Akademický cyklistický odbor Slavia uspořádal 15. Října 1894 na žižkovské Ohradě velké národní závody. Zlatým bodem programu byla jízda dam, závod poprvé v Praze veřejně konaný, který překonal všechno očekávání. Elegantní úbory našich sličných cyklistýnek těšily se zasloužené pozornosti četných přítomných dam. Vlasta, 1969.“

práci spíkra¹² zvykla Iva? Vlasta, 1983, диалог с модератором передачи TV; česká kulturní atašé и пр. Встречаются и случаи избыточного употребления конструкций, включающих приложение: Zlidštění pracovních a životních podmínek žen-dělnic. Rudé právo, 1981; otázka pro ženu-jazzmanku. Melodie, 1983.

В некоторых случаях отказ от конкретизации пола лица мотивируется выполняемой им функцией; ср.: *Je pozoruhodné, že tomuto městu vládne žena. Je málo tak velkých měst, která mají starostku. Frakce ji navrhla na úřad vrchního starosty v Postupimi*. Vlasta, 1968; *Tento mail je určen pro paní profesor Galinu N.* (комментарий к адресу электронной почты, 2006)¹³; *Vlasta Housková, pracovník vyměřovacího oddělení*, 2004, подпись под справкой; *Smlouva o převodu obchodního podílu ve společnosti s ručením omezeným Lenka Procházková (dále jen převodce)*, 2005, юридический текст; *Níže uvedený cizinec – zahraniční vědecký pracovník přijíždí na základě pozvání Akademie věd České republiky k pobytu, jehož účel je specifikován v odstavci 1 tohoto potvrzení. Jméno a příjmení: Galina N.*, 2005, официальный документ.

В литературном узусе русского языка используются как парные феминативы (родовые корреляты), так и существительные мужского рода с несловообразовательными конкретизаторами пола (согласование, указание имени лица, фамилии, комбинация, включающая приложение). Парные феминативы встречаются обычно при обозначении лиц, занимающихся физическим трудом или спортом, т.е. в тех случаях, когда признак пола имеет значение для характера выполняемой деятельности (*аккумуляторщица, бетонщица, укладчица* и т.д.; *биатлонистка, каратистка, хоккеистка, многоборка, фигуристка* и пр.). Касается сказанное и обозначений лиц, выполняющих те виды деятельности, в которых, главным образом, заняты женщины (*учительница, билетерша* и пр.). При обозначении женщин, имеющих титулы, выполняющих значимые общественные функции, в соответствии с кодификационными предписаниями употребляются существительные мужского рода, имеющие не словообразовательные конкретизаторы, например, согласование (*врач пришла*), указание фамилии (*врач Иванова*), комбинация с приложением (*женщина-врач*) и т.д. Что касается использования приложения, то в современных медийных русских текстах оно встречается довольно часто: *Выступала женщина-депутат*, Новая газета 2001; *женщины-камикадзе*, Там же 2002; *амбициозная женщина-политик*,

¹² Ср. употребление в сходной структурной позиции более нового образования *lidryně (lídr)*.

¹³ См. пример гиперкорректности в тексте личной записки (70-е годы): *paní doktor, volal Vám* (автор этой записки – женщина – в ситуации обычного устного общения говорила: *paní doktorko*).

Эхо Москвы 2006, модератор. Есть случаи, когда уточнение пола лица посредством использования приложения является совершенно излишним: женщины-художницы, женщины-пенсионерки, женщины-бетонщицы, женщина-террористка, женщина-бомбистка, женщина-подрывница, женщина-террористка, женщина-спринтерша, Новая газета 2000, 2001, 2002, 2006 и т.д.¹⁴

Сложно обстоит дело с использованием парных феминативов в польском языке. Прежде всего, мы хотели бы отметить, что именно через этот лексический пласт проходит граница между повседневной непринужденной речью и литературным узусом: „przy tytułach mamy skłonność używania jednej formy dla obu płci, a więc słyszy się: *pani doktor*, *pani profesor*. Lud nie dba o takie rzeczy i nie robi różnicy między tytułem a nazwą zajęcia; mówi więc *pani profesorka* (= *pani nauczycielka*), *pani doktorka* (= *pani lekarka*)“ (Benni – Obrębska 1933: 184).

Острые проблемы языковой культуры стали предметом лингвистической дискуссии, вспыхнувшей между журналами „*Język polski*“ и „*Poradnik językowy*“. Журнал „*Język polski*“ целенаправленно насаждал маскулинизацию при обозначении лиц женского пола, имеющих те или иные титулы, звания и пр. При этом не принималось во внимание то, что это противоречит как традиционной литературной норме, так и норме повседневной непринужденной речи.

Тенденция внедрения маскулинизации в литературный польский язык отмечается после второй мировой войны. Красноречиво об этом пишет В. Дорошевский в своем труде „*Rozmowy o języku* (Doroszewski 1948). В нем он упоминает о том, что образование парных суффиксальных феминативов опирается лишь на языковую традицию, а отнюдь не на современную реальность: „*Jeżeli kobieta obejmuje stanowisko ministra, to ma ona czynić na tym stanowisku to, co czyni minister-mężczyzna, a stąd wynika, że gdybyśmy ujmowali tę sytuację tylko w kategoriach społecznych, to nie zachodziłaby potrzeba tworzenia dla ministra-kobiety innej nazwy niż dla ministra-mężczyzny. Bo nazwa powinna się wiązać nie z jakąś uboczną cechą osoby pełniącej daną funkcję, ale z wykonywaniem samej funkcji.*

¹⁴ В имеющихся у нас эксцерпциях отмечено несколько способов обозначения женщины, являющейся режиссером: *Она была очень хорошая режиссерша*, Эхо Москвы, 2004, беседа с русским эмигрантом князем Васильчиковым, постоянно проживающим во Франции, отражается старая норма русского литературного языка; *фильм болгарской по рождению и бельгийской по диссидентской своей планиде режиссерши Златины Русевой*, Новая газета, 1999, рецензия; *Началом знакомства сибирской публики с острой и больной эстетикой самой известной московской женщины-режиссера*, Новая газета, 2001, рецензия. Пример межязыковой интерференции был нами зафиксирован в торжественном выступлении официального представителя чешского посольства в России на фестивале чешских фильмов (2002): *Я очень рад, что здесь присутствуют две наших режиссерки*. Чешский дериват *režisérka* характерен для чешского узуса, в русском языке он пока что не употребляется.

Pewien kłopot z tym, jak nazywać kobietę-ministra, powstaje z przyczyn tylko formalno-językowych, stąd, że jesteśmy wdrużeni do używania form rodzaju gramatycznego i wydają nam się one niezbędne. (W zasadzie sprawa płci ministra jest tak samo pozbawiona związku z jego funkcją społeczno-państwową jak i kolor jego oczu)... Jeżeli kobieta jest ministrem, magistrzem i tak dalej, to trudno powiedzieć o niej inaczej niż: to jest minister, magister, profesor, doktor“ (Doroszewski 1948: 69 и далее). В. Дорошевский говорит также о двух тенденциях в образовании профессиональных обозначений: акцентирование признака пола – игнорирование признака пола, т.е. акцент ставится на выполняемой лицом общественной функции (см. Doroszewski 1948: 72). Сам В. Дорошевский высказывается в пользу второй тенденции¹⁵.

О войне¹⁶ между двумя тенденциями – традиционной и новаторской – говорит З. Клеменевич. Согласно ему, традиционная тенденция „zaleca odrębne formalne nazwy zawodów kobiecych“, в то время как новаторская тенденция „przemawia za zachowaniem wspólnej formy, gramatycznie męskiej, dla obu płci“ (Klemensiewicz 1957: 111). Как мы видим, речь идет не только о „войне“ между упомянутыми тенденциями, но одновременно дается и их качественная оценка (тенденция традиционная / тенденция новаторская). З. Клеменевич делает и соответствующий прогноз: после пятидесятилетнего единоборства тенденция „традиционная, извечная“ должна потерпеть поражение, в то время как тенденция новаторская, т.е. „przyznawania kobietom męskich tytułów zawodowych“, одержит окончательную победу, поскольку „zostaje ona *docentem, adiunktem, lekarzem, adwokatem, sekretarzem*“ (Klemensiewicz 1957: 103).

Против позиции журнала „Język polski“ отчаянно боролся „Poradnik językowy“: „epoca, w której kobiety zaczęły nauczać, wydawać poezje itd., zaznaczył się w języku powstaniem nazw: *nauczycielka, poetka, urzędniczka* itp. – jest rzeczą naturalną, że w czasach, gdy kobiety otrzymują doktoraty, katedry itd., tworzą się odpowiednie tytuły, jak *doktorka, docentka, profesorka, adwokatką*“ (Poradnik językowy 1934, 3: 46 и т.д.). Позиция, занимаемая журналом „Poradnik językowy“, суть которой состояла в поддержке традиционной концепции, оценивалась как пуристическая.

Создается, впрочем, впечатление, что ставить окончательно точку в этой дискуссии, еще рано, несмотря на то, что польский лингвист М.

¹⁵ Толерантность проявляется лишь в отношении к некоторым обозначениям: „Stąd nie wynika oczywiście, abyśmy mieli wyprzedzać zwyczaj językowy, który zresztą może się rozwijać zygzakami, i nazywali studentką, ignorując jej płeć, studentem. Nie.“ (Doroszewski 1948: 73).

¹⁶ Об эмоциональности этой дискуссии свидетельствует, помимо прочего, использование военной терминологии: *totalna wojna z uniwersalnym maskulinum, totalna walka, kapitulacja* и пр.

Лазиньский твердо верит в победу „univerzálního maskulina“: „Totalna wojna z uniwersalnym maskulinum nie ma w polszczyźnie wielkich szans powodzenia, ponieważ prowadzi do zbyt dużej redundancji tekstu, choć jest częściowo uzasadniona psychologicznie. (Laziński 2005: 144). Судя по приведенной цитате, напряженность по-прежнему сохраняется.

Утверждение о большей экономичности универсального мужского рода представляется нам неправомерным, поскольку механическая компактность на практике может привести к информационному дефициту¹⁷, для покрытия которого нужно будет вводить в текст дополнительные уточнения и комментарии.

В целом можно сделать следующее обобщение: в середине XX. в. в литературном чешском языке более или менее последовательно использовались парные суффиксальные феминативы; в литературном польском языке более прочные позиции занимала маскулинизация; литературный русский язык занимал несколько промежуточное положение.

Не намереваясь выступать в роли арбитра в полемике, проходящей в польской лингвистике, позволим себе все же высказать несколько замечаний.

Нам кажется концептуальной ошибкой то, что на основе процессов, наблюдаемых лишь в литературном узусе, делается типологическое обобщение о системных параметрах языка в целом. Мы имеем в виду разделение языков на конкретные и абстрактные. К языкам с преобладанием абстрактности, прежде всего, относился язык английский, отчасти французский. Именно в этом направлении должен был бы развиваться и польский язык. В связи с этим высказывалось предположение о том, что целенаправленная маскулинизация могла бы способствовать большей абстрактности и польского языка (использование средств словообразования рассматривалось как проявление конкретности).

Во всех этих типологических обобщениях, по нашему мнению, не учитывалось то, что в действительности речь шла лишь о кодификационных предписаниях. Иными словами, происходила подмена системных языковых закономерностей – кодификацией, национального (этнического) языка – языком литературным. Данная подмена отнюдь не была случайной, она была обусловлена ошибочностью используемой социолингвистической концепции, которую можно было бы определить

¹⁷ Журнал „Poradnik językowy“ приводит в качестве отрицательного примера текст следующего объявления: „*Dr. J. Krzywy ordynuje w chorobach skórnych itd. A jest kobieta*“ (Poradnik językowy, 1925, 1: 15-16).

как литературноцентристскую и стратификационную¹⁸. Суть этой концепции состоит в квалификации литературного языка как самой престижной, самой перспективной, универсальной формы существования этнического языка. Все остальные языковые идиомы занимают в шкале ценностей более низкое положение, со временем все они должны исчезнуть. Как нам представляется, польская лингвистическая дискуссия наглядно показала уязвимость литературноцентристской концепции.

Начиная со второй половины XX. столетия активизируются новые социолингвистические и коммуникативные факторы, влияние которых, судя по всему, будет долговременным. В этой связи следует, прежде всего, упомянуть о происходящем изменении речевого стандарта публичного общения в направлении “массовизации”, “устнизации”, усреднения узуса. Большую роль в этом играют новые электронные информационные технологии. Приоритетное положение в этот период начинают занимать устные СМИ, характеризующиеся повышенной коммуникативной интерференцией, большей толерантностью в отношении к узусу повседневного, непринужденного общения. Именно узус устных медийных средств становится ныне эталоном вербальной культуры, нормообразующим фактором в узусе публичного общения (см. по этому поводу: Нешименко 1999а; Нешименко 2001; Нешименко 2003 и т.д.). В свете этих изменений переоценка действующих кодификационных предписаний становилась неизбежной.

Что касается обозначений лиц женского пола, то здесь отчетливо проявилась активизация словообразовательной фиксации родо-половой корреляции, возрастания ее продуктивности. В аспекте тенденции языковой экономии суффиксальные производные являются более компактными. Благодаря этому их использование способствует решению проблемы насыщения каналов коммуникативной связи большим количеством информации, ускорению ее доведения до адресата.

Предпочтительное использование парных существительных женского рода со значением лица¹⁹ постепенно становится характерной приметой узуса публичной коммуникации на русском языке. Это можно отчетливо проследить на материале неологизмов, у некоторых из них даже уточняется время их появления: *сидят замаскированные боевики и боевички* (появился такой неологизм во вторую чеченскую войну). Новая газета, 2000; *пограничницы появились в Шереметьево*. Телевидение,

¹⁸ Подробный анализ этой концепции представлен в монографиях (Нешименко 1999а; Нешименко 2003).

¹⁹ Примечательно, что в телевизионных новостях (2002) вначале употреблялось описательное обозначение *женщина-смертник*, однако годом позже в газете нам встретился суффиксальный дериват *смертница*.

Новости, 1997; симпатии зрителей, дружно подбадривавших “боксерку” (вполне законный неологизм с 9 октября). Московский комсомолец, 1999²⁰.

В результате межидиомной интерференции в литературный узус постепенно проникают некоторые словообразовательные суффиксы, истинная принадлежность которых к разговорному узусу, является совершенно очевидной. Проиллюстрируем это на примере случаев конкуренции феминных суффиксов *-к(a)* и *-ш(a)*, причем, суф. *-ш(a)* вполне успешно конкурирует с самым продуктивным суффиксом *-к(a)*. Выше уже упоминалось об этом новом очаге конкуренции, появившемся в современном литературном русском языке. Приведу списком некоторые парные феминативы с суф. *-ш(a)*: авторша, акционерша, ассистентша; банкирша, бизнесменша, боксерша, билетерша; гидша, гримерша, гомеопатша; дикторша, депутатша, диджейша, дискжokeйша, диспетчерша, дизайнерша, диктаторша; интервьюерша, инспекторша; канцлерша, комментаторша, кассиерша, корреспондентша, комендантша, киллерша; лейтенантша; маклерша, музыкантша, музыковедша, могиканша, модельерша, меценатша, мистификаторша; наркокурьерша; организаторша, операторша, оппонентша; профессорша, парикмахерша, почтальонша, предпринимательша, плантаторша, президентша, продюссерша, партнерша; режиссерша, реквизиторша, рэперша, рэкетиерша, редакторша; секретарша, сенаторша, спринтерша, следовательша, снайперша; фараонша, фермерша. У некоторых производных с суффиксом *-ш(a)*, выделенных с помощью подчеркивания, отсутствуют, по крайней мере, в нашем материале конкуренты с суф. *-к(a)*. Иными словами, они являются единственными феминативами в соответствующих словообразовательных гнездах. В приведенный перечень включены и недавние неологизмы, например, канцлерша; ср.: В Германии президент Буш обрел нового друга – канцлершу Меркель. НТВ, Новости, речь корреспондента, 2006. Заметим, что компьютерный тезаурус маркирует большинство феминных обозначений красным цветом, что говорит о том, что они не учитываются в кодификации.

Нельзя, впрочем, не признать, что разговорный шлейф у дериватов с суф. *-ш(a)* все же ощущается. Сказанное относится и к боксеркам, футболисткам, бизнесменкам. Со временем, однако, эта стилистическая окраска, очевидно, потускнеет.

Изменение вербального стандарта публичного общения облегчает приток включений из повседневного узуса в литературный, усиливает вариативность и конкуренцию при образовании новых слов. Это позво-

²⁰ Ср. чеш. že prý se ženy vyrovnají mužům i ve sportu. Ponecháme-li stranou pro důkaz chybějící vzpěračky, boxerky a zápasnice – alespoň v našich podmínkách. Vlasta, 1980.

ляет взглянуть по-новому на проблему выработки кодификационных предписаний, смягчает категоричность запретов, открывает перспективы для принятия новых номинационных решений.

Вполне естественно, что в новой ситуации вряд ли может иметь будущее литературноцентристская, стратификационная концепция. В связи с этим возникает необходимость в рассмотрении обсуждаемых проблем через призму социолингвистики и коммуникативистики. Именно к этому мы и стремились, разрабатывая концепцию бинарного членения коммуникативного и языкового пространства, основывающуюся на оппозиции регулируемого и нерегулируемого речевого поведения²¹.

Категория парных существительных женского рода со значением лица привлекает внимание исследователя своей динамичностью. Она находится в движении. Это особенно касается русского и польского литературных языков²², в которых их деривационные потенции довольно длительное время намеренно сдерживались.

Результаты изучения феномена парных феминативов могут быть полезны при решении целого ряда актуальных теоретических проблем. Сделанные наблюдения и выводы могут стать импульсом для нового подхода к таким проблемам как наличие взаимосвязи между кодификацией и системными закономерностями языка, между системой и нормой языка. К сожалению, в рамках короткой статьи все эти вопросы могут быть затронуты лишь вскользь.

Л и т р а т у р а

- Колесников 2002: *Колесников Н.П.* Толковый словарь названий женщин. Москва, 2002.
Нещименко 1960: *Нещименко Г.П.* Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР 19. 1960. С. 159–202.
Нещименко 1966: *Нещименко Г.П.* Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке // Советское славяноведение, 1966, 2. С. 31–40.
Нещименко 1968: *Нещименко Г.П.* История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX в. (Прилагательное). Москва, 1968.
Нещименко 1980: *Нещименко Г.П.* Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка. Praha, 1980.

²¹ Эта концепция была мною впервые публично представлена в 1985 г. на заседании Лингвистического объединения Чехословацкой академии наук в Брно. После длительного апробирования этой концепции на языковом материале, полностью подтвердившем ее правомерность, я предложила ее научной общественности вначале в виде многочисленных публикаций в России и за рубежом, а затем и в виде монографий (Нещименко 1999а; Нещименко 2003).

²² Примечательно, что Т. Смулкова приводит в составе современных польских неологизмов суффиксальные дериваты *bisnesmenka*, *menedżerka*, *bioterapeutka* (Smólkowa 2002: 110).

- Нещименко 1983: *Нещименко Г.П.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва, 1983. С. 30–52.
- Нещименко 1999: *Нещименко Г.П.* Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики. Динамика литературно-языковой нормы. Москва, 1999. С. 240–269.
- Нещименко 1999a: *Нещименко Г.П.* Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков // *Specimina Philologiae Slavicae*. Band 121. München, 1999.
- Нещименко 2001: *Нещименко Г.П.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания, № 1, 2001. С. 98–132.
- Нещименко 2003: *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. Москва, 2003.
- Петерсон 1941: *Петерсон М.Н.* Лекции по современному русскому литературному языку. Москва, 1941.
- Цейтлин 2001: *Цейтлин С.Н.* Словарь детских словообразовательных инноваций // *Specimina Philologiae Slavicae*. Band 132. München, 2001.
- Benni – Obrębska 1933: *Benni T.– Obrębska A.* „Sportswoman“ chce się widzieć z panią doktorką // *Język polski*, 1933, XVIII, z. 6.
- Co v slovníčích nenajdete 1978: *Co v slovníčích nenajdete*. Novinky v současné slovní zásobě. Praha, 1978.
- Čmejrková 1997: *Čmejrková S.* „Jazyk pro druhé pohlaví“ // *Daneš F. a kol.* Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 146–158.
- Dokulil 1962: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Dokulil 1962a: *Dokulil M.* Nová sovětská práce o tvoření slov v češtině // *Slovo a slovesnost* 23, 1962. S. 137–142.
- Doroszewski 1948: *Doroszewski W.* Rozmowy o języku. Warszawa, 1948.
- Doroszewski 1954: *Doroszewski W.* Rozmowy o języku. Warszawa, 1954, cep. 4
- Furdík 1993: *Furdík J.* Slovtvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča, 1993.
- Gładrow 1996: *Gładrow A.* „Belebtheit, Personalität und Sexus im Tschechischen und Slowakischen im Vergleich mit dem Deutschen“, *Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen*. Frankfurt/M., 1996. S. 196–202.
- Hoffmannová J. 2004: *Hoffmannová J.* „Ženy a muži v časopisech pro ženy: role, perspektivy, výrazové stereotypy“ // *Stylistika XIII*, Opole, 27– 34.
- Hrušková 1967: *Hrušková Z.* Jména přechýlená. In: Tvoření slov v češtině 2., Odvozování podstatných jmen. Praha, 1967. S. 536–551.
- Hubáček 1996: *Hubáček J.* K tvoření názvů přechýlených // *Žena – Jazyk – Literatura*. Sborník z mezinárodní konference. Ústí nad Labem, 1996. S. 271–273.
- Klemensiewicz 1957: *Klemensiewicz Z.* Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki // *Język polski*, XXXVII, z. 2, 1957. S. 101–119.
- Łaziński 2005: *Łaziński M.* Czy gramatyka może przeszkadzać w rozmowie kobiety i mężczyzny? In: Bariery i pomosty w komunikacji językowej Polaków. Lublin, 2005. S. 119–146.
- Něščimenko 2005: *Něščimenko G.* Tendence verbální úspornosti a její vliv na jazykovou dynamiku // *Jazyky a jazykověda*. Sborník k 65. narozeninám prof. F. Čermáka. Praha, 2005. S. 139–151.
- Něščimenko 2005a: *Něščimenko G.* K vývojovým tendencím v slovanské slovtvorbě (se zvláštním zřetelem k češtině), *Verba et historia*, Igoru Němcovi k 80. narozeninám. Praha, 2005. S. 255–264.
- Nová slova v češtině 1.: *Nová slova v češtině*. 1. Slovník neologizmů, Praha 1998.
- Nová slova v češtině 2.: *Nová slova v češtině*. 2. Slovník neologizmů, Praha 2004.

- Ohnheiser 2006: Zwischen Möglichkeit, Notwendigkeit und Usus: Neue Bezeichnungen weiblicher Personen im Tschechischen mit einem Blick auf das Russische // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 65, 2006. S. 231–244.
- Opavská 2005: *Opavská Z.* Nová pojmenování ženských osob // Kolektiv autorů pod vedením O. Martinové. Neologismy v dnešní češtině. Praha, 2005. S. 40–53.
- Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů 1999: Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. Praha, 1999.
- Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů 2004: Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. Praha, 2004.
- Smółkowa 2002: *Smółkowa T.* Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Kraków, 2002.
- Zagrodnikowa 1982: *Zagrodnikowa A.* Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982.
- Žena – Jazyk – Literatura 1996: Žena – Jazyk – Literatura. Sborník z mezinárodní konference. Ústí nad Labem, 1996.

Понятие 'страсть' как компонент категории оптативности (на материале польского, русского и чешского языков)

© доктор филологических наук Н.Е. Ананьева 2009

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти

.....
Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.

Б. Л. Пастернак

Профессор Александра Григорьевна Широкова была тем человеком, к научному творчеству, педагогической деятельности и личностным свойствам которого в полной мере приложимы слова «одержимость», «горение», «страстность», «энтузиазм», «пассионарность». Поэтому в сборнике, выходящем в честь ее 90-летия, мы посчитали уместным предпринять исследование понятия 'страсть' как составляющего лексико-семантического поля (далее ЛСП) оптативности (желательности, деидеративности). Проведенный анализ является продолжением цикла наших работ о лексических и фразеологических компонентах концептуального поля оптативности в польском и русском языках [Ананьева 2005: 109-124; Ананьева 2007: 424; Ананьева 2009].

В данной статье, посвященной светлой памяти выдающейся советской и российской богемистки, приводится также соответствующий чешский материал, который, с одной стороны, расширяет представление о возможных компонентах ЛСП деидеративности в славянских языках, а с другой, демонстрирует изначальную амбивалентность лексемы **strastь*. При исследовании лексической и синтаксической сочетаемости компонентов ЛСП деидеративности мы ограничиваемся примерами из русского и польского языков, почерпнутыми, главным образом, из лексикографических источников и в меньшей степени из художественных произведений.

Русское существительное *страсть* и его польские эквиваленты занимают в ЛСП оптативности не такое центральное место, как нейтральные по значению и стилистически немаркированные *желание-хотеть* или польск. *chęć – chcieć* (подробнее о них см. [Ананьева 2005]) и даже более периферийное польск. *pragnienie – pragnąć* [Ананьева 2007; Ананьева 2009]. В ЛСП оптативности русск. *страсть* входит в следующих современных значениях:

1. 'крайняя степень увлечения чем-либо';
2. 'чувственное влечение, горячая любовь к кому-либо'.

Таким образом, по значению это существительное и соотносящиеся с ним определители (*страстный* 'увлеченный', *страстно* 'увлеченно' – т. е. 'с огромным желанием, интересом' или 'с вожделением') обозначают высокую и даже крайнюю степень увлечения чем-либо / кем-либо, т. е. крайнюю степень *желания* что-либо сделать, чем-либо заниматься или чем-либо / кем-либо обладать. То, что в понятии 'любовь' содержится дезидеративный семантический комплекс, убедительно показал С. Г. Воркачев [Воркачев 2007: 285].

О синонимии 'нежной страсти' и 'любви' свидетельствуют строки А.С. Пушкина из «Евгения Онегина» об Овидии, который воспел «науку страсти нежной». Как известно, трактат Овидия Назона именовался «*Ars amatoria*», т. е. «Наука любить» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Н. А.).

Современные омонимичные субстантив *страсть* 'ужас, страх' (а в «страсти Христовы» и 'страдание') и просторечное наречие *страсть* 'ужасно' генетически соотносятся с лексемой *страсть*, являющейся периферийным компонентом ЛСП оптативности, восходя к **strachъ*, **trat-*, **(s)trad-* и под. Ср. приводимое В.В. Виноградовым обыгрывание А.С. Пушкиным этой лексической омонимии в примечании к III главе «Евгения Онегина», которое не вошло в печатный текст, а затем в слегка модифицированном виде было включено в «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Спрашивали однажды у старой крестьянки, *по страсти* ли вышла она замуж. – «*По страсти*, – отвечала старуха: – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». – Таковые *страсти* обыкновенны».

В.В. Виноградов обращает внимание на то, что каламбурное сопоставление литературного слова *страсть* 'увлечение, чувственная любовь' с народно-разговорным *страсть* 'страх' проведено писателем «для выражения глубоких социальных контрастов» [Виноградов 1954:19].

Этимологическая связь между **strastъ* и **strachъ* «проявляется» в простонародном *Страшная* (литер. *Страстная*). Например, у А.Н. Островского в «Невольницах» пьяница Мирон так говорит о своем грехе пьянства: «С Мироносицкой предел положил. Думал еще со *Страшной* закончить...» [Островский 2008, 6:8].

Сразу отметим, что в польском языке отсутствует аналогичная лексема (**straść*) не только как обозначающая 'увлечение, чувственную любовь', но и с какими-либо другими значениями. Морфонологический вариант с *d-* (*strad*) представлен в современном польском литературном языке только в *postradać* (*postradać zmysły* 'пострадать умом, т. е. ли-

шиться разума'). В древнепольском языке круг лексем с этим корнем был шире: частотным в текстах является глагол *stradać* 'терять, лишаться', употребляются прилагательное *stradny* (диал. *stredny*) 'нищий, несчастный, убогий' и существительное *stradnik* (им. мн. *stradnicy*) 'нищий, несчастный'. Например: *stradnikv nōdzny* в «Житии св. Блажея», *stradnici* в произведении Енджея Галки «Pieśń o Wicklefie» (1449 г.) – *A po niem [po Lassocie] laici, / obludzeny fschiczci, / przedzz [przezoż] gich dziedzici, / namiastkowie stradnicy / sō w welikey tszczi[c]i* [Vrtel – Wierczyński 1969:192].

В корне с глухим вариантом (*trat-*, производные – *utrata*, *strata* и под.) представлено только значение 'терять, утрачивать'.

В чешском языке лексема *strast*, как и в словацком, присутствует, но не входит в ЛСП желательности, поскольку имеет значение, представленное в русск. *страдание* (а также в *страсть* в словосочетании «*страсти Христовы*» и первой части композита *страстотерпец*, т. е. 'пре-терпевающий *страдание*, *мучение*') и польск. *cierpienie*. Ср. чешск. существительное *strast* 'страдание, мучение; печаль, горе', во мн. ч. *strasti* 'страдания, мучения'; прилагательные *strastiplný*, *strastný* (жизнь и т.д.) 'полный/исполненный страданий, страдальческий'; префиксальный дериват от *strast* – *soustrast* 'сострадание, сочувствие; соболезнование' (ср. польск. *kondolencja* для значения 'соболезнование'); производное прилагательное от *soustrast* – *soustrastný* 'сострадательный, сочувственный, соболезнующий' (ср. чешск. *projevit soustrast* – польск. *złożyć kondolencje* – русск. *выразить соболезнование*).

Русскому *страсть* со значениями, обуславливающими его вхождение в ЛСП дезидеративности, соответствуют чешск. *vášeň* (родственно польск. *waśnia* 'ссора'), польск. латинизм *pasja* и исконно польские восходящие к **тънѣти* однокоренные *namiętność* и *zapamiętałość*. Понятие 'страсть' в качестве компонентов ЛСП желательности выражают также производные от этих существительных дериваты, инвентарь которых будет представлен ниже при сопоставительном анализе состава словообразовательных гнезд русск. *страсть*, польск. *pasja*, *namiętność* и *zapamiętałość*.

Если русская лексема *страсть* многозначна, а в чешском ее значения распределены между *strast* и *vášeň* (кроме того, в качестве синонима к *strast* выступает, как и в русском, существительное *strádání* 'страдание, муки'), то польск. *pasja*, подобно русск. *страсть*, также полисемантическая. О многозначности польского латинизма *pasja* так пишут издатели сборника польских рассказов «*Opowiadania pełne pasji*» (Warszawa, 2008) в аннотации, помещенной на обложке книги: «Niewiele jest w języku polskim słów o tak różnych znaczeniach i odcieniach jak pasja. Pasja może oznaczać ochotę,amiętność, gniew lub cierpienie. Mówiąc «pasja» myślimy o silnym,amiętnym upodobaniu do czegoś. Przychodzi

nam na myśl szlachetna, twórcza pasja. W innej sytuacji możemy użyć tego słowa mówiąc o gniewie czy nawet furii. Miewamy własne pasje lub doprowadzamy kogoś do pasji. Pasja może mieć również znaczenie religijne, wtedy oznacza mękę. «Opowiadania pełne pasji» muszą więc być zbiorem pełnym namiętności. Jedenastu pisarzy zmierzyło się z tym tematem z prawdziwą pasją. A wydawcy pozostaje mieć nadzieję, że zbiór ten okaże się po prostu pasjonującym». [Opowiadania pełne pasji 2008]. – «В польском языке существует немного слов с такими различными значениями и оттенками значений, как *pasja*. «*Pasja*» может обозначать желание, страсть, гнев или страдание. Говоря *pasja*, мы думаем о сильной, страстной увлеченности чем-либо. Тогда мы имеем в виду благородную, творческую страсть (*pasję*). В другой ситуации мы можем употребить это слово, говоря о гневе и даже ярости. У нас бывают собственные *pasje* или мы доводим кого-либо до *pasji*. «*Pasja*» может иметь также религиозное значение, тогда она обозначает мучение (страдание). Таким образом, «Рассказы полные *pasji*» должны быть сборником, полным страсти. Одиннадцать писателей попробовали одолеть эту тему с подлинной страстью (*pasją*). А издателю остается надеяться, что это издание окажется просто-таки увлекательным (*pasjonującym*)». Добавим, что религиозное значение польск. *pasja* включает не только ‘муки, страдание’ (русск. *страсти Господни, страсти Христовы*, ср. *страсти по Матфею* и по этому типу образованное название фильма Андрея Тарковского «*Страсти по Андрею*»), но и музыкальное вокальное или вокально-инструментальное произведение, опирающееся на евангелический рассказ о муках Христа, в живописи – цикл сцен, изображающих муки Христа, а также великопостное богослужение (*pasja=nabożeństwo pasyjne*). С религиозным значением связана и лексема *pasjonat* ‘жития святых’ (т. е. претерпевших муки, страдания).

К ЛСП ‘желание’ относится, естественно, только часть семантического объема лексемы *pasja* (то, что обозначено в вышеприведенной аннотации синонимами *ochota* и *namiętność*).

Спецификой словообразовательных гнезд входящих в ЛСП оптативности исконно польских лексем по сравнению с латинизмом **pasja** является наличие в них определителей (**namiętny, namiętnie, zapamiętały, zapamiętałe**), что объединяет эти лексемы с русск. **страсть (страстно, страстный)**, и отсутствие глаголов. Адъектив *pasyjny* употребляется только в религиозном значении: ‘относящийся к Христовым мукам/страстям Господним или к соответствующему богослужению’ (*nabożeństwo pasyjne; obrazu, sceny pasyjne*). Одновременно, как и от **страсть**, от польск. **namiętność** образован деминутивный дериват с пейоративной семантикой (ср. **глупая, мелкая, позорная страстишка** – *namiętnostka*), что недопустимо для польск. **pasja**, соотносящегося только с субстантивами с семантикой лица (**pasjonat** «любитель чего-

либо, увлеченный чем-либо», **pasjonatka** «то же самое женского пола»), мотивированными глаголами **pasjonować (się)** «увлекать(ся)» или глагольным словосочетанием **mieć pasję** (do czegoś). В ЛСП оптативности входит также употребление в адъективной функции производного от глагола *pasjonować* причастия **pasjonujący** «увлекательный, захватывающий».

В словообразовательное гнездо русск. **страсть**, помимо деминутива, определителей **страстно**, **страстный** и производного от адъектива *strastny* существительного **страстность** со значением 'проникнутость страстью, чувством любви; чувствительность', входит также субстантив **пристрастие** в значении 'увлечение чем-либо'. Лексема *пристрастие* имеет не только значение 'склонность, увлечение чем-либо', но и более узкое значение 'необъективное, предвзятое отношение к кому-либо, необъективное предпочтение кого-либо, чего-либо' (так же как и соотносящиеся с ней определители *пристрастный* и *пристрастно*). Каузатив **пристрастить** 'склонить к занятию чем-либо' (т. е. каузировать, вызвать пристрастие к чему-либо) и рефлексив **пристраститься** 'получить сильное влечение, желание к чему-либо' также входят в ЛСП оптативности. Композит со значением лица **страстотерпец** не является компонентом ЛСП оптативности, поскольку соотносится с иным значением многозначной лексемы *страсть*, а именно 'страдание'.

Помимо лексемы **страсть** и однокоренных с ним существительных и определителей, в ЛСП оптативности в русском литературном языке входят также композит **сладострастие**, обозначающий 'сильное чувственное половое желание, вожделение, похоть', и образованные от него прилагательное **сладострастный** и существительное **сладострастник**.

Устаревшим синонимом к **сладострастию** является субстантив **сластолюбие**, который, как и производные от него **сластолюбивый** и **сластолюбец**, также являются компонентами ЛСП оптативности.

И в польском, и в русском в ЛСП дезидеративности входит также ироническая номинация объекта увлечения / желания **pasja**, **пассия** (*twoja pasja przyszła – твоя пассия пришла*), а в русском употребляющаяся в этом (и в более широком) значении лексема **симпатия**, лишенная в современном русском языке генетической «сострадательной» семантики.

На периферии подполя «страсть», входящего в ЛСП оптативности, находится активно употребляющаяся после выхода в свет работ Л. Н. Гумилева лексема **пассионарность**. Остальные в разное время заимствованные лексемы (так называемые «европеизмы» или «интернационализмы») с корнями **пат-/ пас-/ пац-/ паф-** (ср. русск. **пафос**=польск. **patos**, **пациент**, **пассив** и мн. др.) не имеют никакого отношения к ЛСП желательности ни в польском, ни в русском языках.

Таким образом, понятие 'страсть' как компонент ЛСП оптативности выражается в большей степени именами (субстантивная и адъективная репрезентация для русск. *страсть* и его дериватов, польск. *amiętność* и *zapamiętaność* и соотносящихся с ними однокоренных слов, польск. *pasja*), в меньшей – глаголами и образованными от этих глаголов именами лиц (составляющие словообразовательного гнезда латинизма *pasja*, русск. *пристрастить(ся)*).

Рассмотрим, соответственно, *лексическую* и *синтаксическую сочетаемость* польск. *pasja*, русск. *страсть*, а также исконно польских синонимов к латинизму *pasja* в качестве периферийных компонентов ЛСП оптативности.

Польск. *pasja* (как уже упомянуто в процитированной аннотации) может быть *szlachetna* «благородная» и *twórcza* «творческая». Могут быть также: *pasja badawcza* «исследовательская страсть, страсть к исследован/ию, -иям чего-либо», *pasja naukowa* «научная страсть», *pasja bibliofilska* «библиофильская страсть, страсть библиофила», *pasja zbieracka* «страсть к коллекционированию», *pasja malarska* «художественная страсть, страсть художника», *pasja myśliwska* «охотничья страсть», *pasja karciana* «страсть к картам, картежная страсть».

Существительное *pasja* употребляется с род. п. существительного, номинирующего объект страсти: *pasja czytania* «страсть читать/к чтению», *pasja pisania* «страсть писать/к писанию», *pasja poznania (czegoś)* «страсть познать что-либо / к познанию чего-либо». *Pasja* также может употребляться и с предложно-падежной конструкцией с предлогом *do*: *Pasja pracy* и *pasja do pracy* «страсть трудиться / к труду». Глаголы, инициирующие возникновение состояния «*pasji*»: *budzić* «возбуждать, пробуждать», *zaszczepiać w kims pasję (do czegoś)* «пробуждать, прививать кому-либо страсть к чему-либо». Сама *pasja* может *ogarnąć (kogoś)* «охватить кого-либо», *opanować (kogoś)* «овладеть кем-либо». Человек может *mieć jakąś pasję* «иметь какую-либо страсть». Что-то или кто-то может *być* или *stać się czyjąś pasją* «быть или стать чей-либо страстью/увлечением» (ср.:...muzyka była aż taką pasją Jennifer [Wiśniewski 2001:248]). Форма плюратива *pasjami* входит в состав фразеологизма *lubić coś pasjami* «обождать кого-либо».

Уже в переводах на русский язык вышеприведенных синтагм с лексемой *pasja* прослеживаются как различия, так и совпадения в лексической и синтаксической сочетаемости польск. *pasja* и русск. *страсть*. Так, представлено различие в синтаксической сочетаемости с существительным, обозначающим объект 'страсти': если для польского *pasja* – это предложно-падежная конструкция с *do* или родительный беспредложный, то русск. *страсть* употребляется либо с существительными в дат. п. с предлогом *k* (*страсть к чему-либо: к чтению, рисованию, коллекционированию* и т. д.; ср.: Еще безуспешнее было старание красави-

цы вдохнуть в своего товарища *страсть к какому-нибудь занятию, к чему-нибудь*, о чем бы он мог вымолвить слово. [Одоевский 2007: 635]), либо с невозможным в данном случае для польского языка инфинитивом (*страсть рисовать, писать, читать, коллекционировать* и т. д.).

В литературе XIX в. встречается и аналогичное польскому сочетанию *pasja czego (czytania* и т. д.) употребление субстантива *страсть* с беспредложным родительным падежом существительного, называющего объект страсти. Ср. у В.Ф. Одоевского в «Черной перчатке»: Графиня бросилась в эту пропасть с жаждою наслаждений, шума, разнообразия, танцев, волокитства (о компонентах ЛСП оптативности, континуирующих **żęd-*, см. в [Ананьева 2009]), – граф с разжженной, свежеею *страстью честолюбия* [Одоевский 2007: 546].

Как по-польски, так и по-русски можно что-то делать *z pasją* «со страстью» (ср.: *pracować z pasją*). По-русски говорят: быть увлеченным чем-либо *до страсти* (*увлечен книгами до страсти*).

Существительное *страсть* в значении ‘сильная чувственная любовь’ употребляется с глаголами с семантикой «повышенной температуры»: (*вос*)*пылать страстью, гореть страстью* (ср. ниже то же для польск. *patiętność*). Жаркий, горячий характер этого чувства выражен и в соответствующих эпитетах, например, *пылкая страсть*. Ср.: *страстью пылкой утомляйся / И за чашей отдыхай* [Пушкин. Гроб Анкреона]. «Градус» этого чувства может меняться: *страсть может усиливаться, разгораться, разжечься*, а может *остывать, угасать* (ср.: *страсть сильнее становится* [Пушкин. К Наталье] и *постылый* как определение бывшего предмета страсти, любви). Страсть, особенно любовная, проявляет «этимологическое родство» со страданием, подобно которому она *терзает, мучит, изнуряет* человека. Ср. в «Изменах» у А. Пушкина: Все миновало / Мимо промчало / Время любви. *Страсти мученья* / В мраке забвенья / Скрылися вы. У Арсения Тарковского в «Чистопольской тетради» глагол «*терзать*» относится и к *страсти* (=любви), и к скорби: В последний раз ты говоришь о *страсти*, / Не *страсть*, а *скорбь терзает* наши души. [Тарковский 2008: 43].

Как и в польском языке, в качестве глагола каузирования состояния страсти употребляется глагол с корнем *буд’-/бужд-* (польск. *budz-/budź-*): *возбуждать / возбудить страсть*, а также глаголы с семантикой «горения» (например, *зажечь* в ком-либо *страсть*). Пример из «Привидения» В. Ф. Одоевского: Ее муж смотрел на это сквозь пальцы и, казалось, еще радовался, что его жена имеет случай кокетничать и *возбуждать страсть* молодых офицеров [Одоевский 2007: 470]. *Страсть* ‘любовь’ может быть *безответной* и тем самым *безотрадной* (Нет, пуше *страстью безотрадной* / Татьяна бедная горит [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. IV. XXIII]. Этому чувству трудно противостоять (*не(пре)одолимая, неукротимая, необузданная страсть*: Так точно ду-

мал мой Евгений / Он в первой юности своей/Был жертвой бурных заблуждений/И необузданных страстей [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. IV. IX]. Оно имеет всепоглощающий, порабощающий человека (ср. *раб страстей*) иррациональный характер (*безумная страсть, безрассудная страсть, слепая страсть*). Внезапный характер страсти, ее интенсивность подчеркивают прилагательные и существительные, непосредственно или опосредованно определяющие существительное *страсть*: *взрыв страсти, бурная страсть, мятежная страсть* (Мы любим слушать иногда / *Страстей* чужих язык *мятежный* [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. IV. XVIII]; Но чаще занимали *страсти* / Умы пустынных моих. / Ушел от их *мятежной власти* / Онегин говорил об них [Ibid]).

Человек, охваченный «нежной страстью», не может оставаться спокойным, он «трепещет» (На милую стремить томленья полны очи / И *страстью трепещать* [Пушкин. К ней]). К страсти (чужой) можно относиться легкомысленно, «играть» ею. Ср.: Как ветерок / Ранней порой / Тонкий листочек / С резвой волной / Так непрестанно / Непостоянно / *Страстью играл* [Пушкин. Измены]. Но пушкинское «*легкомыслие страстей*», примененное к Татьяне, писавшей Онегину, употреблено в ином смысле: легкомыслие возникновения страсти (=любви): Ужели не простите ей / Вы *легкомыслия страстей?* [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. III, XXIV]. С другой стороны, «*игра страстей*» также не соотносится с «*играть страстью*», поскольку означает 'сменяемость, непостоянность бурных чувств' (=кипение страстей).

Существительное *страсть* (как и входящие в состав ее словообразовательного гнезда определители *страстный, страстно*) имеют и более обобщенное значение 'сильное чувство', не включающее оттенка 'желание': *страсти кипели, страсти разыгрались, страстная речь* 'т. е. полная чувства, горячая, пламенная речь' (в отличие от *страстный взор, страстный любовник* – ср. Уж я не тот *любовник страстный* [Пушкин. Старик.]), он говорил *страстно* 'т. е. с большим чувством, горячо'.

Многозначность лексемы *страсть* не всегда поясняется контекстом. Пример из произведения В. Ф. Одоевского «4338-й год»: «...люди всегда останутся людьми, как это было с начала мира: останутся все те же *страсти*, все те же побуждения [Одоевский 2007: 488]. «*Страсти*» здесь может означать и 'сильные, горячие чувства' и 'сильные увлечения'. В другом контексте в той же повести плюратив «*страсти*» обозначает скорее всего 'сильные, горячие чувства; запальчивость, безрассудность': «Это постановление имело, сверх того, спасительное влияние на уменьшение тяжб: всякий успевае одуматься, а закрытие присутственных мест препятствует тяжущимся действовать в минуту движения *страстей*» [Ibid: 498]. Ср. также в «Черной перчатке»: Более всего старайтесь умерять свои *страсти* и даже совсем уничтожать их - после

этого все будет легко [Одоевский 2007: 540]. Та же неоднозначность представлена, например, в следующем четверостишии Арс. Тарковского, обращенном к М. Цветаевой: Не дерзости твоих *страстей* / И не тому, что все едино. / А только памяти твоей / Из гроба научи, Марина!» [Тарковский 2008: 41].

Страсть как 'увлечение' может быть амбивалентна: в зависимости от того, что является предметом этой страсти, субстантив *страсть* определяется адъективами положительной или пейоративной оценки. Так, страсть к пьянству, к картам, наркотикам и т. п. безусловно определима как *пагубная страсть* (может быть *пагубная страсть* и по отношению к кому-либо, так же как и *низкая/низменная страсть*). Страсть может быть *позорной* (ср. Смерть *позорна*, как *страсть* [Тарковский. Нежная ночь в Вене]). А вот страсть помогать ближним, альтруизм, по всей видимости, относится к благородным страстям. Следует отметить, что в польском языке не употребляется словосочетание **zgrabna pasja* (например, по отношению к курению, пьянству и т.п.), поскольку здесь используется слово *nalóg* («дурная привычка, порок») – *nalóg palenia, pijalstwa* и т. п.

Красочное описание одной из «*пагубных страстей*» – страсти к карточной игре – как захватывающего всю духовную сущность человека всепоглощающего чувства, влияющего и на физическое состояние игрока, дает В. Ф. Одоевский в одной из «Пестрых сказок»: «...то таинственное чувство, которое заставляет иных совершать преступления, других изнурять свою душу мучительною любовью, третьих прибегать к опиуму, – в организме Ивана Богдановича образовалось под видом *страсти к бостону*; минуты за бостоном были сильными минутами в жизни Ивана Богдановича; в эти минуты *сосредоточивалась вся его душевная деятельность, быстрее бился пульс, кровь скорее обращалась в жилах, глаза горели, и весь он был в каком-то самозабвении*» [Одоевский 2007: 610].

Амбивалентную сильную склонность к чему-либо, увлечение чем-либо означает и однокоренной с существительным *страсть* субстантив *пристрастие* (*пристрастие к труду* – мелиоратив; *пристрастие к пьянству, к курению, наркотикам и т. п.* – пейоративы). Ср. слова Мирона из «Невольниц» А. Н. Островского о своем пороке – пьянстве: «Не то, чтоб у меня охота или какое к этой *дряни* [водке. – Н. А.] *пристрастие*, все от душевного огорчения [Островский 2008. 6: 8]. А у героя пьесы «В чужом пиру похмелье» купчика Андрея Титыча совсем иное *пристрастие*: «Я к *скрылке* очень *пристрастие* имею», – заявляет он [Островский 2008, 1: 276].

Употребление соответствующих прилагательных с позитивной или отрицательной семантикой со словами, номинирующими чувство состояния страсти, может зависеть и от субъективной оценки этого со-

стояния говорящим (ср. «глупое **пристрастие** к чуду» у Арс. Тарковско-го).

Русск. *страсть* (как и польск. *pasja*) противопоставит *равнодушие* (польск. *obojętność, zobojętnienie*), т. е. 'отсутствие заинтересованности, увлеченности, желания что-либо делать и т. д.'.

Эквивалентом русск. *страстный* в значении 'увлеченный, горячий; вожделенный' (с ударением на первом слоге в отличие от религиозного *страстной*, -а́я, -о́е – *Страстная неделя* – польск. *Wielki Tydzień, Страстная Пятница* – польск. *Wielki Piątek* и т. п.) является польск. *namiętny*, соотносящееся с субстантивом *namiętność*. Эта генетически славянская лексема синонимична части значения латинизма *pasja*, входящих в ЛСП 'желание', обозначая: 1. 'страсть, сильное увлечение'; 2. 'пристрастие, сильное увлечение'. Она не обладает «мученической», «страдательной» семантикой, представленной в части семантического объема польского латинизма и русск. *страсть*. Ср. *namiętność do kart=karciana pasja/pasja do kart, jego pasją/namiętnością są narty* «его страсть – лыжи». В ЛСП оптативности входят, как уже было отмечено выше, адъектив *namiętny* 'страстный, пылкий' (*namiętna miłość* «страстная любовь», *namiętny myśliwy* «страстный охотник» и т. д.), наречие *namiętnie* «страстно» и пейоратив *namiętnostka* 'страстишка; слабость'.

Глаголы каузации состояния/чувства страсти, номинируемой субстантивом *namiętność*, аналогичны глаголам, употребляющимся с лексемой *pasja*, и однокоренным соответствиям русского языка, исползуемым для лексемы *страсть*: *obudzić, wzbudzić namiętność* «возбудить, пробудить страсть». *Namiętności* могут быть *dzikie* «дикие», *niskie* «низкие», *nieposkromione* «неукротимые», *wielkie* «огромные», *złe* «дурные». О внезапном, стремительном, бурном характере чувства «*namiętności*» свидетельствует лексическая сочетаемость субстантива: *wybuch namiętności* «взрыв страсти», *dać się porwać namiętnościom* «поддаться порыву страстей». *Namiętności* можно *podsycać* «подпитывать», *rozdmuchiwać* «раздувать» (как огонь). О «высоком накале» этого чувства/состояния и возможном изменении его «температуры» свидетельствует сочетаемость лексемы *namiętność* с глаголами *rozpalać się* «разгораться» и *stygnać* «остывать» (*namiętności rozpalają się, namiętności stygną*). На утрату объективного взгляда на вещи, отключение разума (ср. *безумная, безрассудная страсть*) указывает словосочетание *zaślepiony namiętnością* «ослепленный страстью». О невозможности в ряде случаев противостоять наплыву чувства «*namiętności*» свидетельствуют сочетания *holdować namiętnościom* «подчиняться страстям», *ulegać namiętnościom* (ср. русск. *быть рабом* своих страстей), *nieposkromiona namiętność* «неудержимая страсть», *nieokielznana namiętność* «неукротимая, необузданная страсть». Человек может быть *powodowany namiętnością* «ведомый страстью».

Как и *pasja*, существительное *namiętność* управляет существительным в родительном беспредложном или с предлогом *do*: *namiętność czytania, dyskusowania, grania na fortepianie, palenia papierosów* «страсть к чтению / читать, к дискуссиям / дискутировать, играть на фортепьяно / к игре на фортепьяно, курить / к курению»; *namiętność do kart (książek, sportu)* «страсть к картам (книгам, спорту)».

Подобно русск. *страстный*, польск. *namiętny* может означать и 'очень сильный, горячий', уже не входя в рассматриваемое ЛСП (*namiętne słowa, namiętny płacz, namiętny gniew, namiętny protest* и т. п.), и 'охваченный страстью к чему-либо, проявляющий исключительный интерес к чему-либо, сильно увлеченный чем-либо' (*namiętny palacz* «страстный курильщик», *namiętny gracz* «страстный игрок», *namiętny czytelnik kryminalów* «страстный читатель детективов», *namiętny zbieracz znaczków* «страстный коллекционер марок», *namiętny zbieracz starych druków* «страстный собиратель старопечатных книг»), и 'вызывающий вожделение, чувственный' (*namiętne pocałunki* «страстные поцелуи», *namiętne spojrzenia* «страстные взгляды», *namiętne uściski* «страстные объятия», *namiętny kochanek* «страстный любовник» и под.). В двух последних значениях в прилагательном явственно выражена сема 'желание'. Те же значения представлены в производном от адъектива адвербиуме *namiętnie* (2. *całować, szeptać, ścisnąć namiętnie* 'страстно целовать, шептать, обнимать'; 3. *namiętnie uprawiać sport* «увлеченно, с увлечением заниматься спортом», *namiętnie trenować* «увлеченно/с увлечением тренироваться», *namiętnie lubić polowanie* «страстно любить охоту», *namiętnie lubić łowienie ryb* «страстно любить рыбалку» и т. д.).

Корень, восходящий к **mьnĕti*, представлен также в таких компонентах ЛСП оптативности, как *zapamiętałość* «страстность», *zapamiętały* «страстный», *zapamiętałe* «страстно», *zapamiętanie* «страстность, самозабвение, иступление». Здесь значение 'страстно, горячо' сформировалось на базе старого значения глагола *zapamiętać* 'забыть' (антонимичного современному его значению 'запомнить'). Делать что-то «*zapamiętałe*»=делать что-либо, забывая обо всем и всех, целиком погружаясь в действие, отдавая всего себя ему (ср. русск. *самозабвенно*). Ср.: *zapamiętały gracz* «страстный игрок», *zapamiętały myśliwy* «страстный охотник», *zapamiętały (=namiętny) zbieracz sztuki ludowej* «страстный коллекционер предметов народного искусства», *zapamiętały w pracy* «страстно увлеченный работой», *zapamiętały w gniewie* «страстный (забывающий себя) в гневе» и др.

Наиболее ярко «жаркой» семантикой насыщены переносные употребления польского глагола *zapalić (się)* и чешского соответствия *zapáliti (se)*, а также дериватов от них для обозначения понятий, связанных со страстью: *ktoś zapalił się do malarstwa* «кто-то страстно увлекся живописью» (т. е. испытывает горячее желание рисовать или осматри-

вать / изучать произведения живописи), *on zapalił się do czynu* «им овладела жажда деятельности, он загорелся желанием действовать». Глагол каузации возникновения этого состояния – *zapalić* (*on zapalił go do czynu* «он побудил его к действию, т. е. каузировал желание действовать») также входит в указанное ЛСП. От *zapalony* ‘страстный, горячий’ (*zapalony myśliwy*=*zapamiętały myśliwy* «страстный охотник») образован дериват *zapaleniec* ‘увлекающийся человек, энтузиаст’. То же касается чешск. *zapálený* (2. увлеченный, отдавшийся чему-либо со страстью), соотносящегося с переносным значением глаголов *zapáliti* (*se*) ‘зажечь(ся), увлечь(ся)’.

Подведем некоторые *итоги*.

1. Только часть значений польского латинизма *pasja* и русского континуанта праславянского **strastь* (и их производных) входят в ЛСП оптативности в качестве его периферийных компонентов.

2. Кроме латинизма *pasja* (и производных от него), в польском языке компонентами ЛСП оптативности являются также исконные и этимологически однокоренные лексемы *namiętność* и *zapamiętałość* (а также составляющие их словообразовательных гнезд).

3. В польском языке отсутствует лексема **straść* не только в качестве компонента ЛСП оптативности, но и с какими-либо другими значениями, в отличие от чешского и русского языков. Однако чешск. *strast*, обозначая ‘страдание’ (наряду с синонимичным *strádání*), в отличие от русск. **страсть** (имеющего помимо «страдательной» семантики, значения, связанные с категорией оптативности), не является компонентом ЛСП желательности. В польском также крайне слабо репрезентирован морфонологический вариант данного корня со звонким **d** (**strad-**) в значении ‘лишение, утрата’ (только в *postradać zmysły* «лишиться ума, пострадать умом»), в то время как в русском и чешском корень **strad-** широко употребим с семантикой ‘страдание, муки’ (в чешском во мн. ч. также ‘лишения’). На более ранних этапах исторического развития польского языка корень **strad-** был представлен шире (*stradny*, *stradnik* «несчастный, убогий»), но также занимал, скорее всего, периферийное место по сравнению с основной исконно славянской лексемой, номинирующей ‘страдание, муки’, – *cierpienie*. В современном русском языке ситуация противоположная: основными для номинации состояния претерпевания мук являются лексемы с корнем **страд-** (**страдать, страдание**), континуант **tьrpěti* в этом значении находится на периферии (ср. **страстотерпцы**, Христос **терпел** и нам велел).

4. Привлеченные для лексико-семантического анализа лексемы польского, русского и чешского языков демонстрируют, несмотря на сравнительно небольшой их инвентарь, проявление общеизвестных

тенденций в формировании лексического состава указанных трех языков, в частности, различие в этом отношении между польским и чешским языками. Если история первого не прерывалась, что позволяло ему спокойно воспринимать и сохранять иноязычные элементы (ср. сохранение многозначного латинизма *pasja*, функционирующего наряду с *namiętność* и *zapamiętałość*, латинизма *kondolencja*), то при возрождении в XIX в. чешского литературного языка (после перерыва в его развитии в XVII – XVIII вв.) на основе языка чешских памятников XVI в. и с учетом соответствующих образований в других славянских языках (в том числе и в русском) проявляются пуристические тенденции (устранение заимствований и замена их славянскими эквивалентами) – ср. использование в качестве компонента ЛСП желательности лексемы *vášeň*, сохранение лексемы *strast* в значении ‘страдание’, употребление в качестве эквивалента русск. *сострадание* также славянской лексемы *soustrast* (при функционировании в польском латинизма *kondolencja*). Из всех значений латинизма *pasja* в чешском представлен только религиозный термин *pasjonál* «жития святых», известный также в польском языке.

5. В качестве компонентов ЛСП дезидеративности польские лексемы **pasja, namiętność, zapamiętałość** демонстрируют близость своей лексической и синтаксической сочетаемости. Семантика глаголов и прилагательных, соотносящихся с этими словами, обычно совпадает со значениями лексем, сочетающихся с русской лексемой **страсть** (ср. **nieposkromiona namiętność – неукротимая страсть, wzbudzić pasję – возбудить страсть, страсти rozgorzały – namiętności rozpalaly się** и под.).

Лексическая сочетаемость выявляет следующие свойства данного номинируемого состояния / чувства: интенсивность, сила проявления; внезапный и стремительный характер; подобие огню (разжигаемому и гаснущему) и, соответственно, обладающему жаром, «высокой температурой», которая может изменяться; иррациональный характер; невозможность сопротивления этому состоянию (антирезистантность).

Страсть как увлечение может быть амбивалентна: в зависимости от того, что является предметом этой страсти, она определяется адъективами положительной или пейоративной оценки.

6. Различия в синтаксической сочетаемости между русск. **страсть** и польск. **pasja** на синхронном уровне представлены, в частности, в форме номинации объекта страсти: в русском – это существительные в дательном падеже с предлогом **к** или инфинитив (**страсть к чтению, страсть читать**), в польском – это существительные либо в форме родительного беспредложного (**pasja czytania**), либо родительного с предлогом **do** (**pasja pracy // pasja do pracy**). Для более раннего периода возможны иные соотношения (ср. «страсть честолюбия» у В. Ф. Одо-

евского). С чешск. **vášeň** употребляется существительное в винительном падеже с отсутствующим в польском предлогом **pro (vášeň pro opalování** «страсть загорать»).

7. Существительные «*страсть*», «*pasja*», «*namiętność*» и соотносимые с ними однокоренные слова, выражая крайнюю степень интенсивности данного чувства / состояния, особенно широко употребляются в наиболее эмоционально маркированном дискурсе – языке лирической поэзии, а также в прозаических и драматургических произведениях XIX в. при наличии в них любовных коллизий.

Высокий книжный характер лексем *страсть*, *pasja*, *namiętność* отражен и в соответствующем характере сочетающихся с ними слов. Ср. для русск. страсть: **порабощен страстью**, **необузданная страсть**, **неудержимая страсть**, **безнадежная страсть**, **трепетная страсть**, **пылкая страсть**, **пагубная страсть**, **низменная страсть** и мн. др.

Л и т е р а т у р а

- Ананьева Н. Е. Концепт 'желание' в польском и русском языках (I. польск. **chęć – chcieć**, русск. **желание – хотеть**). Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. – М.: МАКС Пресс, 2005. – С. 109 – 124.
- Ананьева Н. Е. Концепт 'желание' в русском и польском языках (II. русск. **жажда – польск. *żądza, pragnienie***) // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет 20 – 23 марта 2007 года. Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 424.
- Ананьева Н. Е. О некоторых компонентах лексико-семантического поля 'желание' в русском и польском языках (русс. *жажда* – польск. *żądza*, польск. *pragnienie*). М., 2009 [в печати].
- Виноградов В. В. Язык художественной литературы // Вопросы языкознания. 1954, №5. С. 3-26.
- Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – С. 284.
- Одоевский В. Ф. Русские ночи. – М., 2007.
- Островский А. Н. Собрание сочинений в шести томах. – М.: Терра, 2008.
- Пушкин А. С. Сочинения. – ОГИЗ, 1949.
- Тарковский А. Благословенный свет. Стихотворения. – СПб.: «Азбука-классика», 2008.
- Opowiadania pełne pasji. – Warszawa: Wydawnictwo MG, 2008.
- Słownik języka polskiego. T. I – III / Red. M. Szymczak. – Warszawa, 1978-1981.
- Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do roku 1543. – Warszawa, 1969.
- Wiśniewski J. Samotność w sieci. Трыптык. – Warszawa, 2001.

„Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...“, или Чехи под Новороссийском

© кандидат филологических наук С.С. Скорвид, И.В. Третьякова 2009

Начиная с 1978 года, во всяком случае на памяти первого из авторов нижеследующих заметок, тогда студента III курса славянского отделения филологического факультета МГУ, проф. Александра Григорьевна Широкова на своих лекциях по истории и диалектологии чешского языка не раз повторяла: «В селах под Новороссийском живут чехи... Надо бы туда поехать, описать их диалект!» Прошло тридцать лет, и теперешний доцент МГУ С.С. Скорвид посетил расположенное близ Новороссийска село Кирилловка – одно из нескольких сел, которые во второй половине XIX века основали на Черноморском побережье Северного Кавказа чешские переселенцы. Памяти А.Г. Широковой хотелось бы посвятить сообщение об итогах этой пока еще не диалектологической экспедиции, но всего лишь разведывательной поездки, первая часть которого написана по материалам председателя действующего в Кирилловке Культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка» И.В. Третьяковой, собранным ею при участии кубанского исследователя, автора ряда публикаций о северокавказских чехах В.С. Пукиша¹, а вторая – на основе опроса информантов, который проводил С.С. Скорвид. Его информантами в Кирилловке были супруги Ружичка (Ружечко) Божена (Евгения) и Леонид (83 и 82 года), Мария Коваль (82 года), Мария Чехова (84 года) и Владислав Кабрда (78 лет); помимо этого, в г. Анапа удалось записать беседу с выходцами из с. Варваровка Анастасией Сланец (96 лет) и ее дочерью Марией Малик (77 лет). Всем им – величайшая благодарность!

1. История села Кирилловка

начинается 140 лет назад. После Кавказской войны 1829–1864 гг. территория Черноморского побережья Северного Кавказа обезлюдела. Для ее заселения, помимо русских, которые неохотно переезжали в этот край с непривычным для них климатом, царским правительством приглашались греки, армяне, эстонцы, немцы и – чехи (тогда австрийские подданные).

¹ См. в особенности: Пукиш В. С. Топонимия и микротопонимия чешских сел Кубани // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы VI Всероссийской научной конференции. Майкоп, 2008. С. 113–115.

В Новороссийск чехи были перевезены в 1869 г. из Одессы пароходами РОПИТа («Русское общество пароходства и торговли»). Некоторые семьи добирались до места сами на подводах, проведя в дороге долгие месяцы. Всего тогда прибыло 360 семей. В окрестностях Новороссийска возникло пять чешских либо смешанных чешско-русских сел: Кирилловка, Мефодиевка, Глебовка, Борисовка, Владимировка. Остальные чехи были направлены в Джубгу под Туапсе. В 1870–1871 гг. переселение чехов продолжалось.

Кирилловка и Мефодиевка под Новороссийском были основаны 3 мая 1869 года в преддверии дня памяти свв. Кирилла и Мефодия (по православному календарю), в честь которых эти села и получили свои названия. Интересно, что некоторыми нынешними старожилами это осмысливается так: *tydlety vesnice hdyž se vobrazovaly, tak tady jako Kirilovka, jako že tady žil Kiril, a tam byl Mefoděj – Mefodějka* ‘эти деревни когда образовались, так вот тут Кирилловка, потому что тут жил Кирилл, а там был Мефодий – так Мефодиевка’ (из рассказа Е. Т. Ружечко).

Как вспоминал покойный Павел Матвеевич Лузум (1911–2005), «первых чехов в Кирилловке было семь семей – семь землянок. Это Лузум, Вондрушка, Вайгант, Ружичка, Коза, Швец и Канька». Поначалу им приходилось очень трудно: селились в необжитых местах, строя землянки посреди дремучего леса с дикими зверями. Зимой в таком жилище было сыро, летом донимали комары, нередко заползали и змеи, в том числе ядовитые. Многие переселенцы заболели малярией. Раскорчевкой леса под поля все занимались сообща. Из срубленных деревьев и пней устраивали ограждения от нашествия на посевы диких кабанов и других животных. По очереди охраняли поля и виноградники, по ночам все время жгли костры.

Чехам, поселившимся на месте нынешней Кирилловки, была отведена широкая полоса земли, тянувшаяся от реки Цемес к вершинам гор, где границу этой земли обозначали две железные треноги – по одной с каждой стороны. Эти треноги стояли там вплоть до недавнего времени, одна со стороны Мефодиевки, другая со стороны поселка Гайдук. Наделы каждой семье нарезались также полосами от реки Цемес до вершины горы. Земли внизу – луга над рекой Цемес – использовались, как правило, под пашню или покос. Скот же пасли обычно в горах, лишь в засушливые годы его выпускали на луга, чтобы коровы очистили их от сухой травы. Между пашнями и лесом выделили полосу для постройки домов (теперешняя улица Красная); при каждом из них было по 50 соток земли для ведения домашнего хозяйства. Остальную землю в направлении леса и гор всякий хозяин использовал по своему усмотрению: под виноградники, небольшие табачные плантации, огороды или пастбища. В конце XIX в. по земельным наделам вдоль усадеб прошла Владикав-

казская железная дорога, под которую у жителей Кирилловки выкупались участки.

По вероисповеданию чешские переселенцы были католиками, и веры своей они держались. На рубеже XIX–XX вв. (по некоторым сведениям, в 1888 г.) на средства самих чехов – в том числе из соседних сел – посреди Кирилловки, возле большого дуба, был построен католический костел. На дубе в первое время висел колокол (по звону которого, помимо прочего, крестьяне в поле сверяли время), а на площадке перед ним совершались службы и требы. На мессу в костел съезжались чехи со всей округи.

В 1910–1911 гг. рядом с костелом чехи своими силами и за свои деньги построили школу. В здании школы были также комнаты, служившие квартирой учителю. Учителей общеобразовательных предметов и музыки содержала община. Первый учитель приехал из Чехии. В памяти жителей сохранилась только его фамилия: пан Червены. Он вел преподавание на чешском языке вплоть до 1927 г.; что с ним стало потом, неизвестно. С 1927 по 1971 г. это здание занимала начальная школа с преподаванием уже на русском языке. Последним ее директором была чешка из Кирилловки Мария Францевна Письменная из семьи Лузум (сейчас она живет в поселке Гайдук).

После постройки костела и школы часть земли вниз и вверх от обоих зданий оставалась в общем пользовании. Ее раздавали позже уже взрослым детям первых поселенцев наделами примерно по 5 соток каждый. Так появилась нынешняя улица Кооперативная.

О том, как выглядели в конце XIX – начале XX вв. дома и усадьбы чехов в Кирилловке, каким был уклад их жизни, можно судить по воспоминаниям старожилов. Чаще всего на приусадебном участке стоял добротный каменный дом, под которым был подвал для вина. На участке при доме имелись амбары для хранения зерна и сена. Здесь же находилась площадка для обмолота зерна специальными каменными катками, которые вращали лошади, двигаясь по кругу. Такими катками молотили зерно до тех пор, пока в 1930-е годы не появилась механическая молотилка. Хлеб пекли всегда сами. На участке помещались также сараи, в которых держали коров, лошадей, свиней и птицу. Стены коровников были белены, полы деревянные, а желоба из керченского камня, оглаженные цементом. Виноградники или табачные плантации располагались над усадьбой в предгорной части. На них работало обычно все семейство, включая детей. Работа их не оплачивалась: глава семейства кормил всех родных, а со временем давал им крупную сумму на строительство собственного дома либо на приобретение жилья в Кирилловке или Новороссийске; в иных случаях он дарил лошадь, корову и т. п.

Из Европы через чешское торговое общество переселенцы выписывали сельскохозяйственный инвентарь, машины. Товары в чешском магазине мог купить всякий.

Дома, дворы, приусадебные участки и прилегающие к ним территории отличались чистотой. Виноградники и огороды были ухожены. Можно сказать, чешские хозяйства кормили Новороссийск и всю округу. Кирилловцы соревновались с жителями Глебовки и Владимировки: у кого больше урожай, лучше вино, прибыльнее торговля. Например, во всей округе славилось вино семьи Кабрда. Говорят, что когда Франц Кабрда открывал свои бочки, все остальные либо ждали, пока он продаст вино, либо продавали свое дешевле.

Жители села любили праздники, по воскресеньям устраивали танцы, для чего арендовали огромный зал дома Франца Кабрды. Веселились с музыкой, у каждого поколения был свой духовой оркестр, свои музыканты. В праздник никто не пьянствовал, порой за бутылкой вина весь день велась дружеская, обстоятельная и неспешная беседа.

В Кирилловке, как и в других чешских селах, имелся староста, который управлял селом и следил за порядком. В начале XX в. старостой был Василий – так на русский лад переозвучивалось чешское имя Вацлав – Крал, образованный и интеллигентный человек, которого все уважали и любили за справедливость и веселый нрав. Без него не обходилась ни одна свадьба, где он всегда выступал в качестве распорядителя – по-чешски «дружбы». Последующая его судьба не выяснена, хотя родственники шепотом рассказывали о том, что в 1920-е годы его, как зажиточного человека, вместе с женой (детей у них не было), как и еще одного чеха из Павловки по фамилии Когоут, ночью арестовали и позже отправили по этапу в один из лагерей под Архангельском (там им будто бы удалось захватить корабль, на котором они доплыли до Норвегии, а оттуда перебрались в США).

Как и многих других, далеко не только на Северном Кавказе, чехов Кирилловки не обошли стороной раскулачивание и коллективизация 1930-х годов. В августе 1939 г. у многих отобрали виноградники вместе с урожаем, после чего те попросту погибли. За два года до того упразднили костел, а в здании устроили клуб, где для начала провели вечер танцев. Долго никто не решался пуститься в пляс в храме. Рассказывают, что местного каменотеса Йозефа Шимберского, который пригласил на танец Божену Крагулец, вскоре постигла кара небес: в грозу его убило молнией.

Во время Второй мировой войны жители Кирилловки Л. Ружечко, В. Лузум, И. Душанек, В. Шуссер воевали наравне с другими чехами Северного Кавказа в батальоне подполковника Людвика Свободы, кото-

рый был сформирован в 1942 году в Бузулуке (Оренбургская обл.). Один из них, Л. В. Ружечко, проживает в Кирилловке и сегодня.

Само село Кирилловка с сентября 1942 по сентябрь 1943 г. было занято немецкими и румынскими войсками. Немцы восстановили для себя костел: украсили стены фресками и ходили туда молиться. На мессы вновь стали собираться и жители села. После войны костел опять закрыли, причем решили сбросить с купола большой крест. Потом его долго прятала на чердаке своего дома семья кузнеца Длоугого, который этот крест некогда изготовил. Рассказывают, что однажды дом загорелся, но огонь дошел только до креста. Так крест остановил огонь и спас хозяев. Уже в наше время крест отнесли на кирилловское кладбище, где он стоял как памятник возле могил, пока не пропал. До сих пор на кладбище хранится малый крест, который был установлен на нижнем куполе костела. Ныне в бывшем здании костела размещается Дом культуры.

В здании же школы в одной из бывших классных комнат находится магазин, а во второй – канцелярия управляющего делами села Кирилловка. В сентябре 2006 г. часть канцелярии была предоставлена на условиях безвозмездной аренды для работы зарегистрированного летом того же года Культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка». Здесь силами жителей Кирилловки при содействии официальных учреждений Чешской Республики было оборудовано помещение для проведения разнообразных акций клуба, в том числе для занятий по чешскому языку в группах детей и взрослых, которые ведет учитель из Чехии.

Кирилловку на сей день можно назвать наиболее чешским из всех давних чешских сел в окрестностях Новороссийска. Красноречивы чешские или имеющие чешское происхождение фамилии бывших и нынешних жителей Кирилловки, говорящие сами за себя. Это Бочек, Брзда, Бром, Вайдл, Вайгант, Вашек, Виктор, Вондрушка, Выстрчил, Грах, Длоугий, Душанек, Зеленка, Кабрда, Канька, Коза, Крагулец, Крал, Крепс, Кубеш, Кубик, Лакомей, Лузум, Мареш, Немец, Пелоух, Пфлеггер (Флеггер), Режабек (из Ержабек), Ружичка (и искаж. Ружечко), Сисель (чешск. Sysel), Соукал, Студиград, Тендера (Тэндер, Тендер), Торуек, Тупей, Фримл, Халуца, Хурань, Шмидберский, Шусс, Шуссер, Швец, Ясан.

Интересны поныне сохраняющиеся в Кирилловке микропонимы – как правило, сочетания с препозитивной формой род. п. мн. ч. фамилии семьи, которой принадлежал тот или иной объект (в нижеследующих примерах эти формы даны в литературной записи с конечным -ů). Таковы наименования, обозначающие

луга: Churáňů louka, Luzumů louka, Kabrdů louka (фамилии Churáň, Luzum, Kabrda);

холмы: Frimlů kopec, Tenderů kopec (фамилии Friml, Tender), Kabrdů kopec, Bertů kopec (в последнем случае холм назван не по фамилии, а по уменьшительному имени владельца – Берты, т. е. Альберта Вайганта);

горные вершины: Králů špička (фамилия Král), Kabrdů špička;

склон, откос горы: Vondrušků stráň (фамилия Vondruška);

ущелья (балки – в чешском названии усвоенный русизм balka): Luzumů balka, Králů balka, Jeřábků balka, Němců balka, Ševců balka, Viktorů balka, Tupejch balka (в последних пяти случаях фамилии Jeřábek, Němec, Švec, Viktora, Tupej);

лес: Krepšů les (фамилия Krepš).

Две вершины имели однословные названия: Věneček, Kout (т. е. Венчик и Угол).

Лесной родник до сегодняшнего дня называется Bařisko (Ф. Травничек в толковом «Словаре чешского языка» приводит как диал. *bařenisko || bařeniště, stř., obyč. bařina || bažina, ž. || bařisko || bažisko, stř. = vlhké, mokré bahnité místo, т. е. ‘мокрое болото’²). Вытекающая из него вода наполняла вырытые в земле канавы, к которым приводили на водопой пасущихся в лесу коров.

Сейчас уже далеко не все жители Кирилловки, особенно не имеющие чешских корней, знают эти названия, но, как утверждает старожил Владислав Павлович Кабрда, многие их помнят до сих пор и ориентируются по ним на местности.

Своеобразную реликвию представляет собой кладбище села Кирилловка, где сохранилось много старых чешских могил. Среди них – надгробье Анны Вашек, одной из первых поселенок, умершей еще в 1873 г. Можно сказать, что это одно из самых старых захоронений из уцелевших до наших дней в чешских селах Северного Кавказа. Старые чешские надгробья в Кирилловке – это, как правило, каменные памятники, увенчанные четырехконечным крестом (от времени многие кресты разрушились). Памятники на чешских могилах ставили и ставят в головах. На многих надгробьях вытесаны надписи на чешском языке латинскими буквами или кириллицей.

Разумеется, в наши дни в Кирилловке живут не только чехи – их здесь даже не большинство. Во время последней переписи населения, проводившейся в 2002 г., чехами себя заявили 66 жителей села. При этом большая часть людей, говорящих по-чешски, уже достигла почтенных лет, естественная же передача чешского языка и чешской культуры из поколения в поколение при советской власти постепенно свелась к минимуму. Еще в начале 1960-х годов, по словам старожил, дети в селе говорили по-чешски, часто даже не владея в раннем возрасте русским языком; позже, однако, ситуация коренным образом измени-

² Trávníček F. Slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 50.

лась. Только в самые последние годы дети из семей с чешскими корнями вновь стали приобщаться к чешскому языку и культуре – но уже не дома и не в школе, какая существовала в Кирилловке до 1927 г., а на воскресных занятиях и других мероприятиях «Матержидоушки».

Образовавшуюся в 30-е – 80-е годы XX века культурную пропасть пока еще можно преодолеть. Старшие жители Кирилловки все еще очень хорошо помнят, как здесь отмечали самые разнообразные традиционные чешские праздники, умеют готовить вкусные кнедлики и «коблыги» (чешск. *koblihy*), знают множество чешских народных песен. Благодаря компактному проживанию потомков чешских переселенцев в Кирилловке до сего дня сохраняются очень многие яркие элементы народной культуры и языковые черты.

2. Говор села Кирилловка

с очевидностью возводится к юго-западным чешским диалектам. Разделяя основные особенности группы так наз. собственно чешских диалектов, во всяком случае на уровне фонетики ($e_j < *y$, $i < *e$, протетический *v* перед *o*-, утрата *l* после согласных в конце слова в случаях типа *moh < mohl* ‘мог’ и др.), он обнаруживает также многие специфические признаки юго-западных говоров:

I. На уровне фонетики

1) Наличие долготы гласных или его следы в таких корнях, где долгота отмечается только в юго-западных диалектах, ср. в первую очередь: *f sedumdesát yúsmim / yusmim* ‘в семьдесят восьмом’, *f padesát sidmim roku* ‘в пятьдесят седьмом году’, *f třicet šistim roce* ‘в тридцать шестом году’.

В остальном приходится признать, что распределение долгих и кратких гласных в данном говоре с трудом поддается выяснению из-за крайне расшатанной здесь реализации признака долготы с частым «стаккатовым» сокращением (*krávi* и *kravi* ‘коровы’, *sázet* и *sazet* ‘сажать’ и мн. др.) и, напротив, эмфатическим продлением гласных, ср.: *skopali zém, požili tam...* ‘распахали землю, пожили там’; *von’i žili tajdle po Svobóde nahóru* ‘они жили вот тут, за Свободой наверх’. Такое эмфатическое продление гласного в лексеме *nahóru* распространено и в обычном чешском языке наших дней.

2) Не «стаккатовая» краткость корневых гласных в односложных инфинитивах: *až budete ch’et jet na Ukrajinu...* ‘когда вы захотите поехать на Украину’ (не *ch’it* или *ch’it*); *tadi můžeš i strojít, tadi i se’* ‘тут ты можешь и строить, тут и сеять’ (не *sít* или *sít*, в довершение с мягким *-t’* в суффиксе инфинитива).

3) Отсутствие **ej** в позиции после свистящих, ср. *ja si vipiju, (h)diš ciťim, že nado si vipít* ‘я пью, когда чувствую, что надо выпить’ с сокращенным **i** в *ciťim* (но не *ceťim*).

4) Спорадическое изменение **e > a** после шипящих, напр.: *von'í mn'eli modz hodn'e pčal* ‘у них было очень много пчел’ (ср. юго-зап. диал. *fčala*).

5) Спорадическая редукция **i** перед **l** и изредка в других случаях: *bəl* ‘был’.

6) Спорадическая йотация бывшего мягкого **m** перед **e < *ě** при доминирующем рефлексе **mn'**- в случаях типа *do mjesta* ‘в город’, *v domje* ‘в доме’ и изредка мягкая артикуляция губных в той же позиции: *žili si p'ekn'e*.

7) Спорадическая утрата **v** (или **u**) перед **j** после согласного: *na tom sjeťe* ‘на том свете’.

8) Спирантизация вторичного звонкого **g** из **k** в местоименных наречиях с начальной группой ***kьd-** и по аналогии в местоимении ***kъto**, напр.: *hde* ‘где’, *hda* ‘когда’, *hdo jak moch* ‘кто как мог’. Иного характера замена **g** на **h** в иноязычных лексемах, воспринятых в южнорусской огласовке: *fotohrafiroval, vahoni; koho mohli, uspjeli, vodvezli do Hermani-je* ‘кого могли, успели, увезли в Германию’; *taki bil poslanej tam do Keni-gzberha d'elat* ‘его тоже угнали на работы в Кёнигсберг’ и т. п.

9) Комбинаторные явления:

лексицилизованная диссимилятивная замена **d** на **r** в *svarba < svadba* ‘свадьба’ (и *svarebn'í písn'ička* ‘свадебная песня’), *d'erek vin'ici mn'el* ‘дед виноградник имел’ (< *d'edek*, при обычном *d'edoušek* ‘дедушка’);

спорадически проявляющаяся прејотация стягивающихся геминат, напр.: *von se sám pojtrhnul* ‘он сам себя подорвал’ (**jt < tt**), *hdij se vrátil* ‘когда он вернулся’ (**js < šs**), и регулярная йотовая антиципация мягкости последующего согласного в *nejn'í* ‘нет’;

иные типы диссимиляции, в том числе общечешские или отмечающиеся обычно для других диалектных групп: *pen'íze skovali* ‘деньги спрятали’ (< *schov-*, часто), *dřevjednej* ‘деревянный’ < *dřevjen-* по аналогии с диссимиляцией в группе **-nn-**, наступающей в случаях типа *kamednej* ‘каменный’ в особенности в северо-восточных чешских говорах (в Кирилловке, впрочем, говорят и *kamenej* со стянутой геминатой).

Реализация группы **šč** в *nepoušče(ji)* ‘не пускают’, *ešče* ‘еще’ и других лексемах не находит соответствия в собственно чешских говорах (ср. чешск. лит. *nepouštějí, ještě*; обих. *nepouštěj, ešte*).

Характерна наблюдаемая в Кирилловке утрата протетического **j**, ср. *ináč* ‘иначе’ (чешск. лит. *jinak*) и даже *klobási takoví, žrn'ice* ‘колбасы такие, кровяные’ (чешск. лит. *jitrnice*), и интервокального **j** с последую-

щим стяжением гласных на стыке приставки с корнем в неопределенном местоимении и наречии, причем в говоре Кирилловки это приставка **ne-** с твердым согласным (*nehdi* ‘когда-то’, *nekeri* ‘некоторые’ и т. п.), так что неопределенное местоимение имеет вид *nákej* / *nakej* ‘какой-то’, а наречие – *nák* / *nak* ‘как-то’ (в отличие от собств. чешск. диал. и обих. *n’ákej*, *n’ák*). Фиксируются также лексикализованные общедиалектные случаи утраты иных интервокальных согласных (с эвентуальным дальнейшим стяжением гласных), а именно **v** (или **u**) в формах глагола *povídat* ‘говорить, рассказывать’, ср. 1 л. ед. ч. н. в. *povídám* / *povidam* с вариантами *poidam* / *požadam* и далее *poam* → *pám*, и **l** в *d’elat*, *d’elal* ‘делать, делал’ → *d’əal* → *d’ál*.

II. На уровне морфологии

10) В системе *Verbum finitum* необходимо отметить типично юго-западночешские формы императива глаголов типа **prosit** с чередованием свистящих согласных презентной основы с шипящими, в том числе **st/šť**, ср. *vo^tpušte mi to* ‘простите меня за это’ (< *-pušt’te*, чешск. лит. глагол *odpustit*, императив 2 л. мн. ч. *odpust’te*), и распространение показателя императива **-i**, появляющегося в ед. ч., также на мн. ч., напр. *řekn’ite* ‘скажите’, *přes potok nejd’ite* ‘через речку не ходите’, букв. ‘не идите’ (чешск. лит. *řekněte*, *nejděte*).

11) Еще одна яркая примета юго-западных чешских говоров касается основы одного глагола, в литературном языке на свистящий согласный – *musit* (устар.) / *mušet* ‘быть должным’, в говоре Кирилловки – в типичной юго-западной огласовке на шипящий: *vona muší se koupat* ‘она должна вымыться’, *mušili neco slišet vo nás* ‘они должны были кое-что о нас слышать’.

12) В склонении существительных юго-западночешскую особенность представляет проникновение показателя мест. п. мн. ч. **ch** в форму род. п. мн. ч. у имен разных родов и типов, ср. *mn’el hodn’e kon’ich tat’inek* ‘много коней имел отец’, *kitek i rúžich natrhla* ‘цветов и роз нарвала’, *devjed d’et’ich mn’eli* ‘девять детей у них было’.

13) В склонении адъективалий особенностью юго-западных говоров, отражающейся в Кирилловке, является наличие окончания **-ej** в формах род., дат. и мест. п. ед. ч. жен. рода, например: *do tuhentej d’iri* ‘вот в эту дыру’, *z jednej strani mama sed’ela z bratrem a z druhej strani mi sme sed’eli* ‘с одной стороны сидела мама с братом, а с другой мы’, *jesli chceš bit f prezidenckej tej stráži na pjet let* ‘хочешь ли ты быть (остаться) в президентской этой охране на пять лет’, но также: *hde bili starí Češi, tak na tí zemn’i (!) pochovávají Rusi* ‘где были старые чехи, так в той земле хоронят русских’.

14) Самой же яркой приметой юго-западных чешских говоров, которая проявляется в Кирилловке, являются застывшие неизменяемые формы им.-вин. п. ед. ч. ср. рода притяжательных прилагательных на **-ovo**. Ср. примеры: [Čí to byl bratr?] *D'edovo, d'edovo...* '[Чей это был брат?] Дёдов, дёдов'; *mámje se... d'edouškovo... Kateřina řikalo* 'маме... дедушкиной... Катержина имя было'; *přineste fotky tatínkovo* 'принесите фотокарточки папины'. В рассказе уроженки села Варваровка Марии Малик, живущей в Анапе, встретился даже совершенно исключительный случай употребления застывшей формы на **-ovo** в сочетании с согласуемым определением в род. п. ед. ч.: *moje teta... vona mn'e nerodna, dvojurodna... tátovo mojeho sestra* 'моя тётя... она мне не родная, двоюродная... папы моего (двоюродная) сестра'. Десятью годами ранее автор этих строк при просмотре записей западночешских диалектных текстов обнаружил еще лишь одно сочетание этого типа: *vo tich mejch chlapcech toho sinovo*³, букв. 'о тех моих мальчиках того сына', т. е. 'о мальчиках (этого самого) моего сына' (чешск. лит. *o chlapcích toho mého syna*).

Речь идет о чрезвычайно примечательной конструкции, отражающей возможность зарождения у застывших форм на **-ovo** хотя бы окказиональной синтаксической сочетаемости, свойственной существительному. Конструкция эта, безусловно, стоит в одном ряду с подобными же явлениями в синтаксисе изменяемых притяжательных прилагательных, более или менее регулярно встречающимися на современном этапе в центральных словацких и серболужицких (верхнелужицких) диалектах, а также с определенными ограничениями и в соответствующих литературных языках. Указание на подобные конструкции служило краеугольным камнем аргументации целого ряда ученых в пользу ранее выдвинутого Н. С. Трубецким⁴ предположения о принадлежности славянских притяжательных прилагательных к субстантивному словоизменению – вопреки наличию у них нормальной адъективной парадигмы⁵. Формы же на **-ovo** и аналогичные им на **-ino** в юго-западных собственно

³ České nářeční texty. Praha, 1976. S. 54.

⁴ Трубецкой Н. С. О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковно-славянского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 219–222; *Trubetzkoy N. S. Altkirchenslawische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. 2. Auflage. Graz–Wien–Köln, 1968. S. 152, 188.*

⁵ См. особенно: *Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. I – Морфология. Братислава, 1965. С. 221–223; Lötsch R. Das sog. Possessivadjektiv im Slawischen, speziell im Sorbischen, und seine Stellung im System der Redeteile // Forschungen und Fortschritte. 39. Jhrg., 1965. Heft 12. S. 377–379; Ревзин И. И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 39–50.*

чешских диалектах, по интерпретации Й. Вахека⁶, лишившись собственного склонения, тем более примкнули к субстантивному словоизменению как вариант род. п. ед. ч., хотя неполноправный в отношении синтагматического поведения (ср. *tatínkovo klobouk* ‘папина шляпа’ – но *klobouk našeho tatínka* ‘шляпа нашего папы’). В конструкциях типа *tátovo mojeho sestra*, добавим, эта неполноправность снимается.

15) К старым «семейно-притяжательным» формам типа *Bartošů vědro* ‘ведро семьи Бартоша’, *Bartošů Marie* ‘Мария из семьи Бартоша’, которые в южночешских диалектах фиксировал еще Я. Гебауэр⁷ (спорадически они встречаются и в позднейших диалектных записях из той же области, напр.: *tam bál nákej Koželuhů Kuba; nevím, kerej to bil, Havlů Hondza nebo Bačků Jouza*⁸), очевидно, восходят также особо характерные для говора Кирилловки формы с конечным **-ů** /**-u**, теперь скорее кратким, выражающие принадлежность семье – либо к семье – и одновременно выступающие в качестве местных, «своих» названий семьи и ее членов, т. е. фактически фамилий. Ср.: *Růžičků náš taki bil... starej dům* ‘вот и наш, семьи Ружичка, был старый дом’ и *já sem Růžičku* ‘я – Ружичка’, *já vim, že Kabrdu sou takovi* ‘я знаю, что есть такая семья Кабрда’ и *tam je Mařenka Kabrdu* ‘вон Марженка Кабрда’, *vona bila Jeřápku* ‘она была из семьи Ержабеков’. Формы на **-u** фигурируют как фамилии и в русском дискурсе, напр.: *měтя Женя Ружичку*. С реальными «метричными» фамилиями они в восприятии местных чехов либо сосуществуют, либо дифференцируются. Ср. красноречивые примеры: 1. *d'edoušek byl Severa... Severu* ‘дедушка был Севера... Северу’; 2. (Ответ на заданный по-чешски вопрос «Какая была у мужа фамилия? Малик?») – *Malik je po rusky, Malik... a po česky je Maliku, Šusu...* ‘Малик – это по-русски, а по-чешски Малику, Шусу...’

Ян Гебауэр видел в формах типа *Bartošů Marie*, *Bartošů vědro* результат застывания притяжательных прилагательных в им. п. ед. ч. муж. рода на **-ů(v)**. Этой интерпретации противоречит присутствие явных форм род. п. мн. ч. в случаях типа *Plachá... Plachejch mn'eli přimn'en'í...*⁹ (о женщине по фамилии Плаха из семьи Плахих) в юго-западных чешских диалектах или *Tupejch balka* в говоре Кирилловки. Согласно Й. Зубатому¹⁰, для форм на **-ů** источником мог быть род. п. мн. ч. тех же притяжательных прилагательных со старым окончанием ***-ъ**. Принятие этой трактовки позволило бы соотнести характерный для говора Кирил-

⁶ Vachek J. K problematice českých posesivních adjektiv // Studie a práce linguistické I. Praha, 1954. S. 171–189.

⁷ Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. Praha, 1960. S. 268.

⁸ České nářeční texty. Praha, 1976. S. 81, 85.

⁹ České nářeční texty. Praha, 1976. S. 48.

¹⁰ Zubatý J. Novákovice, u Nováků atd. // Naše řeč. 1921, č. 9. S. 263, 266.

ловки тип *Králu špička* с редкими реликтами таких старых форм, представленными в древнечешских памятниках, как *prsiwuzných kralow* ‘родичей короля’ (букв. ‘королев/ых/’) в апокрифе об Иуде начала XIV в.

В завершение краткого обзора морфологических признаков говора Кирилловки следует остановиться еще на одном из них, не вытекающем из его юго-западнечешской предыстории. В склонении существительных обращает внимание достаточно лабильное выражение одушевленности в им. п. мн. ч. Устойчиво форму на -’i с чередованием конечного согласного основы сохраняют только отдельные лексемы, напр.: *štiri kluci* ‘четверо мальчиков’ (им. п. ед. ч. *kluk*), *starí Češi* ‘старые чехи’ (им. п. ед. ч. *Čech*). От основы с чередованием могут образовываться и другие формы мн. ч., ср. *mezi Češima* ‘среди чехов’ (букв. ‘между чехами’). Большой же частью одушевленность существительных в им. п. мн. ч. морфологически не выражается, напр.: *a teť sem přišli Tataři a Turci* ‘а теперь сюда пришли татары и турки’ (ср. чешск. лит. *Tataři, Turci*), *a uš vnuki, tak taki... uš máloco rozumí i nemluví, a pravnuki teprva* ‘а уж внуки, те тоже... уже мало что понимают и не говорят, а правнуки тем более’ (чешск. лит. *vnuci // vnukové, pravnucci*). Форма согласуемых слов при этом иногда имеет показатель одушевленности, но он может и отсутствовать, ср. *pak tam uš naši soldati přijeli* ‘потом туда уже пришли наши солдаты’ и *naše vojáki tam ochran’ali* ‘наши солдаты там охраняли’; *jak naše rodiče víprávjeli trošku, neco si pomatujem* ‘из того, что наши родители рассказывали немного, мы кое-что помним’. В этом можно видеть результат влияния русского языка, в отличие от которого, однако, в вин. п. мн. ч. у одушевленных существительных обыкновенно выступают те же формы – даже если это исконные формы им. п., напр.: *jak nalítli naše samoľoti ruskí, načali bombyti N’emci, N’emci utíkali hdo kam* ‘как налетели наши самолеты русские и начали бомбить немцев, немцы разбежались кто куда’.

III. На уровне лексики

в говоре Кирилловки наблюдается переплетение архаики, какая, быть может, не выступает уже как элемент повседневного обихода и в диалектах на территории самой Чехии, ср. *přátele* ‘родные’ (современное значение в чешском – ‘друзья’); *je stonavá* ‘она болеет’; *vy moc čerstvo mluvíte, nado* /русизм/ *valn’e* ‘вы слишком быстро говорите, надо медленно’; *kerak* ‘как’ из *kterak* (в современном чешском почти вышедшее из употребления устаревшее слово), включая старые заимствования из немецкого, например, *krchov* ‘кладбище’ (в «Словаре чешского языка» Ф. Травничека дается с пометой *lid.* – народное, в современном чешском воспринимается как моравизм), *loch* ‘подвал’ (в современном чешском встречается в экспрессивных значениях ‘каталажка’ и ‘задни-

ца'), *koštujte* 'попробуйте', – и, разумеется, русизмов, неодинаково освоенных.¹¹ Примеры: *von f sedumnáct let popad do armije* 'он в семнадцать лет попал в армию'; *bil tam lager' takovej, d'ela sem v láher'u* 'там был такой лагерь, я работала в лагере'; *hdiš se ten kolchos obrazoval, von tam d'elal f tom pravlén'i* 'когда этот колхоз образовался, он там работал в правлении'; *vono to hořelo bistrě* 'горело оно быстро' и *bystro se s n'ima spravily* 'с ними быстро справились'; *já točn'e an'i nevim* 'точно даже не знаю'; *zítra je vychodnej* 'завтра выходной' и мн. др.

Русскому влиянию в говоре села Кирилловка, однако, подвергся не только и не столько словарный состав, сколько словоупотребление, смысловая структура даже чешских слов и – еще шире – языковой менталитет. Иллюстрацией этого может послужить в заключение один небольшой штрих. В дом в Кирилловке приглашают словами: *Dávejte, zacházejte!* = Давайте, заходите! А прощаются, провожая отъезжающих, так:

Přijíždějte k nám do Novorosiku! = Приезжайте к нам в Новоросийск!

Образец записи диалектного текста

О чехах в Кирилловке в прошлом и в настоящем

Рассказывали Божена (Евгения) и Леонид Ружичка (Ружечко)

(Neměli byste chuť si zavzpomínat, jak se tady dřív žilo? A jak to tady vůbec začalo?)

В: No, mi už takí ... <toho moc> nevíme, a jak naše rodiče viprávjeli trošku, neco si pomatujem... jak von'i sem přijeli a jak se tady rozpoložili, jak tady visekávali lés a stavjeli si ti palátki, a pak... A díť von'i sem přijížděli na furách, na kon'ích, s Čech jeli, aha ... no a potom už si sem vzali sví... jak se říká, rodinu po česki, jo... Aha... nu, tady si načali stavjet, tenkrát, jak... co to bilo za vlast, v tem roku...

Von'i nařezávali, kerej tady cht'el se poselit, tak fšem nařezávali takoví kouski zemn'e, vot – i hori, i les... to fšeccko jako to šlo aš semhle n'íš, do Cemdolini, vot. Aha, nařezávali... lid'i mn'eli i les svúj, i mn'eli tady pole, tady seli – tam pšen'ici a fšeccko takovi si seli, mn'eli potom krávi a mn'eli... nu f chazajstvjje takoví fšeccko, aha... Nu, žili si p'ekn'e, protože

¹¹ Многие русизмы усваивались с элементами южнорусской или напрямую украинской фонетики. Последнее касается особенно **h < g** и сочетаний губных согласных и **l** с верхне-средним несмягчающим гласным **i**, который мы здесь транскрибируем как [y]. Эти черты в определенных морфологических позициях и в меньшей степени в корнях распространяются также на исконно чешские слова, ср. в формах мн. ч. причастия прошедшего времени на -l: *diš pobylý už fšechni partizani...* 'когда перебили уже всех партизан', *pochovalý ho i uđelaly mu křiš'* 'его похоронили и поставили ему крест'.

mn'eli fšecko sví. (V)on'i si to vid'elávali a mn'eli. Stavjeli si domi, no a stavjeli si modz dlouho, a proč – na to nemn'eli pen'íze anebo třebas les nebo neco – nevím.

Nu, tam je hora, hde lámal kamen, a takovej velkej, tvrdej kamen. Von ten kamen ho tam lamali lid'i a vozili si to sem, nu nejspíš to kupovali, to já taki nemůžu říct, aha ... Nu i – stavjeli si tadi staven'i kamenní a pak d'elali takoví vepřáci z hlíni [...] to je z hlíni ud'elaní, ze slámou to míchali, a s ulice je kamen tendle tvrdej... Tak voni už ti domi stojej kolik let... Já nevím, náš tenhle dům – nu tendle ne, mi sme žili tudle, hde je ta střecha veliká ... v dvacet sidmím roku... tadi nařízli zém i (v) dvacet sidmím roku si stavjel... A túle naproti f sedumnáctím – sedumnáctej, jo? – a dál, taki tam Kabrdú, a Chalupú, a Luzumu... nu, hdo jak moch, i vosumnáctím, i sedumnáctím, i dvacátím, v dvacet sídmím ... stavjeli si, ale fšecki bili stejní. [...]

L: Rúžičkú náš taki bil, taki starej dům.

B: Aha, vo-vo-vo! [...]

A dřív žili tak: mn'eli hodn'e d'eři, po pjet a po šest a ženilo se tam, vdávali se a fšecki žili v jednom staven'i, fšecki v jednom... (V)on'i si to ud'elali tak a žili si tak mezi sebou pjekn'e, to ne(j)n'i jako teř, každej kouká ít zvlášť vod rodičů a – ták to je...

Každej mn'el svůj plán a vin'ice, tadi bilo hodn'e vinohradů... Za čehúnkou bili, tadidle, hde je todle fšecko zastavení, tadi bili vinohradi, můj táta mn'el taki tadi vinohrat, hodn'e mn'eli vinohradu... No můj tata je rozenej v devjetset druhím roku, no a ten jejich dům taki bil starej... tam Jananu, hde je ten dup tam... taki já nevím, v jakím roce... a potom jih bilo taki nekolik, tak si tata tadi vikoupil plán taki, ten kouseg zemn'e, jo ... i d'ěroušek mu pomoch a postavili si dum...

A vin'ici mn'eli, neš přišli kolchozi... jak přišel kolchos, tak ti vin'ice fšecki vzali a ti lid'i chod'ivali do kolchozu, pracovali na řech vin'icich. I zém fšecku vzali – a mi tam mame známou f Čechách, a vona nám psala, že u vás to ne(j)n'i... u nás prej tadi je f Čechách, hdo míval ... jako rodiče starí, tak teř jim splácejí za tu jejich zem... u vás to néjn'i... A vono to bilo i u nás, ale jag bilo – už hdo pracoval f kolchozu, a za tidle kouski zemn'e an'i nespomínali, co vzal kolchos... aha... a diš už kolchos se rospat, tak potom nařezávali kouski zemn'e tam...

(A kdy tady vznikly kolchozy?)

L: No kolchozi bili f třicátím roku... [...]

B: <Ono tehdy> taki hodn'e lida... Zničehonic přišli a zebrale muskí a vodeslali je na Sibíř – a neví se, za co a pro co! A tak tam i propadli, no... f Sibíři.

L: Mn'eli mn'e rád'i a zavřeli mn'e!

B: To říkal strejček náš, on tam d'elal... hdiš se ten kolchos obrazoval, von tam d'elal f tom pravlén'i, aha... a kim tam d'elal, či pisařem bil... kim tam d'elal... [...] Nu i eto, a najednou ho zebrali a pag vislali ho, a žádnej nevi, proč a kerak. A večír přišli dva a zabili jeho ženu, zastřelili, a sina zastřelili, i jeho zebrali, nu... A proč tu ženckou, já točn'e an'i nevím, kerak to bilo, co – přišli, vona mn'ela vodevřino, dříf se nezavírali, aha... Přišli a zastřelili ji a jeho zebrali, a hdij se vrátil, chudák, povida: Tak mn'e mn'eli rád'i, a potom mn'e zavřeli! [...]

(Jsou ještě jiné české vesnice v okolí?)

B: Tadi tidleti vesn'ice hdiš se vobrazovali, tak tadi jako Kirilofka, jako že tadi žil Kiril, a tam bøl Mefod'ej – Mefod'ejka, a tam bila Borisofka – Boris, aha... a bila Chlebofka tam dále, to bilo fšechni českí vesn'ice... Tet' uš Češi málohde sou... málohde sou Češi... uš povimírali ti [...] starí – a mladí... uš sou ruskí... Mi mame přítelki a – mluvjeji po česki, nu jako mi, ne tak po česki jako vi, ale mi uš to máme fšecko lámaní ... A stejn'e nezapomínáme, mezi sebou mluvíme tak, aha... a d'eťi taki tak.

(Děti taky mluví česky?)

B: Jó, d'eťi taki mluvjeji po česki. Sin žije ve mn'est'e, i cera jedna, a druhá cera tadidle n'íš f Cemdolin'e – fšeckí mluvjeji po česki... Sin se ženil na ruskej, ona taki fšecko rozumí a mluvit nechce... a uš vnuki, tak taki... uš máloco rozumí i nemluví – a pravnuki teprva. Či necht'ejí nebo – já nevím... Sem přidou, d'eda jim spivá po česki a von'i na to vivaleji voči!

Обиходно-разговорный чешский язык: материалы к словарю

© доктор филологических наук А.И. Изотов, 2009

Как отметила в открывающих настоящий сборник воспоминаниях профессор Санкт-Петербургского университета Г.А. Лилич, именно благодаря А.Г. Широковой, которая добилась публикации в ведущем советском лингвистическом журнале «Вопросы языкознания» проблемной статьи П. Сгалла «Обиходно-разговорный чешский язык», этот лингвистический феномен вошел в сферу интересов отечественных исследователей. В устной беседе с автором настоящих строк Галина Алексеевна упомянула весьма серьезные проблемы, возникшие у Александры Григорьевны, когда некоторые чешские коллеги П. Сгалла, не разделявшие его взглядов, решили воспользоваться «тяжелой артиллерией» и пожаловались в ЦК КПСС на А.Г. Широкову, которая вместо того, чтобы всемерно крепить дружбу братских народов, призывает заниматься непонятно чем.

Уверен, что надо было обладать гражданским мужеством Александры Григорьевны и ее научной принципиальностью, хорошо известными ее ученикам и коллегам, чтобы сопротивляться экстралингвистическому давлению такого уровня в 60-70 годы.

Совершенно не желая оказываться в компании любителей лягнуть мертвого льва, которые из безопасного далека охотно критикуют прежний режим, тем более что сама А.Г. Широкова искренне верила в коммунистические идеалы, напомним всё же, что приблизительно в это же время по идеологическим причинам университет была вынуждена оставить профессор В.В. Бородич – коллега А.А. Широковой по кафедре и так же, как и она, ученица А.М. Селищева.

В течение многих лет Александра Григорьевна вела спецсеминар «Обиходно-разговорный чешский язык» для студентов третьего года обучения, который даже одно время был обязательным для всех богемистов. По свидетельству брата А.Г. Широковой Николая Григорьевича, она и умерла за письменным столом над своей последней, не оконченной книгой – «Обиходно-разговорный чешский язык» [Изотов 2009: 177].

Поэтому автор настоящих строк, обе диссертации которого (кандидатская – официально, докторская – по существу) были написаны под руководством А.Г. Широковой, счел возможным в память об Учителе компактно опубликовать часть связанного с обиходно-разговорной проблематикой лексикографического материала, собранного им в процессе подготовки для издательства «Русский язык – Медиа» большого чешско-русского словаря общеупотребительной лексики (это, в частно-

сти, объясняет унификацию по литературному, а не обиходно-разговорному варианту окончания прилагательного или глагола в заглавном слове, тем более что обиходно-разговорным иногда является лишь одно из приводимых значений, ср. *německ|ý* немецкий • *~ý ovčák* немецкая овчарка; *[-á myš ob. крыса ž spis.]* ☼~*y přísl.* по-немецки).

В качестве источника нами использовались, помимо известных лексикографических работ (включая солидный словарь обиходно-разговорной лексики в монографии 1992 года П. Сгалла и И. Гронекы), также произведения современной чешской литературы и кинематографа, в которых нелитературная лексика используется для создания речевого портрета персонажа в неизмеримо бо́льшей, чем это принято в отечественной традиции, степени. Решая вопрос включения/невключения в словарь проблемных лексем, мы ориентировались на данные Чешского национального корпуса и чешского сектора интернета, а также на взгляды носителей языка. Например, мы, учтя мнение чешского лектора на нашем факультете Ружены Генкриховой, не стали пока включать в словарь германизм *fýga/fíga* ‘машинист; водитель’, хотя он и представлен в корпусе в обоих своих графических вариантах, ср.:

Sandy byl do železnice fanda . V šesti letech chtěl být strojvedoucím , a <fýrou> toužil být pořád . Miloval vlaky obrovskou a strašlivou láskou . [SYN2005]

Dyť je hlídali ! Dobrý bylo , když se <fírové> s těma vagonama vraceli . Dycky mi hodili do trávy u trati plzeňský . [SYN2000]

Словник обиходно-разговорной лексики отличается существенно меньшей устойчивостью, чем словарь лексики литературной. К выбыванию из него приводит не только **малая** употребительность в речи того или иного слова, но и его **высокая** употребительность, потому что тогда слово может быть кодифицировано и перейти в разряд слов литературного языка (например, сотни лексем, имевших в «Чешско-русском словаре» 1973 года под редакцией Л.В. Копецкого, Й. Филипца, О. Лешки помету *ob.* [obecná čeština – ‘обиходно-разговорный чешский язык’], в словаре 2005 года сменили эту помету на *hovor.* [hovorová čeština – ‘разговорный стиль литературного чешского языка’] или вообще лишились пометы).

Тем не менее мы полагаем, что приводимые на последующей странице словарные статьи, при всей открытости словаря, тем не менее могут быть полезны богемистам как материал для дальнейшего исследования.

Мы ориентировались на предложенные авторами и редакторами названного «Чешско-русского словаря» 1973 года принципы построения словарной статьи и их же систему помет.

В словарную статью могут входить: 1) заглавное слово с индексом; 2) транскрипция; 3) грамматический аппарат; 4) контекстные или синонимические характеристики и пояснения; 5) стилистические и термино-

логические пометы; 6) эквивалент; 7) экзemplификация.

В изменяемых заглавных словах параллельные линии (||) обозначают границу неизменяемой части слова.

Тильда (~) заменяет все заглавное слово, если оно не разделено параллельными линиями, либо часть заглавного слова до параллельных линий (||), ср.:

amen *neskl. s 1. náb.* аминь. **2. ob. expr.** конец *m*; каюк *m*; **je s ním n. po něm** ~ тут ему и крышка

alotri||um, -a *s, zprav. v mn. ~a ob. (klukovská)* шалости *ž mn. spis.*; **tropit ~a** проказничать

В одной статье могут объединяться слова, близкие по значению и образованию. Это существительные мужского рода и производные от них существительные женского рода или прилагательные на **-cký, -ský** и соответствующие наречия. В таких случаях используется знак ☼, ср.:

buržoust, -a, řidč. buržuj, -e *m ob. hanl.* буржуй *m* ☼~**ka, -ky** *ž* буржуйка *ž*

sučáck||ý *ob. expr.* хулиганский *spis.* ☼~**y** *přísl. (se chovat ap.)* по-хулигански

1. Заглавное слово дается в основной форме: имена существительные в именительном падеже единственного числа, имена прилагательные в именительном падеже единственного числа мужского рода, глаголы в форме инфинитива на **-t**, (у глаголов с вариантом инфинитива на **-ci** первым указывается этот исторически более ранний вариант).

Фонетические, орфографические, словообразовательные или морфологические варианты приводятся в одной статье, причем на первом месте дается, как правило, более употребительный вариант.

У многозначных слов значения разделяются арабскими полужирными цифрами, при этом на первое место ставятся основные значения с точки зрения их употребительности. Терминологические значения отмечаются пометой соответствующей отрасли. Оттенки значений даются при соответствующем значении, наиболее выразительные выделяются черным кружком (●).

Если слово встречается исключительно или почти исключительно в составе определенного сочетания, используется помета *ve spoj.* или *zprav. ve spoj.*

Омонимы обозначаются римскими цифрами.

2. Транскрипция дается только в тех случаях, когда корректное прочтение слова не очевидно. Слово или словосочетание может транскрибироваться либо целиком, либо только в его проблемной части, ср.:

aer||o [éto], **-a** *s ob.* самолёт *m spis.*

3. Грамматическая характеристика. При всех именах существительных сразу за заглавным словом приводится окончание родительного падежа и рода – *m, ž, s*. Несклоняемые существительные снабжаются также пометой *neskl.* При необходимости используются помета *jen j., jen mn., pomn.* и *hromad.* Деминутивы снабжены пометой *zdrob.*

Прилагательные снабжаются пометой (*neskl. příd.*) только в том слу-

чает, если они не имеют форм словоизменения. При некоторых прилагательных приводятся именные формы.

При глаголах после заглавного слова приводится окончание 1 лица единственного числа. Возможные варианты форм приводятся непосредственно после основных.

Если лексическое значение глагола препятствует образованию 1 лица единственного числа, вместо нее приводится форма 3 лица единственного или множественного числа, сопровождаемая соответствующей пометой (3. j. или 3. mn.), ср.:

ced||it (se), *zprav. neos. 3. j. -í (se) nedok. ob. expr.* лить, литься; **ze mne se pot ~**; с меня льёт пот *spis. neutr. venku (se) ~í (o dešti)* на дворе льёт как из ведра

Для обозначения вида используются пометы *dok., nedok.*, для обозначения двувидовых глаголов – *nedok. i dok.* Прочие грамматические данные обозначаются пометами: *neos.* (безличное употребление), *zvr.* (возвратный глагол), *trp.* (страдательный залог), *nás.* (многократный глагол). Управление глагола дается при помощи падежных форм местоимений *kdo, co, kdo, что, jaký, какой*, реже при помощи наречий *kde, jak* и т. п. Если прямое управление в чешском и русском языках совпадает, оно специально не отмечается. Если возможны варианты управления, то дается, как правило, также и прямое управление.

При местоимениях, числительных, наречиях, предлогах, союзах, частицах, междометиях указывается соответствующая часть речи (*zájm, čísl., přísl., předl., sp., částice, citosl.*).

При предлогах указывается падеж, с которым они употребляются, например:

skrz, kníž. a zast. skrze I předl. se 4. p. 1. через, сквозь *se 4. p.*; **hřebík prolezl ~ prkno** гвоздь прошёл сквозь доску. **2. ob.** из-за *s 2. p. spis.*; **to je všechno ~ tebe** это всё из-за тебя *spis.*; **tak já jsem přišel ~ to malování** так я пришёл насчёт побелки

4. Контекстные и синонимические характеристики и пояснения уточняют семантическую структуру заглавного слова или приводимых сочетаний. Если приводимые характеристики представляют собой открытый ряд, то после последней из них ставится помета *ap.*, ср.:

bal||it, -ím nedok. 1. co do čeho обёртывать *что чем n. во что • přen. (dítě) expr.* кутать. **2.** упаковывать; **~it zásilku** запаковывать посылку. **3.** укладывать *что во что*; **~it kufr** укладывать чемодан; **~te si své věci expr.** сматывайте удочки. **4. (koberce, ubrousek ap.)** свёртывать. **5. ve spoj. ~it holky ob.** знакомиться с девушками *spis.*

5. Стилистические особенности заглавного слова отмечаются специальными пометами, а если стилистические характеристики чешского и соответствующего русского слова (словосочетания) не совпадают, то характеризуется и русское слово (в таком случае помета идет **после** данного русского слова). Пометами, указывающими на соответствующую отрасль, снабжены специальные термины. Термины общеупотребительные и широко известные даются без помет. Помета может относиться ко всем из нескольких приводимых значений (тогда она дается **перед** пер-

вой обозначающей отдельное значение арабской цифрой), либо к одному из значений (тогда она идет **после** цифры), ср.:

akorát přisl. *ob.* 1. как раз; **přišli tam** ~ **v poledne** они пришли туда как раз в полдень.

2. только *spis.*, **chyběl** ~ **třešňový kompot** не хватало только компота из черешни.

3. как следует *spis.*; **maminka chce mít všechno** ~ мама любит, чтобы всё было как следует • **boty jsou mi** ~ туфли мне в самый раз □ **mám toho** ~ **dost!** с меня уже хватит!

angor|a, -y ž 1. *text.* ангорская шерсть. 2. *ob.* (*králik*) ангорский кролик *spis.*, (*kočka*) ангорская кошка *spis.*

6. Эквиваленты изменяемых слов даются также в основной форме, т. е. имена существительные и прилагательные в форме именительного падежа единственного числа, глаголы – в форме инфинитива.

Если в русском языке отсутствует слово, системно соответствующее заглавному чешскому слову (например, прилагательное, соответствующее чешскому прилагательному), либо такое слово относится к табуированной лексике, используется описательный или контекстовый перевод, ср.:

opích|at, -ám *dok. ob.* *koho* совершить половой акт с кем

Эквиваленты в синонимическом ряду разделяются запятой. Не образующие синонимического ряда эквиваленты разделяются точкой с запятой. Если эквивалент вообще не существует (это относится прежде всего к реалиям), дается транслитерация чешского заглавного слова, его толкование либо их комбинация, ср.:

esenbák, -a *m.* **esenbé** *neskl. m i ž ob. hist.* сотрудник SNB *spis.* (**Sbor národní bezpečnosti** – органы внутренних дел в социалистической Чехословакии)

7. Экземплификация. Некоторая часть словарных статей снабжена примерами употребления заглавного слова, проясняющими, в каких ситуациях и контекстах данное слово встречается. В качестве экземплификации приводятся, как правило, словосочетания, а не предложения.

За черным кружком (●) помещаются терминологические словосочетания с пометой соответствующей отрасли, например:

kočk|a, -y ž 1. кошка ž • *zool.* ~а **divoká** дикая кошка; ~а **domácí** домашняя кошка □ **mají se rádi n. jsou na sebe jako pes a ~a** они живут как кошка с собакой; **hrát si s kým jako ~a s myší** играть с кем как кошка с мышью; **to je pro ~u** *ob.* это коту под хвост. 2. *ob.* красивая девушка *spis.*

Фразеологические словосочетания включаются в систему значений заглавного слова. Мотивированная фразеология помещается в конце соответствующего значения за квадратом (□). Немотивированная фразеология, пословицы и поговорки помещаются за черным ромбом (◆), ср.:

funus, -u *m ob.* похороны *jen mn. spis. běžné* □ **přijít s křížkem po ~e** явиться к шапочному разбору

buřt, -u, -a *m ob.* сарделька ž *spis.* ◆ **to je mi** ~ *expr.* это мне всё равно *spis.*

Мы признаем, впрочем, условность границы между мотивированной и немотивированной фразеологией в целом ряде случаев.

advokát, -a m адвокат *m*, *těž přen. ob.*; **dělat komu -a** выступать адвокатом *кого* ☼ **~ka, -ky ž jako m**

aer||o [éro], -a s ob. самолёт *m spis.*

ajdam, -u m ob. *totéž co spr. eidam*

ajzboňák, -a m ob. zast. железнодорожник *m spis. neutr.*

akorát přisl. ob. 1. как раз; **přišli tam ~ v poledne** они пришли туда как раз в полдень. **2.** только *spis.*, **chyběl ~ třešňový kompot** не хватало только компота из черешни. **3.** как следует *spis.*; **maminka chce mít všechno ~** мама любит, чтобы всё было как следует • **boty jsou mi ~ tuflí** мне в самый раз □ **mám toho ~ dost!** с меня уже хватит!

akurátní ob. аккуратный *spis.*, точный *spis.*

aleluja neskl. s 1. církv. аллилуйя *ž, tež citosl.*

2. ve spoj. do ~ ob. до бесчувствия, без всякой меры; **tancovali do ~** они танцевали до упаду

almar||a, -y ž ob. шкаф *m spis.*

almárk||a, -y ž zdrob. ob. шкафчик *m spis.*, шкафчик *m spis.*

alotri||um, -a s, zprav. v mn. ~a ob. (*klukovská*) шалости *ž mn. spis.*; **tropit ~a** проказничать

amant, -a m ob., poněk. hanl. любовник *m, spis. neutr.*

amen neskl. s 1. náb. аминь. **2. ob. expr.** конец *m*; каюк *m*; **je s ním n. po něm ~** тут ему и крышка

amolet||a, -y ž ob. (místo omeleta) омлет *m spis.*

angor||a, -y ž 1. text. ангорская шерсть. **2. ob. (králík)** ангорский кролик *spis.*, (*kočka*) ангорская кошка *spis.*

apaty||ka, ~ky ž zast. ob. аптека *ž spis.* ♦ **komu není shůry dáno, v ~ce nekoupí přisl. ob.** чего Бог не дал, того за деньги не купишь

apetýt, apetyt, -u m ob. аппетит *m spis.*; **má dobrý ~** у него хороший аппетит; **dostal jsem ~ nač** мне захотелось чего

april, -a, -e m 1. hovor. апрель *m běžné. 2. ob. zprav. ve spoj. to je ~!, ~! первый апрель — никому не верь!; **vyvést ~em** обмануть первого апреля*

arest, -u m ob. тюрьма *ž spis.*

arrestant, -a m ob. арестант *m spis.*

arest||ovat, -uji nedok. i dok. ob. сажать/посадить под арест *spis.*

asák, -a m ob. ассистент *m*

aušus, -u m ob. бракованный товар *spis.*

aušusový ob. бракованный *spis.*

auťák, -u m ob. expr. машина *ž spis. neutr.*

avantýr||a, -y ž ob. авантюра *ž*, приключе- ние *s*

báb||a, -y ž 1. zast. бабушка *ž. 2. ob.* бабка *ž*; **už je z ní ~a** она уже старуха; **~a kořenářka** знахарка *ž*; **~a Jaga** баба-яга *ž-ž, tež přen.* □ **~o rad!** что делать? **3. ve spoj.**

porodní ~a ob. повивальная бабка. **4. ~ expr.** женщина; **to je pěkná ~a** хороша баба ♦ **kam nemůže čert, nastrčí ~u pořek.** где чёрт не сладит, туда бабу пошлёт

babk||a, -y ž 1. expr. бабка *ž*, старуха *ž. 2. ob. (chroust)* майский жук *spis.*; хрущ *m spis.* □ **uvázat šátek na ~u** повязать платок по-бабьи ♦ **má peněz jako babek** денег у него куры не клюют; **koupit, prodat za ~u** купить, продать за бесценок

bábovk||a, -y ž 1. (maková) кулич *m*; **piškotová ~a** бисквитный кулич • (*z písku*) кулич *m* из песка. **2. (forma)** форма *ž* для кулича. **3. m i ž (z babělec)** об. *expr.* баба *m i ž*

babr||at, -ám nedok. (práci) ob. expr. портачить, запаривать

babr||at se, -ám se nedok. ob. expr. 1. v čem (v hlině, v jídle ap.) ковыряться, копать в чём. **2. s kým** копать, возиться, канитель- литься с кем

babravý (práce) ob. expr. кропотливый *spis.*

bačkor||a, -y ž 1. шлёпанец m □ zhrub. natáhnout ~y, zatřepat n. zaklepat ~ami n. ~ama протянуть ноги; **starou ~u** ни черта; **stojí to za starou ~u** это не стоит ломано- го гроша. **2. m i ž ob. hanl.** баба *m i ž*

bafuňář, -e m ob. hanl. крупный чиновник

bakšiš, -e m ob. (spropitné) чаевые *jen mn.*; **dostat ~** получить на чай • (*uplatek*) взя- тка *ž spis.*

balanc, -e ž i m, balanc||e, -e ž ob. равнове- сие *s spis.*

ball||it, -im nedok. 1. co do čeho обёртывать что чем *n. во что* • *přen. (dítě)* *expr.* ку- тать. **2.** упаковывать; **~it zásilku** запак- овывать посылку. **3.** укладывать что во что; **~it kufr** укладывать чемодан; **~te si své věci** *expr.* сматывайте удочки. **4. (koberce, ubrousek ap.)** свёртывать. **5. ve spoj. ~it holky** об. знакомиться с девуш- ками *spis.*

barvičk||a, -y ž zdrob. 1. (šatů ap.) *expr.* цвет *m neutr.* **2. (na malování)** краска *ž*; (*barevná tužka*) цветной карандаш. **3. (na rty) ob.** губная помада *spis.*

bas||a, -y ž 1. hud. контрабас *m*, бас *m*; **hrát na ~u** играть на контрабасе. **2. (vězení) ob. expr.** каталажка *ž*, кутузка *ž zast.*

bastá *citosl. ve spoj. (a) basta (fidli)!* об. и баста!

bašt||a II, -y ž ob. expr. 1. (jídlo) еда *ž spis. neutr.* **2. slang. (požitek, nádhera)** красота *ž*; **to je ~a!** вот здорово!

bašta III ob. expr. 1. neskl. příd. (auto, jídlo, kluk ap.) замечательный *spis.* **2. přisl. здо- рово nespis.; **dneska naši hráli ~** сегодня наши здорово играли**

bašt||it, -im nedok. ob. expr. уплетать за обе щёки

baštovní ob. expr. замечательный *spis. neutr., srov. bašta III*

befél, -u *m ob.* приказ *m*
běhavk|a, -y *ž ob.* понос *m spis.*; **dostal** ~u у него начался понос
bejkov|ec, -ce *m ob. zast.* кнут *m*
bejvák, -u *m ob. expr.* квартира *ž spis.*
bekot, -u *m 1.* (ovcí) бляение *s. 2.* (dítěte) *ob. expr.* рёв *m*
bell|a, -y *ž ob. expr. ve spoj.* **stará ~a** ничего; **víš starou** ~u ничего ты не знаешь; **počasi stojí za starou** ~u погода ни к чёрту
bengál, -u *m 1.* бенгальский огонь; **rozsvítit** ~ зажечь бенгальский огонь; **2. ob. expr.** шум *m*, гам *m*; **udělat n. spustit** ~ поднять шум и гам
biják, -u *m ob.* кинотеатр *m spis.*
bin|ec, -ce *m ob. expr.* кавардак *m*
bio, **bia** *s ob.* кино *neskl. s spis.*
blít, **blejt**, **blíji** *nedok. ob. zhrub.* блевать
bod|nout, -nu *dok. koho, co, čím 1.* уколоть кого, что чем; ужалить; ~**nout ostruhami** пришпорить; **komár mě ~l** меня укусил комар; *neos.* ~**lo mě u srdce** меня кольнуло в сердце; **vyskočil, jako když ho ~ne** он вскочил, как ужаленный □ ~**nout do živého** задеть за живое; **2. ob.** быть в самый раз, подходить; **to by docela bodlo** это будет в самый раз
bod|nout se, -nu *se dok. 1. ob. expr.* дать маху; **tady se pořádně ~l** тут он дал маху; **2. čím, oč n. bez předm.** уколотся чем, обо что *n. bez předm.*; **do čeho** уколоть себе что
bombardér, *ob.* **bombardák**, -u *m* бомбардировщик *m*
bouch|nout, -nu *dok. 1. do čeho, nač, čím oč* стукнуть, ударить во что, по чему чем; ~**nout do dveří** бухнуть в дверь; ~**nout knihou o stůl** хлопнуть книгой по столу; ~**nout dveřmi** хлопнуть дверью; *přen. kdy do toho ~nete?* *ob. expr.* когда вы раскачаетесь? **2. ob. expr.** подстрелить *spis.*
bourák, -u *m ob. expr.* шикарная машина *spis. neutr.*
božsk|á, -é *ž ve spoj.* **kápnout ~ou** *ob.* признаться *spis.*
brach, -a *m ob.* брат *m spis.*; (v oslovení) **milý ~u** братец; **starý ~u!** старина!
brach|a, -y *m ob.* тотёž *co brach*
brajgl, -u *m ob. expr.* кавардак *m*
brak|ovat, -uji *nedok.* (zemi, uhelné doly *ap.*) *ob. expr.* грабить *spis. neutr.*
brd|o, -a *s text.* ремиз *m*, ремиза *ž □ (dělat co) na jedno ~o* *ob.* на один лад
bréc|a, -y *ž ob. hanl.* баба *ž*; **stará** ~ старая дурында
brej|ít, -ím *nedok. na koho, nač ob. expr.* таращить глаза на кого, что
brouk, -a *m 1.* жук *m*; **mít ~y v hlavě** вечно с чем-нибудь носиться; **nasadit ~a do hlavy komu** лишить покоя кого *spis.* **2. ob. expr.** ворчун *m*. **3.** малыш *m*, крошка *m i ž*
bruč|et, -ím *nedok. 1.* ворчать. **2. ~et (si)** бормотать. **3. na koho, co n. bez předm. ob.**

expr. брюзжать на кого, что *n. bez předm. spis. neutr.* **4. ob. expr.** сидеть в тюрьме *spis. neutr.*
bruml|at, -ám *nedok. 1.* (o base, o čmeláku *ap.*) гудеть. **2. expr.** бурчать себе под нос. **3. nač (na špatné počasí *ap.*) ob. expr.** ворчать на что *spis. neutr.*
bubl|at, -ám *nedok. 1.* журчать, булькать. **2. na koho ob. expr.** ворчать на кого *spis. neutr.*
bucht|a, -y *ž 1.* сладкий пирожок; **zadělat na ~y** поставить тесто для пирожков. **2. ob. expr.** тумак *m*. **3. ob.** девушка *ž spis.* **4. ob.** женский половой орган *ž spis.*
bulík, -a *m 1.* (mladý vůl) молодой вол *m 2.* (hlupák) *ob. expr.* дурень *m* ♦ **věšet komu ~y na nos** *ob. expr.* морочить голову кому
bulík|ovat, -uji *nedok. koho ob. expr.* дурачить, водить за нос кого; **nebulíkuj mě** ты мне голову не морочь
bul|ít, -ím *nedok. ob. expr.* реветь, лить слезы
bunt, -u *m ob.* бунт *m spis.*; **sedlácký ~** крестьянское восстание
bunt|ovat, -uji *nedok. koho ob. expr.* бунтовать *spis. neutr.*
bunt|ovat se, -uji *se nedok. s kým ob.* вступать в сговор с кем *spis.*
burčák, -u *m ob.* молодое вино *spis.*
burnus, -u *m 1.* (beduínský plaš) бурнус *m 2.* (zimník) *ob. expr.* зимнее пальто *spis. neutr.*
buržoust, -a, řídč. **buržuj**, -e *m ob. hanl.* буржуй *m* ♦ **~ka**, **~ky** *ž* буржуйка *ž*
buržoustský, **buržujský** *ob. hanl.* буржуйский
buřt, -u, -a *m ob.* сарделька *ž spis.* ♦ **to je mi ~** *expr.* это мне всё равно *spis.*
bužír|ovat, -uji *nedok. ob. expr.* роскошествовать *spis.*
bydlen|í, -í *s ob.* жильё *s spis.* • **tam je příjemné ~í** там приятно жить
býkov|ec, *ob.* **bejkov|ec**, -ce *m* кнут *m*
být, 1 ед.: **jsem**, 2 ед.: **jsi** (*ob. jseš, seš*), 3 ед.: **je**, 1 мн.: **jsme**, 2 мн.: **jste**, 3 мн.: **jsou**; *наст. вр. конд.*: 1 ед.: **bych**, 2 ед.: **bys** 3 ед.: **by**, 1 мн.: **bychom** (*ob. bysme*), 2 мн.: **byste**, 3 мн.: **by** / 1 ед.: **abych**, 2 ед.: **abys**, 3 ед.: **aby**, 1 мн.: **abychom** (*ob. abysme*), 2 мн.: **abyste**, 3 мн.: **aby** / 1 ед.: **kdybych**, 2 ед.: **kdybys**, 3 ед.: **kdybyby**, 1 мн.: **kdybychom** (*ob. kdybysme*), 2 мн.: **kdybyste**, 3 мн.: **kdyby**; быть, существовать; **myslim, tedy jsem** я мыслю, следовательно, я существую; **není nad plzeň hovor.** лучше пльзеньского пива ничего не сыщешь; **na podzim byla svatba** осенью была свадьба; **co je s tebou?** что с тобой?
byčák, -u *m ob.* жилотдел *m*
cachtanic|e, -e *ž ob.* слякоть *ž spis.*
camfour, **cancour**, -u *m ob.* клок *m spis.*; *mn.* ~у лохмотья *m mn.*
čápot|a, -y *ž ob.* след *m spis.*

cár||at se, -ám se nedok. ob. 1. s čím (s přípravami ap.) канителиться с чем, со se s tím tak ~áš? что ты с этим так долго канителиться? 2. *expr. (pomalu)* тащиться; плестись; *(nečinně)* слоняться

ced||it (se), zprav. neos. 3. j. -í (se) nedok. ob. expr. лить, литься; **ze mne se pot ~;** с меня льёт пот *spis. neutr. venku (se) ~í (o dešti)* на дворе льёт как из ведра

cejch||a, -y ž ob. брюхо *s*

celulózk||a, -y ž ob. целлюлозная фабрика *spis.*

cemr, -u m ob. expr. спина *ž spis.*

cep||ovat, -uji nedok. koho expr. 1. дрессировать. 2. *ob.* воспитывать в строгости *spis.*

cigár||o, -a s ob. сигара *ž spis.*; сигарета *ž spis.*

Cigoš, -e m ob. цыган *m spis.*

cihličk||a, -y ž 1. zdrob. кирпичик *m. 2. (na žehlení) ob.* утюг *m spis.*

cimprcampr přísl. ob. expr. zprav. ve spoj. na ~ (rozbit, se rozbit) вдребезги; *(roztrhat)* в клочья *spis. neutr.*; *přen. rozsekát na ~* разнести в пух и прах

cimr||a, -y ž ob. комната *ž spis.*

cin||at, -ám nedok. 1. (o zvonku) звенеть; **tramvaje ~ají** трамваи звенят. 2. *čím* греметь, звякать чем. 3. *ob. expr.* болтать, хвастаться *spis. neutr.*

ciotáč||ek, -ku m ob. слюнявчик *m*

ciotáč||at, -ám nedok. ob. пускать слюни

ciotáč||ly, -ů m pomn. ob. церемонии *ž mn.*; **bez velkých ~ů** без церемонии; **dělat ~y** разводить церемонии; **jaképak s ním ~y!** нечего с ним церемониться

circusáck||ý ob. (rodina ap.) цирковой *spis.*; **~á maringotka** цирковой фургона *spis.*

circus||ák, -áka m ob. циркач *m* ☼ **~áčka, -áčky** циркачка *ž*

cmrnd||at, -ám nedok. ob. expr. 1. co (vodu) разбрызгивать что *spis. neutr.* 2. *(mléko do láhve ap.)* лить тонкой струйкой *spis. neutr.*

cour||a, -y ž ob. hanl. 1. (nepořádná ženská) неряха *ž. 2. (poběhlíce)* потаскуха *ž*

courák, -u m ob. hanl. поезд, идущий со всеми остановками *spis. neutr.*

cranic||e, -e ž ob. expr. толкотня *ž, давка ž*

crát, cru, 2. j. cpeš nedok. 1. koho, co kam (věci do kufru ap.) совать, запихивать что, куда. 2. *co čím (slamník slámou ap.)* набивать что чем; *zvr. ~ si cigarety* набивать папиросы. 3. *ob. expr. co do koho (do kluka sladkostí ap.)* пичкать кого чем; *~ do nemocného léky* пичкать больного лекарствами; *~ husu* откармливать гуся; *~ peníze komu* совать деньги кому

crát se, cru se nedok. 1. expr. kam пробираться куда *neutr.*; *(davem)* протискиваться, проталкиваться *neutr.* • *přen. (do lepší společnosti)* лезть, втираться куда *hovor.*; *~ se do popředí* лезть вперёд; *cpe*

se na místo ředitele он лезет на место директора. 2. *ob. expr. (jidlem)* набивать себе живот; **podívej, jak mu chutná, jak se cpe** посмотри, какой у него аппетит, как он уплетает

cucák II, -u m ob. expr. соска *ž spis. neutr.*

cucflek, -u m ob. кровоподтек *m* от поцелуя *spis.*

cugrunt ob. expr. ve spoj. přivést ~ уничтожить *spis.*

cucht||a, -y ž ob. hanl. 1. (nepořádnice) неряха *ž. 2. (běhna)* шлюха *ž*

cukrátk||o, ob. cukrlátk||o, -a s конфетка *ž*

cukrkandl, -u m ob. леденец *m spis.*

cukrle, -te s ob. конфета *ž spis.*

culík, -u m ob. косичка *ž spis.*

cvik||at, -ám nedok. (jízdenky) ob. компо-стировать *spis.*; **~at příchod (pichacími hodinami) slang.** отбивать табель

cvikn||out, -u dok. (jízdenku) ob. прокомпо-стировать *spis.*; **~out příchod slang.** от-бить табель

čapn||out, -u doc. (zloděje ap.) ob. сцапать

čepic||e, -e ž шапка *ž*; **koupací ~e** купальная шапочка; **námořnická ~e** бескозырка *ž □ ob. expr. hrom do ~e!* чёрт возьми!; **má pod ~í a) (je chytrý)** у него голова варит, *b) (je podnapilý)* он под градусом

čerchmant, -a m ob. zast. чёрт *m spis. běžné*

černot||a, -y ž 1. чернота *ž. 2. ob.* махинации *ž mn. spis.*

čich, ob. čuch, -u m обоняние *s*; *нох m, чутьě s*

čich||at, ob. čuch||at, -ám nedok. обонять; *чутья. 2. k čemu, čeho* нюхать что

čichn||out (si), ob. čuchn||out (si), -u (si) dok. *k čemu, čeho* понюхать что

číman, číman, -a m ob. expr. ловкач *m*

čist||it, -ím nedok. чистить; **~it brýle** проти-рать очки; **~it okna** мыть окна; **~it skvrny** выводить пятна; **~it vodu** очищать воду; **~it šaty od prachu** очищать одежду от пыли; *zvr. ~it si zuby, nehty* чистить зубы, ногти □ **~it kliky ob.** обивать пороги

čmouch||at, -ám nedok. ob. 1. k čemu n. bez předm. принюхиваться к нему *n. bez předm.*; **~at tabákový kouř** нюхать табач-ный дым. 2. *(slídit) hanl.* разнохивать

čokl, -a m ob. zprav. hanl. шавка *ž*; **honí mě jako ~a** гоняют меня как собаку

čoud, ob. čmoud, -u m чад *m*

čoud||it, ob. čmoud||it, čud||it, -ím nedok. (o kamnech ap.) дымить; коптить, чадить

čoud||it se, ob. čmoud||it se, čud||it se, 3. os. -í se nedok. neos. expr. дымить; **z komína se ~ilo** из трубы валит дым

čoudivý, ob. čmoudivý, čudivý (kamna) дымный; дымящий; *~ plamen* дымное пламя

čpavkárn||a, -y ž ob. аммиачный завод *spis.*

čtyř||i, ob. čtyry čísl. четыре; **~i sta** четыре-ста; **~i světové strany** четыре стороны света; **~i roční doby** четыре времени года;

hrát na ~i ruce играть в четыре руки; chodit po ~ech ходить на четвереньках □ mezi ~má očima с глазу на глаз; držet se všema ~ma koho, čeho держаться обеими руками за кого, что
čub||a, -y ž (fena) об. сука ž • (pes vůbec) expr. hanl. псина ž
čubk||a, -y ž об. сучка ž • expr. hanl. псина ž
čubrn||ět, -ím nedok. na koho, co n. bez předm. об. expr. тарашить глаза на кого, что n. bez předm.
čuč||et, -ím nedok. об. expr. 1. глазеть; to ~iš, co? (to se díváš) видал, да? 2. торчать, околачиваться
čumend||a, -y ž об. expr. зрелище s spis. neutr.
čum||ět, -ím nedok. об. expr. 1. на koho, co n. bez předm. пялить глаза на кого, что n. bez předm. 2. (nečinně postávat) околачиваться, торчать
čumil, -a m об. expr. зевака m i ž
čunče, -te s об. 1. поросенок m spis. 2. expr. замарашка m i ž
čuně, -te s, čuník, -a m об. 1. поросенок m spis. 2. expr. чушка m i ž
čupr příd. neskl. об. отличный, чудесный spis.
čut||at, -ám nedok. об. expr. пинать spis.
čvaňh||a, -y, čvaňhal, -a m об. expr. трепло s
čvaňhák, -u m об. zhrub. окурок m neutr.
čvaňh||at, -ám nedok. об. expr. трепать языком
d'áb||el, -la m 1. дьявол m; je jako ~lem posedlý в него точно бес вселился. 2. (v citoslovných výrazech) об. expr. vem ho ~! чёрт с ним!
dáchn||out si, -nu si dok. об. expr. отдохнуть spis. neutr.
d'as, -a m чёрт m; нечистая сила • (v citoslovných výrazech) об. expr. vem ho ~! чёрт с ним!
datumk||a, -y ž об. slang. штемпель m с датой spis.
děčák, -u m об. детский дом spis.; děti z ~u детдомовские ребята
decimálk||a, -y ž об. totéž co decimální váhy
děkan, -a m 1. škol., cír. декан m. 2. об. Děkan! Спасибо! spis.
dekl, -u m об. крышка ž spis.
doraz||it, -ím dok. 1. co забить до конца что. 2. koho (raněně zvíře ap.) добить кого. 3. koho, co expr. dokonat hovor. кого, что; to mě ~ilo это меня доконало. 4. co об. expr. закончить что spis. neutr.. 5. kam (k cíli ap.) добраться куда
dut||ý 1. полый; ~ý pařez полый пень; ~ý strom дерево с дуплом; ~é míry odb. меры ёмкости • ~é cihly stav. пустотелые кирпичи. 2. вогнутый. 3. глухой, приглушённый ♦ být ~ý об. expr. быть без колежки
dýt' об. v. vzdyt'

eidam [ej- n. aj-], -u m об. totéž co eidamský sýr
esenbák, -a m, esenbé neskl. m i ž об. hist. сотрудник SNB spis. (Sbor národní bezpečnosti – органы внутренних дел в социалистической Чехословакии)
estébák, -a m, estébé neskl. m i ž об. hanl. hist. сотрудник StB spis. (Sbor státní bezpečnosti – органы государственной безопасности в социалистической Чехословакии)
fack||a, -y ž об. оплеуха ž; dostat ~u получить в морду ♦ to je jasné jako ~a žert. это яснее ясного; koupit za ~u купить по дешёвке; klobouk na tři ~y треуголка ž
fajfk||a, -y ž об. 1. курительная трубка spis.; nacpat si ~u набить трубку □ nestojí to za ~u tabáku expr. это гроша ломаного не стоит. 2. (při odškrývání) slang. галочка ž
fidl||at, -ám nedok. об. 1. nač (na housle) hanl. пиликать на чём. 2. (nožem ap.) кромсать
fidli fidli citosl. пилик, пилик ♦ a bašta ~ ob. и баста
fikanost, -i ž об. expr. пронырливость ž
fikan||ý об. expr. хитрый spis.; ~ý chlap проныра
flašk||a, -y ž об. бутылка ž spis.
foukn||out, -u dok. 1. дунуть, подуть; sotva na něj ~e, hned je nemocný на него только ветер дунет, он уже болен. 2. bez předm. n. před kým, čím об. expr. смыться, улизнуть bez předm. n. от кого, чего
fuk citosl. 1. фук; ~ a bylo po světle фук! и свет погас □ čary máry ~ чары-мары-фук (заклинание). 2. об. v úst. spoj. to je n. to máš ~ это всё равно spis.; mně je to ~ мне на это плевать
funus, -u m об. похороны jen mn. spis. běžně □ přijít s křížkem po ~e явиться к шапочному разбору
gábl, -u, gáblík, -u m об. второй завтрак spis.
gum||a, -y ž 1. резина ž; surová ~a neodb. каучук m; mechovitá ~a микропористая резина. 2. резинка ž; prádlová ~a бельевая резинка; měkká ~a ластик m для карандаша 3. arabská ~a клей m. 4. ve spoj. zvýkací ~a жевательная резинка. 5. об. автомобильная камера spis. píchnout ~u проколоть шину spis. 6. об. презерватив m spis.
gympl, -u m об. гимназия ž spis.
háj, -e rn роща ž; urnový ~ кладбище-колумбарий s-m □ jdi do ~e! об. expr. пошёл куда подальше! a je to v ~i всё пропало
hastrman, -a m об. водяной m spis.
ház||et, -ím nedok. 1. co, čím бросать что, чем; ~et po sobě sněhovými koulemi бросаться снежками; ~et dopisy do schránky опускать письма в почтовый ящик; ~et do koše co выбрасывать в корзину что; ~et udici, sítě закидывать удочку, сети; zvr.

~**et si co n. čím (míč)** перебрасывать друг другу что • *ob. expr.* ~**et na sebe šaty** наскоро одеваться *spis. neutr.*; ~**et do sebe jídlo** наскоро есть *spis. neutr.*; *přen.* ~**et na papír co (verše, projev ap.)** набрасывать что; ~**et pohledy po kom** бросать взгляды на кого; ~**et očkem po kom (jevit zájem o koho)** заглядываться на кого • ~**et kopím, diskem sport.** метать копье, диск

helikon, ob. heligón, -u m hud. геликон *m*

hned, ob. hnedka, hnedky přísl. сразу же, тотчас, немедленно; ~ **po obědě** сразу же после обеда; ~ **ráno** с самого утра; ~ **zítra to udělám** я это завтра же сделаю; ~ **od prvních dnů** с первых же дней; ~ **na začátku** в самом начале; ~ **nato** сразу же после этого; **napiš nám, ~ jak tam přijedeš** напиши нам сразу по приезде; **počkejte, ~ to bude!** одну минутку!

houbovk|a, -y ž ob. 1. грибной суп *spis.* 2. грибной соус *spis.*

houby přísl. ob. expr. ни черта; ~ **si z toho dělal** ему это было нипочём; **je mu ~ po tom** плевать ему на это; **bylo mi to ~ platné** черта с два мне это помогло • ~! как бы не так!

hub|a, -y ž 1. (zvířete) морда *ž.* 2. *ob. expr.* (ústa) рот *m neutr.*; **neměli od rána v ~ě** у них с утра во рту маковой росинки не было; **nemá co do ~y** ему нечего есть *neutr.* • **dát přes ~u n. po ~ě komu** дать в морду кому; **dostat přes ~u n. po ~ě** получить в морду □ *zhrub.* **utrhovat si od ~y** отказывать себе во всём *neutr.*; **sušit ~u** класть зубы на полку; **to je mlsná ~a** он лакомка *neutr.*; **utřít ~u** уйти не солоно хлебавши. 3. *ob. expr.* болтун *m*, болтушня *ž.*; ~**a plechová n. nevyváchaná** трепло • **liná ~a holé neštěstí pořek.** беда, козь рта не умеешь открыть

huč|et, -ím nedok. 1. шуметь; гудеть; *neos.* в **uších mi ~í** у меня шумит в ушах; в **hlavě mi ~í** у меня в голове шумит. 2. *expr.* бормотать. 3. *do koho ob. expr.* уговаривать кого *spis.*

hul|it, -ím nedok. 1. (o komínu, o kamnech) дымить, чадить. 2. (jednu cigaretu za druhou ap.) курить 3. *ob. někomu n. někoho, něco* проводить фелляцию кому *spis.*

hus|a, -y ž 1. гусь *m.*; ~**a domácí** домашний гусь; **sádelná ~a** жирный гусь; **divoká ~a** дикий гусь □ **aby tě ~a kopl!** *ob. expr.* забодай тебя комар! 2. *hanl. (hloupá) ~a* дура *ž.*; **venkovská ~a** деревенщина *ž.* ♦ **dočkej času jako ~a klasu přísloví** всякому овощу своё время

chlád|lek, -ku m 1. прохлада *ž.*; **odpočívát v ~ku** отдыхать в тени; **za ~ku** по холоду. 2. *ob. expr. (vězení)* кутузка *ž zast.*; **posadit koho do ~ku** посадить кого в кутузку

chlupat|ý 1. волосатый, мохнатый □ **leze to z něho jako z ~é deky hanl.** из него каж-

дое слово нужно клешами вытягивать. 2. **chlupat|ý, -ho m ob.** полицейский *spis.*

jablk|o, ob. jabk|o, -a s 1. яблоко *s* □ ~**o by nepropadlo** яблоку негде было упасть; ~**o sváru** яблоко раздора. 2. *ve spoj.* **rajské ~o** помидор *m.*; **granátové ~o** гранат *m.*; **říšské ~o** держава *ž.* ♦ ~**o nepadá daleko od stromu pořek.** яблоко от яблони недалеко падает

jasně II hovor., ob. jasan, jasnáčka částice ясное дело!

jat|ky, -ek ž pomn., ob. jat|ka, -ek s pomn. бойня *ž.*; *přen.* **válečná ~ka, lidské ~ky** бойня *ž.*; **vést n. hnát na ~ky n. ~ka** гнать на убой

jed|len (~na ž, ~no s, ~ni, ~ny, ~na mn.) čís. один; ~**ny šaty** одно платье; ~**ny hodinky** одни часы □ **mám jen ~ny ruce hovor.** у меня только одни руки; **udělat co ~na dvě ob.** сделать что в два счёта; ~**ním dechem** не переводя дыхания; в ~**nom kuse ob.** беспрерывно

jelít|o, -a s 1. кровяная колбаса. 2. *ob.* кровоподтек *m spis.*

jet, jedu nedok. 1. ехать; ~ **na koni** ехать верхом; **dnes jedu tramvají, autem, vlakem** сегодня я поеду на трамвае, на машине, поездом; в **létě jedeme do lázni** летом мы едем на курорт. 2. *zprav. hovor.* функционировать; **podnik jede na plné obrátky** предприятие работает полным ходом • **jedeme dál** продолжаем!; **tak jedem!** ну, начали!; **jedeš!** шёл! □ **huba mu jede ob. expr.** он болтает без остановки. 3. *ob. ve spoj.* **sýr mu jede** сыр ему нравится *spis.*

jezus, jézus, jezusmarjá citosl. zast. ob. totiž co ježíš

ježíš, ježíšku, ježíšmarjá, ježíšmarjájosef citosl. poněk. zast. ob. Боже мой!, Господи!

jinak, ob. jináč, jinač přísl. 1. иначе, по-другому; **představoval jsem si to ~** я представлял это себе по-другому; ~ **to nepůjde** иначе нельзя; ~ **mluví a ~ jedná** говорит одно, а делает другое • **byl to ~ docela hodný člověk** а в общем это был хороший человек. 2. а то; **udělej to, ~ bude zle!** сделай это, а то будет плохо!

jít, jdu nedok. 1. идти; ~ **pěšky** идти пешком; ~ **ven** идти на улицу; **šel už domů** он уже пошёл домой; **večer jdeme do divadla** вечером мы идём в театр; **tak jdeme, tak jde se!** пошли!; **jdí pryč!** уходи!; ~ **na rybu** идти на рыбалку; ~ **se koupat** идти купаться; ~ **nakupovat** идти за покупками; ~ **spát, si lehnout** ложиться спать; **jít pro mléko** сходить за молоком; ~ **na houby** идти по грибы; ~ **na pivo** идти выпить пива; ~ **na pomoc** идти на выручку кому. 2. поступать куда, во что, ~ **na univerzitu** поступить в университет; **šel na medicínu** он пошёл на медицинский

факультет; ~ **na vojnu** идти на военную службу; ~ **k letectvu** идти в лётчики; ~ **do penze** выходить на пенсию. 3. *ve spoj.* **opona jde nahoru** занавес поднимается; ~ **do prodeje** поступать в продажу; **to jde na váš účet** это идёт за ваш счёт □ **to mi nejde z hlavy** у меня это не выходит из головы. 4. функционировать; **motor jde lehce, tiše** мотор работает хорошо, тихо; **hodiny nejdou** часы не идут; **hodiny jdou napřed, pozdě** часы спешат, отстают; **nejde nám telefon** у нас телефон не работает. 5. *k čemu čím* подходить к чему чем; **klíč nejde k zámku** ключ не подходит к замку; **ten klobouk vám nejde** эта шляпа вам не идёт. 6. *neos.* можно; **to jde** это можно сделать; **to nejde** это невозможно; **to by šlo** это приемлемо; **takhle už to dál nepůjde!** дальше так не пойдёт! 7. *ob. (ale) jdi, jděte!* да что ты!, да что вы!; **jdi do háje** *expr.* иди к чёрту!
jo, jó I přísl. *ob.* да; **jo, abych nezapomněl** да, чтобы не забыть; **že jo?** не так ли?; **to víš že jo** ну да; само собой
jo, jó II citosl. *ob.* **ach jo** о-хо-хо; **inu jo** ничего не поделаешь
káč|a I. *-i ž ob. expr.* дура ž
kadibudk|a, *-y ž ob.* туалетная кабинка *spis.*
kaf|je, *-e s ob.* кофе *neskl. m spis.* □ **to je jiný** ~ это совсем другое дело
kámoš, *-e m ob. expr.* приятель *m spis.*
kampak I. zájm. přísl. táz. expr. куда *neutr.*; ~, ~? куда, куда?; ~ **spěcháte?** куда вы спешите? 2. *částice ve výrazech ~ na nás n. ob.* ~ **se na nás hrabe!** куда ему до нас!
kamrlík, *-u m ob.* чуланчик *m spis.*
kapánek, kapínek přísl. *ob.* немножко, капельку; ~ **povyrostl** он чуточку вырос
kap|at, -u, -ám nedok. капать; **pot mu ~e s čela** со лба у него капает пот; *neos.* **už ~e** накрапывает дождь ♦ **když neprší, aspoň (když) ~e pořek.** с паршивой овцы хоть шерсти клок. 2. *ob. expr.* погибать *spis.*
když I sp. 1. когда; ~ **jsem šel domů** когда я шёл домой. 2. если; ~ **to bude nutné, zajdu tam** если будет необходимо, я зайду туда. 3. *ve spoj.* **i ~** даже если...; даже если; **musíš to udělat, i ~ se ti nechce** ты должен это сделать, даже если тебе и не хочется. 4. *ob.* так как; ~ **je to tak daleko, nemohu tam často chodit** раз это так далеко, я не могу туда часто ходить
klop|ít, -ím nedok. 1. *ve spoj.* ~**it oči, zrak** опускать глаза, взгляд ♦ **pozor, neklopit!** осторожно, не кантовать! 2. *ob. expr.* выкладывать деньги *spis. neutr.*; **musí ~it** ему придётся раскошелиться
kocour, -a m I. кот *m*; ~ **v botách pohád.** кот в сапогах ♦ *přen. žert.* **to je starý ~** это старый ловелас; **mlsný ~** бабник *m*. 2. *v mn. ~y ob. (při bílení)* полосы ž *mn.*, пятна *s mn. spis.*; **dělat ~y** оставлять полосы ♦

když ~ není doma, myši mají pře pořek. без кота мышам масленица
kočk|a, *-y ž I.* кошка ž ♦ *zool.* ~**a divoká** дикая кошка; ~**a domácí** домашняя кошка □ **mají se rádi n. jsou na sebe jako pes a ~a** они живут как кошка с собакой; **hrát si s kým jako ~a s myší** играть с кем как кошка с мышью; **to je pro ~u ob.** это коту под хвост. 2. *ob.* красивая девушка *spis.*
kohout|ek I, -ka m I. петушок *m*. 2. (*dětský účes*) *ob.* хохолочек *m*
kohout|ít se, -ím se nedok. *ob. expr.* петушиться
komand|o, -a m I. (povel) voj. команда ž. 2. (*velitelství*) *voj.* командование *s*. 3. (*velení*) *ob. expr.* командование *s spis. neutr.*; **být pod čím ~em** быть под чьей командой
komand|ovat, -uji nedok. i dok. *koho ob. expr.* командовать кем, чем, над кем
komouš, komanč, -e m ob. hanl. коммунист *m neutr. spis.*
kompani|e, řidč. kumpáni|e, -e ž ob. компания ž *spis.*
komplíc, -e m ob. сообщник *m*
komunál, -u m ob. тот же co **komunální podnik**
konin|a, *-y ž ob. I.* конина ž *spis.* 2. (*hloupost*) *zhrub.* чушь ž
kop|a III, -y ž ob. ve spoj. veselá ~a весельчак *m*
kopn|out, -u dok. I. čím, do čeho копнуть чем, что. 2. *koho, co, do koho, čeho* ударить ногой кого, что; ~**out míč do branky** забить мяч в ворота; **nekopni do toho** не споткнись об это ♦ (*o koni*) лягнуть □ **nejraději bych do toho kopl** плюнул бы я на это; **aby tě husa kopl!** *ob. expr.* чтоб тебе пусто было!
kopýtk|o, ob. kopejtk|o, -a s zdrob. копытце *s* ♦ **v tom vězí n. je n. se skrývá čertovo ~o** вот в этом вся заковыка; **vyhodit si z kopejtky n. řidč. kopýtky** гульнуть, загулять; **rád si vyhodí z kopejtky n. řidč. z kopýtky** он не прочь покутить
kór přísl. *ob. expr.* очень; особенно *spis.*
korytář, -e m ob. hanl. рвач *m*
kořal|a II, -y m ob. hanl. забулдыга *m*
košť|ovat, -uji nedok. *ob.* дегустировать *spis.*
kotě, -te s I. котёнок *m* □ **tahat co (za sebou) jako kočka kořata** *ob. expr.* таскать что с места на место. 2. *expr. (dítě, dívka ap.)* котик *m*
kotlář, -e m I. котельщик *m*; медник *m*. 2. (*hloubkový letec za druhé světové války*) *ob.* штурмовик *m spis.*
kotrb|a, -y ž ob. zhrub. башка ž
koul|e, -e ž I. шар *m*; **kulečnicková ~e** бильярдный шар; **sluneční ~e** солнечный диск; **zemská ~e** земной шар; **sněhová ~e** снежок *m* ♦ *sport.* ядро *s*; **vrh ~í** толкание ядра. 2. пуля ž; **dělová ~e voj. hist.** пушечное ядро. 3. *stud. slang.* кол *m*; **dát ~i** вле-

пить кол; **dostat** ~i получить кол. 4. *ob.* башка *ž.* 5. *ob. mn.* яички *spis.*
koum||at, -ám *nedok. ob. expr. bez předm., čím* кумекать *bez předm.; nad čím* раздумывать *o čem spis. neutr.*
kouř||it, -ím *nedok. 1.* дымить • *neos.* ~i *se z* **komína** из трубы идёт дым □ **pracoval, až se z něj ~ilo** работал как вол. 2. курить; **nekouřím** я не курю; ~íte? вы курите? 3. *ob. někomu n. někoho, něco* проводить фелляцию кому *spis.*
kou||sat, -šu, -sám *nedok. 1.* *co, do čeho* кусать *čto*; *zvr.* ~sát si *nehty* грызть ногти; ~sát si *rtu* кусать губы. 2. кусаться; ~se *ten pes?* эта собака кусается?; **neboj se, já nekoušu** *ob.* не бойся, я не кусаюсь. 3. *hovor.* щипать; **vlněné punčochy** ~sou шерстяные чулки кусаются
kout I, -a *m* угол *m*, уголок *m*; *v ~ě* в углу; **kuchyňský** ~ кухонный уголок • *expr.* **zapadlý n. zastrčený** ~ захоlustе *s*; **lidé se sjíždějí ze všech ~ů** люди съезжаются со всех концов □ **běhat n. chodit z ~a do ~a** ходить из угла в угол; **vymetou s ním všechny** ~y *ob.* он у них каждой бочке затычка
kovářk|a, -y *ž* 1. кузнец *m* (о женщине). 2. (*žena kováře*) *ob.* жена *ž* кузнеца *spis.*
koz|a, -y *ž* 1. коза *ž*; **je mlsný, mlsná jako ~a** он, она сладёна. 2. *sport.* козёл *m* • (*na řezání dříví*) козлы *m mn.*; *tech.* козёл *m* 3. *ob.* женская грудь *spis.* ♦ **já o ~e, ty o voze pořek.** ему про Фому, а он про Ерёму; **aby se vlk nažral a ~a zůstala celá pořek.** чтобы волки были сыты, и овцы целы; **rozumí tomu jako ~a petrželi zhrub.** он в этом разбирается как свинья в апельсинах
krahu||ec, ob. krahul|ec, -ce *m zool.* ястреб-перепелятник *m-m*
kramář||it, -ím *nedok. (ve skříní ap.) ob. expr.* рыться, копаться
kramflek, kramflik, -u *m ob.* каблук *m spis.* □ **je silný v kramflecích n. ~ách** он хорошо подкован; **otočit se na ~u** сменить свои убеждения
krámy *ve spoj. má ~ ob.* у неё менструация *spis.*
krapánek, krapínek, krapítek *přísl. ob.* чуточку, капельку
krap|let I, -tu *m ob.* капелька *ž spis., též přen.*
krapet II *přísl. ob.* немножко, чуточку *spis.*; **ani ~ ni** капли *spis.*; ~ **se napít** немного попить *spis.*
kravál, kraval, -u *m ob. expr.* гвалт *m*, галдёж *m*; **dělat** ~ галдеть
krejč|ovat, -uji *nedok. ob.* портняжничать *spis.*
krejčovín|a, -y *ž ob.* портняжничество *s spis.*; **šel na ~u** он пошёл учиться портновскому ремеслу *spis.*

kriminál, -u *m ob. často expr.* тюрьма *ž spis.*; **přijít do ~u** попасть в тюрьму; **sedět v ~e** сидеть в тюрьме *spis.*; **z toho kouká ~** это пахнет тюрьмой
kriminálník, -a *m ob. expr.* уголовник *m spis.*
kripl, -a *m ob. hanl.* калека *m spis.*
krkán||í, -í *s ob.* отрывка *ž spis.*
krk||at, -ám *nedok. ob.* рыгать, отрывивать
krkn||out, -u *dok. ob.* отрыгнуть, рыгнуть *spis.*
krkoun, -a *m ob. expr. expr.* скряга *m*
krkounský *ob. expr.* алчный, падкий на деньги *spis. neutr.*
krkounstv||í, -í *s ob. expr.* алчность *ž spis. neutr.*
kruci *citosl. ob. expr.* чёрт возьми
krut|as, -a *m ob. expr.* жестокий человек *spis. neutr.*
krvav|ý 1. кровавый; ~á **rána** кровоточащая рана; **odřít si ruku do ~a** оцарапать себе руку до крови; ~á **tlačenka** *ob.* кровавой зельц *spis.*; ~á **lázeň** *expr.* кровавая баня, резня *ž*
křáp II, -u *m, zprav. v mn. ~y ob. expr.* изношенные башмаки *m mn. spis.*
křen II, -a *m hanl.* увалень *m* ♦ **dělat ~a** *ob.* быть третьим лишним *spis.*
křivák I, -u *m ob., často expr.* кривой нож *spis. neutr.*
křivák II, -a *m ob., expr.* негодай *spis.*
křupan, -a *m ob. expr.* деревенщина *m*
ksicht, -u *m ob.* лицо *s spis.*
ksicht||it se, -ím se *nedok. ob.* кривить нос *spis.*
kšand|a, -y *ž ob. 1.* *v mn. ~y ob.* подтяжки *jen mn. spis.* 2. позор *m spis.*
kšeft, -u *m ob. 1.* лавка *ž*, магазин *m spis.* 2. дело *s*, гешефт *m*; **udělat (dobrý)** ~ сделать хороший бизнес *spis.*
kšeftář, -e, kšeftsman, -a *m ob. hanl.* торгаш *m*
kšeftářský *ob. hanl.* торгашеский
kšeftářstv||í, -í *s ob. hanl.* торгашество *s*
kšeft|ovat, -uji *nedok. s čím ob.* торговать *čem spis.*
kšeftsman, -a *v. kšeftář*
kšír, -u *m, zprav. v mn. ~y ob.* упряжь *ž spis.*
kšír|ovat, -uji *nedok. (koně) ob.* запрягать *spis.*
kudl|a, -y *ž ob.* нож *m spis.* ♦ **za groš ~a** заморыш *m*; **pískat (na) ~u** *ob.* свистеть в кулак
kudl|at, -ám *nedok. ob. expr. (chleba ap.)* кромсать; (*neco ze dřeva*) вырезать *spis. neutr.*
kuchař||it, -ím *nedok. ob.* кухарничать
kukuč II, -e *m ob.* взгляд *m spis.*; **ta má (ale) ~!** ну и взгляд у неё!
kulišák, -a *m ob.* хитрован *m*
kulišárn|a, -y *ž ob. expr.* надувательство *s spis.*
kulturák, -u *m ob.* дворец культуры *spis.*

kunčaft, kunčoft, -a *m ob.* клиент *m spis.*
kurýr|ovat, -uji *nedok. ob. expr.* лечить
spis. neutr.; *zvr.* ~ovat si **chřipku** лечиться
от гриппа *spis. neutr.*; ~ovat se лечиться
spis. neutr.
kus I, -u *m 1.* кусок *m*; ~ **chleba** ломоть
хлеба; ~ **lesa** участок *m* леса; **roztrhat na**
~у разорвать на куски; ~ **cesty šel pěšky a**
~ **jel vlakem** часть пути он шёл пешком, а
часть ехал поездом □ **je v tom ~ pravdy** в
этом есть доля правды; **přijít na ~ řeči**
прийти побеседовать; **vykonal ~ práce** он
немало сделал; **nemá ~a rozumu** у него
нет ни капли ума; **v jednom ~e (mluví, spí**
ap.) ob. беспрерывно *spis.*; **do města je to**
pěkný ~ cesty *expr.* до города довольно
далеко *neutr.* **2.** штука *ž*; ~у **nábytku** ме-
бель *ž*; **výstavní ~** экспонат *m*; **platit od**
~у оплачивать поштучно; **deset ~u** десять
штук. **3.** сочинение *s*; **taneční ~** танец *m* ♦
dělá psi ~y *ob.* он проказничает
kušn|a, -y *ž ob.* морда *ž*
kutálk|a, -y *ž ob.* духовая капелла *spis.*
kutloch, -u *m ob. hanl.* логово *s*, берлога *ž*
kvádr|o, -a *s ob.* костюм *expr. m spis.*
kvařt, -u *m ob. expr.* спешка *ž*; **mít ~** торо-
питься, спешить *spis.*
kvaltem přísl. ob. expr. скоро, быстро *spis.*
neutr.
kvařt|ovat, -uji *nedok. ob. expr.* на кого
торопить кого *spis.*; *s čím* спешить, торо-
питься с чем *spis.*
kvařtovk|a, -y *ž ob. expr.* спешная работа
spis.
kvartýr, -u *m ob.* квартира *ž spis.*
kvělb, -u *m ob.* небольшое помещение со
сводчатым потолком
ký zájm. zprav. ve spoj. ~ div, že... kniž. что
за диво, что...; **kýho čerta, výra (co tady**
děláš) ob. expr. какого чёрта
kybl, kyblík, -u *m ob.* ведро *s spis.*
kysn|a, -y *ž poněk. zast. ob.* ящик *m spis.*
lád|ovat, -uji *nedok. ob. 1.* со *čím, co do*
ceho заряжать что *spis.*; ~ovat do **kanónu**
заряжать пушку. **2. expr. co do koho** пич-
кать кого чем, ~ovat **vědomosti do koho**
пичкать кого знаниями; ~ovat do **sebe**
knedlíky уписывать кнедлики; ~ovat do
kamen подкладывать в печку *spis. neutr.*
lád|ovat se, -uji se *nedok. čím (chlebem ap.)*
ob. expr. напихиваться чем, чего
lágr, -u *m ob.* лагерь *m spis.*; **koncentrační ~**
концентрационный лагерь
lajdač|lit, -ím *nedok. ob. hanl.* раз-
гильдяйничать; ~it v **práci** нерадиво от-
носиться к работе *spis.*
lajd|at se, -ám se *nedok. ob. hanl. 1. též*
lajdat (po hospodách ap.) шататься; сло-
няться. **2. (domů ap.)** плестись. **3. s čím (s**
prací ap.) валандаться, возиться с чем
lajsn|a, -y *ž ob.* рейка *ž spis.*
lajsn|out si, -u si *dok. ob. expr.* позволить
себе *spis.*

lajzn|out, -u *dok. (po hlavě) ob. expr.* вре-
зывать, треснуть
lak|ovat, -uji *nedok. 1. (nábytek ap.)* лаки-
ровать; *zvr.* ~ovat si **nehty** покрывать
лаком ногти. **2. ob. expr.** надувать, водить
за нос
lakýr|ovat, -uji *nedok. ob. totěž co lakovat*
lavor, lavór, -u *m ob.* таз *m spis.*
lebed|lit si, -ím si *nedok. ob. expr.* бла-
женствовать *spis.*; ~í si **ve stínu lesa** он
блаженствует в лесной прохладе
ledva I přísl. poněk. zast. ob. еле, едва *spis.*;
říci ~ slyšitelným hlasem сказать едва
слышным голосом
ledva II, ledvaže *sp. ob.* едва..., (как)...; ~
vešel (všichni se na něho sesypali ap.) едва
он вошёл, как...
lehár|o, -a *s ob. expr. zprav. ve spoj. má*
tam ~o у него там лафа
lempl, -a *m ob. expr.* халтурщик *m*
lenoch II, -u *m 1.* спинка *ž* стула. **2. ob.**
транспарант *m spis.*
lenor|a, lenór|a, -y *ž ob. expr.* ленца □ *ž*;
chytila ho n. přišla na něj ~a на него напа-
ла лень
lesák, -a, řídč. lesař, -e *m ob.* лесник *m*
letí|ák, -áka *m ob., zprav. hanl.* дачник *m*
spis. ☼ ~**ačka, -ačky** *ž* дачница *ž spis.*
levit|a, -y *ž ve spoj. čist ~y komu ob.* читать
нотацию кому *spis.*
levot|a, levárn|a, -y *ž ob. hanl. 1.* жульни-
чество *s spis.* **2.** незаконный заработок
spis.
líbesbřif, -u *m ob.* любовная записка *spis.*
lid|ě, ob. lidi, -í *m mn.* люди *mn.*; **byli tam**
tři ~é там было три человека; **přišlo tam**
pět, deset ~í туда пришло пять, десять
человек; **bylo tam mnoho ~í** там было
много народу; **prostí ~é** простые люди;
proud ~í людской поток; ~í **zlatí, ~é milí!**
люди добрые!
likér, ob. ligér, -u *m* ликёр *m*
limb|us, -u *m ve spoj. už je v ~u (spí) ob.* он
уже в объятиях Морфея *spis.*
linýr|ovat, -uji *nedok. zast. ob. totěž co*
linkovat
lít, liji, leji *nedok. co kam* лить; ~ **čaj do**
šálků разливать чай в чашки • *ob. expr. ~*
do sebe pivo наливаясь пивом; *neos.*
expr. celou noc lilo всю ночь лил дождь;
leje jako z konve льёт как из ведра; **příší,**
jen (se) leje ливня льёт □ ~ **olej do ohně**
подливать масла в огонь; ~ **beton, asfalt**
заливать бетон, асфальт
litrovk|a, -y *ž ob.* литровка *ž*
lógr, -u *m ob.* кофейная гуша *spis.*
lohn|out, -u *dok. ob. expr. co komu* стащить
что у кого
louž|e, -e *ž* лужа *ž*; *přen. za velkou ~í expr.*
за океаном, в Америке *neutr.* ♦ **octnout se**
в ~í *hovor.* сесть в лужу; **z bláta do ~e** из
огня да в польмя; **naše kráva se napila z**

vaší ~e ob. нашему забору двоюродный плетень
luft, -u m ob. воздух m spis. ♦ **expr. je pořád** v ~ě n. v ~u его вечно где-то носит; **je do** ~u он ветреник
luftfák, -a m ob. **expr.** дачник m spis. neutr.
luft|ovat, -uji nedok. ob. (peřiny ap.) проветривать spis.
lunt, -u m ve spoj. (je) **hubený jako** ~ ob. он худой как щепка
lýtk|o, -a s икра ž; нога ž □ **už se jí zapalují** ~a ob. **expr.** у неё уже парни на уме
magič, -e, **magnetfák**, -u m ob. магнитофон m spis.
maglajz, -u m ob. **expr.** кутерьма ž
magor, -a m ob. **expr.** сумасброд m; **je z toho** ~ он от этого обалдел
machl, -e, -u m ob. **expr.**, zprav. v mn. ~e интриги ž mn. spis.
machr, -a m ob. **expr.** дока m; **na to (on) je** ~ в этих делах он мастак
majlant, -u m ob. **expr.** много денег spis. neutr.; **to bude stát** ~ это влетит в копеечку
majoránk|a, -y ž, ob. **majorán**, -u, **majorán|ek**, -ku m, **mar(i)jánk|a**, -y ž, **mar(i)ján|ek**, -ku m майоран m, též bot.
majzn|out, -nu dok. ob. zhrub. koho треснуть кого, врезать кому
mačka|a, -y ž ob. **expr.** тяжёлая работа spis.
mak|at, -ám nedok. ob. 1. na co, po čem (rukama po stole, na kliku ap.) трогать что, дотрагиваться до чего spis.; **nemakej na to!** не трогай это! 2. **expr. slang.** вкалывать; **ten dovede ~at** он работяга
mákn|out, -u dok. 1. ob. na koho, co дотронуться до кого, чего spis.; **na to mi nesmíš ani ~out!** к этому даже прикасаться не смей! 2. ve spoj. **dovede (pořádně) ~out** (v práci) **expr. slang.** он умеет поднажать
makovic|e, -e ž 1. (máku) маковка ž. 2. (hlava) ob. **expr.** башка ž. 3. (věže) маковка ž
makovičk|a, -y ž zdrob. 1. (máku) маковка ž. 2. ob. **expr.** (hlava dítěte) головка ž; **hlavička jak(o) ~a** головка как шарик
mamlas, -a m ob. **expr.** балбес m, оболтус m
manšestrák|y, -ů ž pomn. ob. вельветовые брюки spis.
markýr|ovat, -uji nedok. ob. симулировать недок. i dok. spis.; ~ovat **nemoc** симулировать болезнь spis.
marod I příd. neskl. ob. больной spis.; **jsem** ~ (o muž) я болен, (o ženě) я больна; **hodit se** ~ притвориться больным
marod II, -a m ob. больной m, больная ž spis.
marš II, -e m poněk. zast. ob., někdy **expr.** (ostrý, vojenský ap.) марш m spis.
mast|ít, -ím nedok. 1. (pokrm) заправлять маслом n. жиром. 2. (stroj olejem ap.) смазывать; ~it si vlasy смазывать себе волосы

♦ ~it si kapsu ob. **expr.** набивать себе карман; ~it karty резаться в карты
mastn|ý 1. жирный; ~é oko (na polévce) глазок жира • odb. ~á kyselina chem. жирная кислота. 2. (rukáv ap.) засаленный; ~á skvrna салёное пятно □ **nezůstal po něm ani ~ý flek** ob. от него осталось только мокрое место. 3. ob. **expr.** ~ý **pohlavek** крепкая затрещина; ~ý účet высокий счёт spis. neutr.
mašin|a, -y ž ob. a **expr.** 1. (stroj, přístroj) машина ž běžně spis. neutr.; přen. **expr.**, zprav. hanl. **policejní ~a** полицейский аппарат; **úřední ~a** административный аппарат; **válečná ~a** военная машина. 2. поезд m spis. 3. автомобиль m
mašín|ovat, -uji nedok. ob. маршрутировать spis.
mašlovačk|a, -y ž ob. помазок m spis.
mašl|ovat, -uji nedok. řídč. ob. (vánočku vejcem ap.) смазывать běžně spis.
maštal, -e ž poněk. zast. ob. конюшня ž běžně spis.
mat III příd. neskl. ob. (látka, sklo ap.) матовый spis.
matěj, -e m ob. **expr.** дурачок m spis.; **jsem z toho** ~ я от этого совсем обалдел
matéri|e, -e ž ob. (hnis) гной m spis.
matl|a, -y, **matlal**, -a m ob. **expr.** копуша m i ž
matlanin|a, -y, **matlanic|e**, -e ž ob. **expr.** 1. (jídlo) стряпня ž. 2. (nesourodá směsice) мешанина ž
matl|at se, -ám se nedok. ob. **expr.** 1. v čem (v jídle ap.) копаться в чём. 2. s čím (s prací ap.) долго возиться с чем
matračk|a, -y ž ob. надувной матрас spis.
maucta pozdrav ob. zast. моё почтение!
mazat, **mažu**, **maži** nedok. 1. co čím, co nač смазывать что чем □ hovor. **expr.** ~ **med kolem úst n. huby komu** лстыть кому; ~ **karty** резаться в карты; ~ **si kapsu** набивать себе карман, греть руки на чём. 2. co, co čím пачкать что чем; zvr. ~ **si ruce** пачкать руки. 3. co (gumou) стирать с чего; ~ **tabuli** стирать с доски. 4. ob. **expr.** колотить, лупить; zvr. **mazali se hlava nehlava** они колотили друг друга по чём попало. 5. ob. **expr.** ~ n. ~ **si to** мчаться, нестись spis.; **maž!**, **koukej** ~! вали отсюда! ♦ **kdo maže, ten jede přísloví** не подмажешь – не поедешь
mazavk|a, -y m ob. **expr.** пьянчуга m i ž
maz|ec, -ce m ob. **expr.** потасовка ž
méblák, -u m ob. мебелизов m
med|ít si, -ím si nedok. ob. **expr.** блаженствовать spis.
mechovk|a, -y ž ob. микропористая резина spis.
merk, -u m ve spoj. **mít v ~u koho**, co ob. **expr.** не спускать глаз с кого, чего spis.
metál, -u m ob., často **expr.** медаль ž spis. neutr.

metr II, -a *m ob.* дельный человек
mic|a, -i **mick|**a, -y, **micink|**a, y *ž ob.* киска *m*
mičud|a, -y *ž ob.* футбольный мяч *spis.*
mich|at, -ám *nedok.* 1. мешать, смешивать; ~at *karty* тасовать карты. 2. *do čeho ob.* впутывать, втягивать во что. 3. (*kávu lžičkou*) мешать, перемешивать
mílius, -a *m ve spoj. tvářil se jako ~ ob. expr.* a) вид у него был приветливый *spis. neutr.*, b) он строил из себя невинного *spis. neutr.*
mirákl, -u *m ob.* чудо *s spis.*
mišmaš, -e *m ob. expr.* сумятица *ž spis.*
milk|o, *ob. mlík|o, -a *s* молоко *s*; **kyselé ~o** простокваша *ž*; **plnotučné ~o** цельное молоко; **odstředěné ~o** обезжиренное молоко; **sbírané ~o** снятое молоко; **kondenzované ~o** сгущённое молоко; **sušené ~o** сухое молоко; **čerstvě nadojené ~o** парное молоко; **svařené ~o** кипячёное молоко • **kokosové ~o** кокосовое молоко; **mandlové ~o odb.** миндальное молоко; **tech. vápenné ~o** известковое молоко; **cementové ~o** цементное молоко □ **~o mu teče po bradě** у него молоко на губах не обсохло; **dívká krev a ~o** девушка – кровь с молоком
mlynářk|a, -y *ž ob.* мельничиха *ž*
mord, -u *m ob. expr.* убийство *s spis.*
mord|ovat se, -uji se *nedok. ob. expr. s čím (s prací ap.)* возиться, мучиться *neutr. c čem n. nad čem*
móres, mores, -u *m, zprav. v mn.* ~y *ob.* манеры *ž mn. spis.*; **nezná ~y** он не умеет себя вести *spis.*
motanic|e, -e *ž ob.* неразбериха *ž*, кавардак *m spis.*
motovid|o, -a *s ob. hanl.* пентюх *ž*
moul|a, -y *m i ž ob. hanl.* олух *m*
mour|ek, -ka *m ob.* замарашка *m i ž*
moz|ek, -ku *m* мозг *m*; **utrpět otrěs ~ku** получить сотрясение мозга • **anat.** головной мозг; **přední, zadní ~ek** передний, задний мозг; **malý ~ek** мозжечок *m*; **velký ~ek** большой мозг; **zánět ~ku med.** энцефалит *m* □ **namáhat ~k** напрягать ум, *nespis.* шевелить мозгами; *ob. leze n. jde mu to na ~ek, měkne mu ~ek* он выживает из ума
mrk|at, -ám *nedok.* 1. моргать, мигать; **poslouchal, ani nemrkal expr.** слушал, затаив дыхание *neutr.* • **na koho** подмигивать кому; **~al na ni, aby mlčela** он подмигивал ей, чтоб она молчала; **~ali na sebe** они перемигивались • *ob.* **~at očkem po kot** строить глазки кому. 2. *ob. expr.* хлопать глазами; **to budeš ~at!** вот рот раскроешь! □ **~at na drát** хлопать глазами. 3. (*o hvězdách ap.*) мерцать
mrkn|out, -u *dok.* 1. моргнуть, мигнуть; *expr. seděli, ani okem nemrkli* сидели не шелохнувшись; **ani nemrkl** и глазом не*

моргнул • **na koho** подмигнуть кому; **jen na sebe významně mrkli** они только многозначительно переглянулись. 2. **~out (se) ob.** взглянуть, посмотреть *spis.* ♦ **na chytřého ~i, a hloupého trkní přísloví** умному намёк, глупому толчок
mrskn|out se *n. sebou*, -u se *n. sebou dok.* 1. метнуться; **~out sebou o zem** растянуться 2. *ob. expr.* быстро повернуться; **~i sebou!** пошевеливайся!
mundúr, -u *m (vojenský ap.) ob.* мундир *m spis.*
mus, -u *m ve spoj. (dělat co ap.) jen z ~u ob.* только по принуждению *spis.*
mustr, -u *m ob.* образец *m spis.*
mutr|a, -y *ž ob.* мать *ž spis.*
mužicir|ovat, -uji *nedok. ob.* музичировать
muž, -e *m I.* мужчина *m*; **mladý ~** молодой человек; ~ **v plné síle** мужчина в расцвете сил □ ~ **čini** человек действия; **pravý n. celý ~** настоящий мужчина; **hadí ~** цирковой акробат; **ledoví ~i ob.** майские холода *spis.* (*6 dní svatých Pankraça, Servaça u Bonifaça 12, 13 u 14 mája*). 2. солдат *m*; **oddíl o stu ~ich** отряд в сто человек; **boj ~e proti ~i** рукопашный бой; **bít se ~ proti ~i** драться один на один □ **všichni jako jeden ~** все как один. 3. супруг *m*; **vzít si za ~e koho** выйти замуж за кого ♦ **slovo dělá ~e pořek.** настоящий мужчина держит слово
mužský I. мужской • ~ **rod jaz.** мужской род; ~ **rým lit.** мужская рифма. 2. **mužsk|**ý, -ého *m ob.* **mužsk|**ej, -ýho мужчина, мужик *m*
nabal|it, -ím *dok.* 1. *co, čeho (plný kufr šatstva ap.)* набить чего. 2. *koho do čeho (dítě do teplých šatů ap.)* накутать на кого что, чего; **chodí v zimě ~ená** она зимой очень кутается. 3. *ob. koho* познакомиться с кем *spis.*; **kdes ji ~il** где это ты с ней познакомился?
nabanč|it, -ím *dok. komu ob. expr.* отлупить кого
nabašt|it se, -ím se *dok. čeho n. bez předm. ob. expr.* нажраться
nabulík|ovat, -uji *dok. komu co, čeho ob. expr.* наврать кому что, чего
nác|ek I, -ka *ob. hanl.* нацист *m spis.*
nác|ek II, -ku, -ka *m ob. expr.* брюхо *s*; **nacpat si ~ka** налопаться, нажраться
nacvoknutý, nacvaknutý (sál, vlak ap.) ob. expr. битком набитый
načap|at, -ám *dok. koho při čem (zloděje při krádeži ap.) ob. expr.* застукать кого на чём
načinčaně ob. расфужфуренно
načinčaný ob. расфужфуренный
načoud|it, *ob. načud|*it, -ím *dok.* (*o kamnech ap.*) надымить, начадить
nadělaný (tváře ap.) ob. expr. пухленький *spis.*

naditý (tobolka, taška) *ob. expr.* туго набитый *spis.*
nadlábn|out se, -u se dok. čeho, čím *n. bez předm. ob.* налпаться, нажраться
nádobíčk|o, -a s zdrob. 1. (kávové) *expr.* миниатюрная посуда *neutr.* 2. (zednické ap.) *ob.* инструменты *m mn. spis.*
nadrany, nadrátovaný ob. expr. пьяный *spis. neutr.*
nad|rat se, -eru se dok. ob. expr. надратся, нализиться
nádražák, -a m ob. вокзальный служащий *spis.*
naducaný ob. expr. пухленький *spis.*
nafack|ovat, -uji dok. komu ob. надавать затрещин кому *spis.*
nafous, na fous přísl. (stejný) ob. expr. тютелька в тютельку
nahrnan|ý ve spoj. (a ted') jsme -í ob. expr. наша песенка спета
nahuč|et, -ím dok. co komu, co do koho ob. expr. наговорить кому чего, кому на кого, что *spis.*
nachcípáný ob. expr. застуженный
najust přísl. ob. expr. назло *spis.*
nakládačk|a III, -y ž ob. expr. zprav. ve spoj dát (pořádnou) -u komu намять бока кому
náklad|ák, -u m ob. (auto) грузовик m spis.; (vlak) товарный поезд spis.
nakuk|at, -ám dok. komu co ob. expr. насплетничать кому что, чего
nakvartýr|ovat, -uji dok. koho, co kam ob. expr. поселить кого, что где
nakvartýr|ovat se, -uji se dok. kam, ke komu ob. expr. поселиться где *spis. neutr.*
nalád|ovat, -uji dok. (aktovku knihami ap.) ob. expr. набить что чем *spis. neutr.;* ~ovat do kamen uhlí наложить полную печку угля
nalád|ovat se, -uji se dok. čeho, čím (knedlíku) ob. expr. наестся до отвала чего, чем *spis. neutr.*
nalejvárn|a, -y ob. hanl. конспективное изложение, проспект *m spis. neutr.*
namáč|et, -ím nedok. 1. co do čeho (pero do inkoustu ap.) обмакивать что во что; (hadr ve vodě) замачивать; ~et prádlo замачивать бельё. 2. koho do čeho, v čem (do aféry ap.) *ob. expr.* впутывать, втягивать кого во что *neutr.*
namích|at, -ám dok. 1. co (barvy, prášky) смешать что; ~at karty перетасовать карты. 2. co, čeho do čeho (vodu do vína) подлить что, чего во что. 3. koho *ob. expr.* разозлить кого
namíchn|out, -u dok. koho ob. expr. разозлить кого *spis. neutr.*
namíchn|out se, -u se dok. ob. expr. выйти из себя *spis. neutr.*
nam|lít, -elu dok. 1. co, čeho (obilí ap.) смолоть что. 2. čeho (hloupostí ap.) *ob. expr.* наболтать чего. 3. komu *ob. expr.* отлупить кого

namoč|ít, -ím dok. 1. co, co do čeho, v čem (ruce ap.) смочить что, что в чём, чем; ~ít prádla замочить бельё; *zvr.* ~ít si vlasy намочить волосы. 2. koho do čeho, v čem (do aféry ap.) *ob. expr.* впутать кого во что *spis. neutr.*
namoč|ít se, -ím se dok. 1. namochnout, vymochnout. 2. do čeho (do aféry ap.) ob. expr. впутаться во что *spis. neutr.;* je do toho ~en он замешан в это дело
namol přísl. ve spoj. je ~ (opilý) ob. он пьян вдребезги
namydl|ít, -ím dok. 1. (prádko ap.) намылить; *zvr.* ~ít si ruce намылить руки. 2. komu (ve rvačce ap.) *ob. expr.* отлупить кого
napak|ovat, -uji dok. ob. 1. co, čeho (věci do batohu ap.) напихать чего. 2. koho (dítě na výlet ap.) снабдить щедро продуктами кого *spis.*
naprš|et, 3. j. -í dok. neos. ~elo прошёл дождь; ~elo nač (na prádko ap.) дождём намочило что □ až ~í a uschne *ob. expr.* после дождичка в четверг
narafič|ít, -ím dok. ob. co, co komu, na koho подстроить что кому *spis.;* měl to (chytře) ~eno он это хорошо подстроил
nar|ůst, -ostu dok. (o vlasech) отрасти; (o trávě) вырасти; nechat si ~ůst vousy отпустить бороду; ~ostlo mu břicho *hovor.* он оттрастил брюшко ♦ ~ostl mu hřebínek, ~ostly mu rohy *n. růžky* он зазнался; ~ostla mu křídla у него выросли крылья; mluví, jak mu zobák ~ost *ob.* он говорит, как Бог на душу положит
nasek|at, -ám dok. 1. co, čeho (trávy) накосить что, чего, (dříví ap.) нарубить, наколоть что, чего; ~at maso нарезать мясо мелкими кусочками, порубить мясо. 2. *ob. expr.* (spoustu výrobků ap.) наделать, též přen. (spoustu dluhů ap.); přen. ~at mnoho chyb (v úloze) наделать *n.* насажать (много) ошибок. 3. komu (neposlušnému chlapci ap.) *ob. expr.* отлупить, выпороть кого *neutr.*
nasmrad|ít, -ím dok. čím, co kde ob. expr. навонять чем где
nasmrádn|out, -u dok. čím (kouřem ap.) ob. expr. провонять
nasol|ít, -ím dok. 1. co посолить что; (maso, hřibky ap.) засолить что; ~ený (maso ap.) солёный. 2. komu (nabít) *ob. expr.* всыпать кому; (pětku ve škole) влупить; ~ít pokutu komu влупить штраф кому
nasucho, na sucho přísl. (zametat ap.) насыхо; vytrít ~ вытереть насыхо ♦ sedět ~ kde *ob.* сидеть без еды и питья где *spis.*
našenk|ovat, -uji dok. (püllitr piva ap.) ob. налить *spis.*
našmelinař|ít, našmell|ít, -ím dok. co, čeho (peníze ap.) ob. expr. наспекулировать что
našpon|ovat, -uji dok. ob. напрячь *spis.*

naštel|ovat, -uji dok. (prístroj) ob. установить *spis.*
naštět|ít se, -ím se dok. ob. expr. ошети- ниться
naštorc přísl. ob. поперёк *spis.*
našup|at, -u, -ám dok. komu ob. expr. всы- пать кому
natáhn|out, -u dok. 1. (provaz ap.) натянуть, протянуть; (*ruku*) вытянуть; (*koberec na podlahu*) разостлать □ **~out brka n. bačkory zhrub.** дать дуба. 2. **~out (si) (boty, rukavice, kalhoty ap.)** надеть, натянуть. 3. (*hodinky ap.*) завести; **~out kohoutek (u pušky)** взвести курок. 4. *koho (o 50 000 Kč ap.) ob. expr.* объегорить кого
natah|ovat, -uji nedok. 1. натягивать; вытягивать; протягивать; **~ovat koberec** расстилать ковер □ **~ovat uši** насторажи- ваться; **~ovat nohy n. jedenáctky ob.** при- бавлять ходу. 2. **~ovat (si) (boty ap.)** наде- вать. 3. (*hodinky ap.*) заводить; **~ovat ko- houtek (u pušky)** взводить курок
natřít, -řu, -ru dok. 1. (barvou) покрасить; (*boty krémem*) намазать. 2. *koho ob. expr.* врезать кому • **Spartak to ~řel Dynamu sport. slang.** «Спартак» разгромил «Ди- намо»
nátur|a, -y ž ob., často expr. природа ž, натура ž *spis. neutr.*; **má koňskou n. tuhou ~u** он вынослив как лошадь; **na to já nemám ~u** у меня для этого не хватает характера
natvrdlý 1. (chléb) чёрствый. 2. (přihlouplý) ob. expr. придурковатый
navar|ít, -ím dok. 1. co, čeho (mnoho jídla ap.) наварить □ **co sis ~il, sněz n. to máš ob.** сам заварил кашу – сам её и расхлё- бывай. 2. *co nač tech.* наплавить, наварить что на что
navážit se, ~ím se nedok. do koho, čeho (do odpůrců ap.) ob. expr. нападать на кого, что *spis.*
nav|ězt, -ezu dok. 1. co, čeho kam (hodně cíhel ap.) навозить что, чего куда. 2. *koho do čeho ob. expr.* втянуть, втравить кого во что
nav|ězt se, -ezu se dok. do koho, čeho ob. expr. взять в оборот кого
navrčený 1. ob. expr. разозлённый, рассер- женный *spis. neutr.* 2. (*žák stud. slang.* вызубривший всё от корки до корки
nějak|ý ob. nějaké zájm. 1. какой-то; **kup ~é noviny** купи какую-нибудь газету; **přišla ~á žena** пришла какая-то женщина; **v tom bude ~ý podvod** здесь какой-то подвох; **je ~ý rozčilený** он какой-то взволнованный *n.* расстроенный; **je to ~é podezřelé** это как-то подозрительно. 2. кое-какой; **~é znalosti má** кое-какие знания у него есть; **~ý čas, ~ou dobu** некоторое время; **~ý (ten) den** пару дней. 4. какой-нибудь; **za ~ých pět dní** через какие-нибудь пять дней

nekňub|a, -y m i ž ob. недотёпа *m i ž*
německ|ý немецкий • ~ý ovčák немецкая овчарка; **~á myš ob.** крыса ž *spis.* ✨~*y přísl.* по-немецки
némlich přísl. ob. как раз, именно *spis.*
nemocný 1. больной; **duševně** ~ душевно- больной; **nervové** ~ нервнобольной; **těžce** ~ тяжело больной; **je ~ na plíce ob.** у него больные лёгкие *spis.* 2. **nemocn|ý, -ého m** больной *m*; **~á, -é ž** больная ž
neřkuli, neřku přísl. zprav. poněk. zast. a ob. не говоря уже о том, что..., тем более, что...; **nebála se hadu, ~ myši** она не боя- лась змеей, тем более мышей
nevěst|a, -y ž 1. невеста ž. 2. *ob.* невестка ž, сноха ž
nevycválaný ob. expr. (kluk) невоспитанный *spis. neutr.*
nevymáchan|ý ob. expr. (řeči) грубый, дерзкий *spis. neutr.*; **zhrub. je ~á pusa, má ~ou hubu n. pusu** он грубо выражается *neutr.*
nezavřený незапертый; cpe se jako ~ ob. expr. он уплетает за обе щёки
nimračk|a, -y ž ob. expr. кропотливая работа *spis. neutr.*
nóbl I přísl. ob. expr. аристократически *spis. neutr.*
nóbl II přísl. neskl. příd. ob. expr. аристо- кратический *spis. neutr.*
ňoum|a, -y m ob. expr. недотёпа *m i ž*
nouz|e, -e ž 1. нужда ž; **žít v ~i** жить в в нищете; **trpět n. třít ~i** нуждаться □ **trít bídu s ~i** горе мыкать. 2. *o koho, co* не- хватка ž кого, чего; **mit ~i oč** нуждаться в чём; **~e o pracovní síly** нехватка рабочей силы; **bytová ~e** нехватка жилья • **z ~e** поневоле □ **z ~e ctnost** добродетель ž поневоле; **z ~e n. v ~i Franta dobrý ob.** на безрыбье и рак рыба, и Фома человек ♦ **~e naučila Dalibora housti přísloví** нужда всему научит; голь на выдумки хитра
nouzovk|a, -y ž ob. что-то временное
oblafn|out, -u dok. ob. zhrub. облапошить кого
obšlapn|out, -u dok. komu co ob. expr. выхлопотать кому что; *zvr.* **~out si co** выхлопотать себе что; **~out si koho** обра- ботать кого
obšlap|ovat, -uji nedok. komu co ob. expr. выхлопывать кому что; *zvr.* **~ovat si co** выхлопывать себе что; **~ovat si koho** обрабатывать кого
obvod|ák, -a m ob. районный врач *spis.*
ocas, -u m 1. хвост *m*; **vrtět ~em** вилять хвостом; **stáhnout n. svěsit** ~ поджать хвост. 2. *ob.* мужской половой орган *spis.*
očihn|out (si), občihn|out (si), -u (si) dok. (okolí ap.) ob. expr. осмотреть *spis. neutr.*
očmucht|at, -ám dok. ob. обнюхать *spis.*
očmuchtav|at, -ám nedok. ob. обнюхивать
odfajfk|ovat, -uji nedok. co ob. отметить галочкой что *spis.*

odflák||at, odflink||at, -ám, odflákn||out, odflinkn||out, -u dok. ob. expr. (práci ap.) сделать кое-как *spis.*
odkud, ob. odkad zájm. откуда; ~ **jsi n. pocházíš?** откуда ты родом?; ~ **to víš n. máš?** откуда ты это знаешь?
odmašír||ovat, -uji dok. ob. expr. (o vojsku) уйти *spis. neutr.*
odprejskn||out, -u dok. ob. zhrub. уйти, отстать; **odprejskni!** отвали!
odrbán||ec, -ce m ob. expr. голодранец *m*
odrbáný ob. expr. оборванный, обтрёпан-ный *spis.*
odrb||at, -u, -ám dok. ob. expr. оборвать; истрепать *spis.*
odšpunt||ovat, -uji dok. ob. откупорить *spis.*
odšvindl||ovat, -uji dok. ob. expr. сделать кое-как *spis. neutr.*
odtamtud, ob. odtamtad zájm. оттуда
odted'ka přísl. ob. отныне, с настоящего времени *spis.*
odvedle přísl. ob. из соседнего помещения; по соседству *spis.*
odvl|éci se, odvl|éct se, -eku se, -eču se, odvlékn||out se, ob. odvlíkn||out se, -u se dok. (s námahou kam) expr. отползти
oficír, -a m zast., ob. офицер *m běžné spis.*
ofrň||ovat se, -uji se nedok. ob. expr. nač (na jídlo, na šaty) воротить нос *om čeho*
ohmat||at, ob. ochmat||at, -ám dok. 1. (zboží, bouli) ощупать; (*puls*) пощупать; *přen.* ~**at pohledem** изучить взглядом. 2. (*prsty knihu*) захватывать
ohmatáv||at, ob. ochmatáv||at, -ám nedok. 1. (látku) ощупывать; **neohmatávat zboží** товар руками не трогать; *přen.* ~**at pohledem** изучать взглядом. 2. (*prsty knihu*) захватывать
ohon, -u m 1. хвост *m*. 2. *ob.* мужской половой орган
ochomýt||at se, ochotmejt||at se, -ám se nedok. ob. expr. околачиваться
ochomýtn||out se, ochomejtn||out se, -u se dok. ob. expr. появиться на короткое время *spis.*
okošť||ovat, -uji dok. zast. ob. попробовать на вкус *spis.*
okrskář, -e m ob. a slang. (prodejen) участковый инспектор *spis.*
okulár, -u m 1. fyz. окуляр *m*. 2. *v mn.* ~*y* *expr. ob. (brejle)* очки *m mn. běžné*
olít||at, -ám dok. ob. expr. (všechny obchody ap.) обегать; *zvr. všechno~ jsem si sám ~al (na úřadech ap.)* я сам всё себе выхлоптал *neutr.*
olí||zat, ob. oblíz||zat, -žu, -zám, kniž. -ži dok. 1. (pes ránu, dítě lízátko ap.) облизать. 2. (*nádobí, podlahu*) *ob. expr.* вымыть *n.* вытереть кое-как
olíz||out, ob. oblíz||out, -u dok. 1. (pes ruku ap.) облизать, лизнуть; ~**out si suché rty** облизнуть пересохшие губы • **čeho (dobrého jídla ap.)** попробовать вкус *čeho;*

přen. plamen olízl dříví пламя лизнуло дрова □ **můžeš si všech pět n. deset (prstů) ~out expr.** пальчики~ облизешь. 2. *ob. expr. (nádobí)* кое-как вымыть *spis. neutr.*
olíz||out se, ob. oblíz||out se, -u se dok. expr. облизнуться
olíz||ovat, ob. oblíz||ovat, -uji nedok. (pes ruku ap.) облизовать, лизать; (*cukr s koláče ap.*) слизывать, облизовать; ~**ovat si rány** зализовать свои раны (*o životnom*); *přen. (plamen křivuli ap.) expr.* лизать • (*libat*) *ob. expr.* целовать *spis. neutr.*
olíz||ovat se, ob. oblíz||ovat se, -uji se nedok. expr. облизываться
omak||at, -ám dok. ob. 1. (zboží ap.) ощупать *spis.*; *zvr. ~at si hlavu* ощупать себе голову; • ~**at pohledem** ощупать взглядом. 2. (*knihu ap.*) захватывать
omeld||ovat se, -uji se dok. zast. ob. доложиться
onak||ý 1. zprav. ve spoj. takové nebo ~é řešení то или иное решение; **dnes je takový, zítra ~ý** сегодня он такой, завтра иной; **takový či ~y návrh** то или другое предложение. 2. (*hezky*) *zast. ob.* красивый; *zprav. v 2. st. onačejší, řídč. onačí; onačejší šaty* более красивое платье *běžné spis.*; **ve městě jsou onačeší domy** в городе дома лучше *běžné spis.*
onehdy, ob. onehda, onehda přísl. (se mne ptal ap.) на днях, недавно; **byl tam ~** он был там некоторое время тому назад; ~ **jste si stěžoval** вы как-то тут жаловались
opentlen||ý (kočár ap.) украшенный лентами; *přen. ~é fráze ob. expr.* цветистые фразы *spis. neutr.*
opent||it, -ím dok. u красить лентами; *přen. (skutečnost ap.) ob. expr.* приукрасить
opent||ovat, -uji nedok. украшать лентами; *přen. (pravdu ap.) ob. expr.* приукрашивать
opích||at, -ám dok. ob. koho совершить половой акт с кем
oprub||ovat, -uji dok. (boty, šaty ap.) zast. ob. примерить *běžné spis.*
opuc||ovat, -uji dok. zast., ob. (kabát ap.) вычистить *spis.*
orat, ořu, orám nedok. 1. пахать; ~ **s kravami** пахать на коровах. 2. *s kým (žena s mužem ap.) ob.* помыкать кем *spis.* 3. (*odpovědi při zkoušce*) *ob.* портить *spis.*
oříš||ek II, -ka m ob. expr. дворяжка *ž*
oslovin||a, -y ž ob. expr. глупость *ž spis.*; **provést ~u** сделать глупость
oslovsk||ý 1. (uši ap.) ослиный. 2. (*kousky ap.) ob. expr.* дурацкий ☞ ~*y přísl. (to udělal) ob. expr.* по-дурачки
oslovstv||í, -í s ob. expr. идиотизм *m spis.*
osobák, -u m ob. пассажирский поезд *spis.*
osyp||ky, -ek ž pomn. zast. ob. корь *ž běžné spis.*
ošklub||at, -u, -ám dok. 1. (drůbež) ощипать • (*listy z větví ap.) expr.* оборвать *neutr.* 2.

koho ob. expr. ободрать, ободрать; ~ali ho (dohola) его ободрали как липку
oš Kubáv||at, -ám nedok. 1. (drůbež) ошпы-
 вать • (švestky ap.) expr. обрывать *neutr.*
 2. koho ob. expr. обирать, обдирать кого
ošmajd||at, -ám dok. (podpatky) ob. стоптать
 spis.
ošmik||at, -ám dok. ob. expr. обкромсать
ošoust||at, -ám dok. ob. koho совершить
 половой акт с кем
oštempl||ovat, -uji dok. co zast. ob. про-
 штемплевать *čmo běžně*
ošuk||at, -ám dok. ob. koho совершить
 половой акт с кем
ošul||it, ožul||it, -im dok. ob. обжулить,
 облапошить; **ten se nedá ~it** он не даст
 себя облапошить
ošuntělý ob. expr. totiž co ošumělý
ošvindl||ovat, -uji dok. ob. (práci) халтурно
 сделать spis.; ~ovat zkoušku сдать экза-
 мен по шпаргалкам
oučtař, -e m ob. бухгалтер *m spis.*
ouřez||ek, -ka m (zavalitý člověk) ob. expr.
 крепыш *m*
outrat||a, -y m ob. expr. мот *m spis.*
ovocnař||it, -im nedok. ob. заниматься
 садоводством spis.
packal, -a m ob. expr. халтурщик *m* ☼~ka,
 -ky ž халтурщица ž
pack||at, -ám nedok. ob. expr. халтурить; ~at
obrazy малевать картины
pade čísl. ob. пятьдесят spis.
pad||lý павший; bílý jako ~ý sníh белый,
 как свежесвыпавший снег; **pomník ~ých**
 памятник павшим воинам ♦ **na hlavu ~ý**
 ob. придурковатый
pad||nout, -nu dok. 1. упасть; ~nout do
náruče, kolem krku komu • ~nout do **mdlob**
 упасть в обморок. 2. (o mlze) пасть, спу-
 ститься. 3. (o výstřelech) раздаться. 4. (v
 boji) погибнуть. 5. (o pevnosti) сдаться;
vláda ~la hovor. правительство пало. 6. (o
 šatech) прийти по фигуре; **oblek mu**
dobře ~ne костюм на нём хорошо сидит •
 ~la! ob. конец рабочего дня spis.
páchn||out, -u I. nedok. (odporně ap.) дурно
 пахнуть; *neos. ~e mu z úst* у него изо рта
 пахнет; ~e **tabákem** от него несёт таба-
 ком. 2. *dok. zprav. v záp. spoj. ob. expr. do*
hospody už ani nepáchl в пивную он уже
 и носа не кажет; **tam nepáchně ani noha**
 туда никто не заглядывает
pajdán||í, -í ob. expr. прихрамывание *s spis.*
neutr.
pajd||at, -ám nedok. ob. expr. прихрамывать
spis. neutr.
pajdav||ý ob. expr. прихрамывающий *spis.*
neutr.; ~á **chůze** прихрамывающая поход-
 ка
pajšl, -u m poněk. zast. ob. trebuха ž *běžně*
spis.
pajzl, -u m ob. бордель *m*

pakárn||a, -y ž ob. сумасшедший дом *spis.*
pak||o, -a m ob. expr. придурок *m*
pak||ovat, -uji nedok. (kufr ap.) ob. упако-
 вывать spis.
pak||ovat se, -uji se nedok. ob. expr. уби-
 раться; ~uj se **odtud!** пошёл отсюда!
pál||it, -im nedok. 1. жечь; обжигать □ ~la
ho půda pod nohama у него земля горела
 под ногами; ~í **ho dobré bydlo** он с жиру
 бесится; ~it si **prsty pro koho** впутываться
 в неприятную историю *из-за кого*; **mráz**
 ~í мороз обжигает; ~í **mě žaha** меня му-
 чит изжога; *neos. ~í mě v krku* у меня
 жжёт в горле. 2. перегонять, гнать алко-
 голь. 3. стрелять; **pál!** пли! 3. *ob. expr.*
 удирать, улепётывать. 4. *za kým ob. expr.*
 приударять, за кем ♦ **co tě nepálí, nehas**
pořek. не суйся не в своё дело
panák I, ob. expr. paňák, -a m I. hanl.
 фронт *m*, шеголь *m*. 2. (*vyucpaný ap.*) кукла
 ž
panák II, -u, -a m I. копна ž; **stavět obilí do**
 ~ů складывать снопы в копны. 2. *ob.*
 рюмка (*алкоголя*) spis.
pánbič||ek, pámbič||ek, -ka m zdrob. ob.
expr. боженька *m*; **jděte s ~em** идите себе
 с Богом
pánbičkář, pámbičkář, -e m ob. hanl. ханжа
m ☼~ka, -ky ž *jako m*
pánbičkářský, pámbičkářský ob. hanl.
 ханжеский spis.
pánbůh, ob. pánbů, pámbu, pámbu, v
projevch náboženské úcty psáno též
Pánbůh, pána boha m Господь Бог *m*;
věřit v pána boha верить в Бога □ (*stál ap.*)
jak ho ~ stvořil ob. в чём мать родила;
kdyby si ji ~ vzal zast. если бы её Господь
 прибрал; **dívat se pánu bohu do oken** счи-
 тать ворон; *poněk. zast. ob. požehnej ~* дай
 Бог счастья; **pomáhej ~** Бог в помощь,
 помогай Бог; ~ **vás chraň** храни *n.* сохрани
 вас Господь; **zaplať ~** слава Богу; **s**
pánem bohem прощай, прощайте; **chraň**
 ~! Боже упаси!; **nedej ~!** не дай Бог!;
chvála pánu bohu слава Богу; **pro**
pána boha ради Бога; **no pozdrav ~!** вот
 тебе и на! ♦ **člověk míní, ~ mění pořek.**
 человек предполагает, а Бог располагает
pančování||í, -í s (vína, mléka ap.) ob. раз-
 бавление *s* водой
panč||ovat, -uji nedok. co (víno, mléko ap.)
ob. разбавлять водой *čmo*
panimám||a, -y ž poněk. zast. ob. хозяйка ž
běžně spis.; (*venkovská žena vůbec*) пожи-
 лая крестьянка *běžně spis.* • ~o! (*oslovení*)
 матушка!
pankej, panket, -u m ob. окоп *m spis.*
pansk||ý I. барский, господский; ~é
choutky барские замашки. 2. *hist. ~ stav*
 высшее дворянство. 3. **pansk||á, -é ž hist.**
 горничная ž. 4. **pansk||ě, -ého s hist. ob.**
 барщина ž; **chodit na ~é** ходить на бар-

щину ☼~y přisl. по-барски; **žít si** ~y жить баринно
pant, -u m (u dveří) ob. петля ž spis. ♦ **mlít n.**
mlátit ~em zhrub. молотить языком
pantát|a, -y m poněk. zast. ob. хозяин m
běžné spis.; (starší venkovan vůbec) пожи-
лой крестьянин běžné spis. • ~o! (na
venkově) хозяин!
papaláš, -e m ob. большой начальник spis.
páprd|a, -u m ob. hanl. противный старик
spis.
papul|a, -y ž ob. expr. мордочка ž
papundekl, **papndekl**, -u m ob. картон m
spis.
papundekový, **papndekový** ob. картонный
spis.
páračk|a, -y ž ob. expr. возня ž spis.
parád|a, -y ž hovor. 1. наряд m; expr. **dělat**
n. **honit** ~u франтить; **potrpět si na** ~u
любить наряжаться; **to je jen pro n. na** ~u
это только для вида. 2. voj. ob. парад m
spis. ♦ **vzít n. dostat do** ~y koho ob. expr.
взять в оборот кого. 3. нечто превосход-
ное; **to je ~a!** здорово! **no jasně, to by byla**
~a ясное дело, было бы классно
paroh, -u m roг m; **jelení** ~y олени рога;
shodit ~y сбросить рога ♦ **nasadit** ~y komu
ob. expr. наставить рога кому
parohač, -e m 1. (jelen) рогач m. 2. (klamáný
manžel) ob. expr. рогоносец m
partaj, -e ž ob. 1. (účastník jednání před
úřadem) посетитель m spis. 2. poněk. zast.
квартирант m běžné. 3. (politická) často
expr. партия ž spis. neutr.
parták, -a m ob. бригадир m spis.
partes, -u m, zprav. v mn. ~y ob. ноты ž mn.
spis.; **hrát z** ~u играть по нотам
partiovk|a, -y ž ob. магазин уценённых
товаров spis.
pas|ák, -áka m 1. (dobytká) пастух m. 2. ob.
сутенер m spis. ☼~ačka, -áčky ž пастушка
ž
pásák, -u m ob. гусеничный трактор spis.
pas|ovat I, 3. j. -uje nedok. komu (šaty ženě
ap.) poněk. zast. ob. ийти кому, хорошо
сидеть на ком běžné spis.
pašácký ob. expr. молодецкий
pašák, -a m ob. expr. молодец m; **jsi** ~!
молодец!
pašík, -a m ob. expr. чушка ž
patá|l|e, -e ž s čím ob. expr. возня ž с чем;
mám s ním ~i беда мне с ним
patl|a, -y, **patlal**, -a m ob. expr. мямля m
patron, -a m 1. (školy, závodu ap.) шеф m. 2.
církv. (kostela, české země, rybářů ap.) по-
кровитель m, патрон m. 3. ob. expr. чудак
m, оригинал m; **ty jsi ale divný ~!** ну ты и
оригинал! ☼~ka, -ky ž (kostela ap.) по-
кровительница ž, патронесса ž, též přen.
(sírotčince ap.)
pech, -u m ob. expr. невезение s spis. neutr.;
má ~ ему не везёт; **tomu říkám pech** вот
так невезение

pekařin|a, -y ž ob. пекарное ремесло spis.
pendler, -a m ob. человек m, регулярно
ездящий за границу за товаром или на
заработки spis
pendl|ovat, -uji nedok. ob. ходить туда-
сюда spis
penicilink|a, -y ž ob. завод m по производ-
ству пенициллина spis.
perk|o, -a s, zprav. v mn. ~a ботинки m mn.
n. с резинками (без шнуровки) □ **prohnat**
~a komu ob. expr. вогнать в пот кого
perník, -u m пряник m. 2. ob. первитин m
spis.
per|lo, **pěr**|lo, -a s 1. перо s. 2. ручка ž;
plnicí ~o чернильная авторучка ž;
kuličkové ~o шариковая авторучка ž;
redisové ~o плакатное перо; **rýsovací** ~o
рейсфедер m; **přen. mistr pera** мастер
пера; **lidé od pera** работники пера. 3.
пружина ž; **hračka na** ~o заводная иг-
рушка. 4. ob. мужской половой орган
spis.
pěr|ovat, -uji nedok. 1. (o voze) пружинить.
2. koho ob. expr. брать в оборот кого
pěst, -i, ob. -ě ž кулак m; **hrozit** ~i грозить
кулаком; **zatinat** ~i сжимать кулаки;
pancéřová ~ voj. фауст-патрон neskl.-m □
na svou n. vlastní ~ на свой страх и риск;
to je n. to se hodí (k sobě) jako ~ na oko
expr. это подходит как корове седло
pěšourem přisl. ob. expr. на своих двоих
pěťák, -u m ob. пятак m; **nemám ani** ~ y
меня ни гроша за душой
pětikilovk|a, -y ž ob. (závaží) пятикило-
граммовая гирия spis.
стабильные цены; ~ý **plat** постоянная
заработная плата; ~é **zaměstnání** постоя-
нная работа; ~é **datum** точная дата; **je ~ý**
v sedle он уверенно сидит в седле; **je ~ý v**
čem он силен в чём □ **je ~ý v kramflekách**
ob. expr. он на этом собаку съел; **mít ~ou**
páteř быть принципиальным; **cítil, mít**
~ou **půdu pod nohama** чувствовать,
иметь твёрдую почву под ногами • fyz. ~é
skupenství твёрдое состояние; ~á **kladka**
неподвижный блок
pič|a, **pič**|a, -i, **řidč**. -e ž ob. женский поло-
вой орган spis.
pidlooký ob. косоглазый
pifk|a, -y ž zprav. ve spoj. **mít ~u na koho**
ob. иметь зуб против кого
pihovatý, **plhovitý**, ob. **pihatý** (obličej, kluk
ap.) веснушчатый
píchnout, -nu dok. 1. am; koho, co, do koho,
čeho n. bez předm. уколоть кем; кого, что,
во что, zvr. ~out se oč, čím уколоться кем;
~I se do prstu он уколол себе палец □ **není**
do čeho ~nout hovor. expr. нечего делать;
~nout do vosího hnízda разворошить осие
гнездо. 2. (o včele ap.) ужалить. 3.
komu co med. slang. впрыснуть, ввести
spis. 4. (jízdenku ap.) hovor. прокомпости-
ровать. 5. komu (v práci ap.) ob. помочь

кому spis. 6. со на koho (policii ap.) об. донести на кого spis. 7. об. совершить половой акт spis.

pind'our, -a m ob. мужской половой орган spis.

pingl I, -a ob. hanl. официант m spis. neutr.

pingl II, -u ob. рюкзак m spis.

písk|at, -ám nedok. 1. на koho, co; co n. bez predm. свистеть; ~at (si) písničku свистеть n. насвистывать песенку • ~at zápas sport. slang. судить матч. 2. nač свистеть во что, ~at na píšťalku насвистывать на дудочке; ~at na prsty свистеть в два пальца □ ob. ~at (na) kudlu свистеть в кулак; tancuje, jak ona ~á он пляшет под её дудку; uvidíme, jakou pak budeš ~at увидим, как ты потом запоёшь. 3. (o myši ap.) пищать

plac, -u m ob. 1. место s spis. 2. voj. плац m spis.

plakát, ob. plagát, -u m афиша ž, плакат m

platfus, -u m ob. плоскостопие s spis.

plechový (krabice, vědro ap.) жестяной; металлический • ~ý (hudební) nástroj hud. духовой (музыкальный) инструмент □ ~á huba ob. expr. пустозвон m

plíce, plíc ž pomn. лёгкие s mn.; zápal plíc воспаление лёгких; je chycen na ~ ob. у него лёгкие не в порядке spis. □ říci co od plíc сказать что открыто; zasmát se od plíc от души расхохотаться; z plných plíc во всё горло

plicht|a, -y ž ob. ничья ž spis.

plivan|ec, -ce m ob. пловок m spis.

plst'ák, -u m ob. (klobouk) войлочная шляпа spis.

posad' přísl. ob. сюда spis.; až ~ (doskočit ap.) до этого места

posint|at, -ám dok. ob. запачкать spis.

posint|at se, -ám se dok. ob. запачкаться spis.

podagr|a, podágr|a, -y ž ob. подагра ž spis.

poděbradk|a, -y ž ob. «подебрадка» ž (минеральная вода из г. Подебрады)

podkovák, -u m ob. подковный гвоздь spis.

podma|zat, -žu, -ži, řidč. podmázn|out, -u dok. 1. co čím (pečivo tukem ap.) подмазать, смазать что чем. 2. (soudce ap.) ob. expr. подкупить spis. neutr.

podmazáv|at, -ám, řidč. podmaz|ovat, -uji nedok. 1. co čím (placky sádlem ap.) подмазывать, смазывать что чем. 2. (revizora ap.) ob. expr. подмазывать, подмасливать

podol|ek, -ku m ob. подол m spis.

podrazák, -a m ob. обманщик m spis.

podvrat'ák, -a m ob. hanl. дворняжка ž spis.

pořlák|ovat se, -uji se, pořlínkáv|at se, -ám se nedok. ob. expr. шляться, шататься

pokavad I, II ob. totéž co pokud I, II

pokec|at I, -ám dok. (ubrus ap.) ob. expr. испачкать neutr. spis.

policajt, -a m ob. полицейский m spis.

policajský hanl. ob. полицейский m spis.

politikařen|í, -í s ob. hanl. политиканство s spis.

politikař|it, -ím nedok. ob. hanl. заниматься политиканством spis.

polstrovaný ob. totéž co polštářovaný

polstr|ovat, -uji nedok. ob. totéž co polštářovat

pomlát|it, -ím dok. ob. expr. 1. (všechno nádobí ap.) перебить spis. 2. (zloděje klacky ap.) поколотить spis. 3. (nepřátele ap.) поубивать

pomyj|e, ob. pomej|e, -í ž pomn. помои jen mn.

ponk, -u m ob. верстак m spis.

popotáhn|out, -u dok. (židli ke stolu ap.) немного подвинуть; koho zač (za rukáv) дёрнуть, подёргать □ ~out (nosem) об. шмыгнуть носом spis.

popotah|ovat, -uji nedok. (židle ke stolu ap.) немного пододвигать; koho zač (za rukáv ap.) дёргать □ ~ovat (nosem) об. шмыгать носом spis.

popozit'í, ob. popozejt'í přísl. через два дня, на третий день

porcelán, ob. porculán, -u m фарфор m

portmonk|a, -y ž zast. ob. портмоне neskl. s spis.

pořád, ob. porád přísl. всё время; постоянно; ~ ještě всё ещё; ~ dokola вокруг да около; je ~ stejný он всё такой же; ~ čte он только и делает, что читает

poříz|ek, -ka m ob. expr. крепьши m, здоровья m spis.

posek|at se, -ám se dok. 1. s kým zprav. ob. expr. схлестнуться с кем. 2. čím (sekyrou ap.) поранить себя чем

poser|a, poseroutk|a, -y m i ž ob. hanl. трус m spis.

posil|at, -ám nedok. koho kam, ke komu посылать кого куда, к кому □ ~at koho, co k čertu n. ke všem čertům n. k šípku n. do horoucích pekel ob. expr. посылать кого, что ко всем чертям

poškolák, -a m ob. ученик, оставленный в школе после уроков spis.

pošmákn|out si, -u si dok. ob. expr. полакомиться spis. neutr.

pošpás|ovat (si), -uji (si) dok. s kým ob. пошутить с кем neutr. spis.

potento, potento se ob. expr. (vyjadruje děj n. činnost, pro kterou mluví příslušný výraz nemá n. ho nechce užít) того, тово; ten se samou radostí ~ от радости он чуть не того

potlach|at si, -ám si dok. s kým ob. expr. поболтать с кем

potud, ob. potad zájm. 1. досюда; až ~ citát цитата кончается • škol. slang. odtud až ~ от сих до сих □ mám toho až ~ этим я сыт по горло. 2. ve spoj. dokud n. pokud..., ~... пока..., до тех пор...; pokud jsi zdrav, ~ můžeš pracovat ты можешь работать до тех пор, пока здоров. 3. постольку; má to

pro nás cenu jenom ~, pokud to přinese úsporu для нас это выгодно постольку, поскольку даёт экономии

potvor|a, -y *ž* 1. *poněk. zast.* чудовище *s*. 2. *ob. expr. často zhrub.* тварь *ž*

potvorný *ob. expr. často zhrub.* омерзительный, дрянной

póvl, -u *m ob.* ничтожество *s spis.*

pozdraz|it II, -ím *dok. zast. ob. zprav. ve spoj. pámbůh vás rač -it!*, **pozdraz pámbůh!** (*pozdraz*) дай вам Бог здоровья!; **pozdraz pámbu (při kýchnutí)** доброго здоровья □ **no pozdraz pámbůh!** вот те раз!

prabídn|ý, ob. expr. prachbídn|ý (plat ap.) убогий, жалкий; **-é počasí** скверная погода

pracák, -u *m ob.* биржа *ž* труда *spis.*

prach, -u *m* 1. пыль *ž*; **kotouče ~u** клубы пыли; **shořet na ~** сгореть дотла; **uhelný ~ horn.** угольная пыль; **radioaktivní ~** радиоактивная пыль. 3. *zprav. ve spoj. střelný ~* порох *m*; **bezdýmný ~** бездымный порох. 4. **labutí, husí ~** лебяжий, гусиный пух *m*. 5. *jen v mn. ~y ob. expr.* деньги *mn. spis.*

pracháč, -e *m ob. expr.* богач *m spis.*

prachatý *ob. expr.* с деньгой, с тугим кошельком

prachmizerný, ob. prachmizerný (počasí ap.) *expr.* прескверный

pras|e, -ete *s* 1. свинья *ž*; **krmit si ~e** откармливать поросёнка; **výkrmna ~at** свиноферма *ž*; **je špinavý jako ~e** он грязный как свинья; **je tlustý jako ~e** он жирный как свинья □ **ani za zlaté ~e** *ob.* ни за что на свете *neutr.*; **má se jako ~e v žitě** он как сыр в масле катается. 2. *ve spoj. ~e divoké zool.* кабан *m*

práskač, -e *m ob. hanl.* доносчик *m spis.*

prasprostý, ob. prachsprostý (podvodník ap.) *expr.* бесстыдный *neutr.*

prašpatný, ob. expr. prachšpatný никудышный

praženk|a, -y *ž ob.* заправленная обжаренной мукой похлёбка *spis.*

prdel, -e *ž ob.* задница *ž* □ **~ světa** захолустье *s*; **a jsme v ~i** дела наши плохи; **boty jsou v ~i** ботинкам конец; **do ~e!** чёрт побери!

prdeláčk|a, -y *ž ob.* суп из остатков и обрезков *spis.*

prdelk|ovat, -uji *nedok. ob. expr.* заискивать *перед кем*

prd'ol|a, -y *m ob. expr.* трус *m spis.*

pré *zprav. ve spoj. má teď ~ ob.* теперь ему лафа ♦ **když kocour není doma, mají myši ~ pořek.** без кота мышам масленица

pres, -u *m ob.* 1. пресс *m*, тиски *jen mn. spis.* 2. (*tlačnice*) толкотня *ž*, давка *ž spis.* □ *expr. vztit koho do ~u* взять в тиски; загнать в тупик *kogo*; **být v ~u** оказаться в безвыходном положении

prkenic|e, -e *ž ob. expr.* бумажник *m*

prkotin|a, -y *ž ob. expr.* чепуха *ž*, ерунда *ž*

probend|it, -ím *dok. ob. expr. (peníze)* прокутить *spis.*

procour|at, -ám *dok. ob. expr. (celý den ap.)* прошататься, прошляться; *co (celé město)* протаскаться, прошататься *po čemu*

procvakn|out, procvikn|out, -u *dok. (jízdenku ap.) ob.* пробить, проколоть *spis.*

proflák|at, -ám *dok. (čas ap.) ob. expr.* убить время *spis.*

pro|hnat, -ženu *dok.* 1. (*koně po dvoře ap.*) прогонять; (*zloděje*) прогнать □ *zvr. ~hnat si hlavou kulku* пустить себе пулю в лоб. 2. *expr. (lenocha ap.)* погонять как следует; (*počkej*) **já tě ~ženu!** я тебе покажу! □ **~hnat faldy komu** *ob. expr.* потанцевать властью *s кем neutr.*

prokecn|out, -u *dok. co ob.* сболтнуть *что spis.*

proklov|at, proklob|at, ob. proklub|at, -u, -ám *dok.* проклевывать

proklov|at se, proklob|at se, ob. proklub|at se, -u se, -ám se *dok. (o kuřatech)* проклонуться

proklováv|at, proklobáv|at, ob. proklubáv|at, -ám *nedok.* проклёвывать

proklováv|at se, proklobáv|at se, ob. proklubáv|at se, -ám se *nedok. (o kuřatech)* проклёвываться

prolajdač|it, -ím, prolajd|at, -ám *dok. (celý den ap.) ob. hanl.* проваландаться

proříz|nout, -nu *dok. (otvor ap.)* прорезать; *přen. paprsek ~l tmu* луч прорезал темноту □ **má vyřídilku dobře ~nutu** *ob.* у него язык хорошо подвешен

prošik, -a, -u *m ve spoj. přijít s ~em* *ob. expr.* прийти с просьбой *spis.*

prosmýč|it, zprav. ob. prosmejč|it, -ím *dok. (všechny kouty ap.) expr.* облазить, обшарить *hovor.*

prošac|ovat, -uji *dok. ob. (zloděje ap.)* обыскать *spis.*

prošustr|ovat, -uji *dok. ob. expr.* растрянжирить

prožvan|it, -ím, prožvást|at, -ám *dok. ob. expr.* протреться, проболтать

prskn|out, -u *dok.* 1. (*o člověku*) брызнуть слюной; (*o kočce*) фыркнуть. 2. (*o svíčce, o lampě ap.*) затрещать ♦ **rozpálený tuk prskl na plotnu** горячий жир брызнул на плиту. 3. (*věci do kouta ap.*) *ob. expr.* зашвырнуть

prt'avý *ob. expr.* малюсенький *spis.*

prtě, -te *s (malé dítě) ob. expr.* карапуз *m*

prub|ovat, -uji *nedok. ob.* пробовать; испытывать *spis.*

pruh II, pruch, -u *m zast., ob.* грыжа *ž běžné*

pryskýř, -e *m ob.* пузырь *m spis.*

přece I, kniž. přec, ob. přeci I *přisl. zprav. ve spoj. s a, ale, ale jen, však* всё же; **a ~ s vámi nesouhlasím** и всё же я с вами не согласен; **a ~ přišel** а всё-таки он пришёл

přece II, ob. přeci II *citosl.* всё же, же; **pověz mi to** ~ всё же скажи мне это!; **přestaň už ~ plakat** перестань же, наконец, плакать
přefik||nout, -nu *dok. koho ob.* совершить половой акт с кем *spis.*
přeraz||lit, -ím *dok. (hůl, kmen stromu ap.)* переломить, разломить; *ob. počkej, já tě ~ím!* ну ты у меня слопочешь!
přeraz||it se, -ím se *dok. zprav. ve spoj. utíká, div se nepřerazí* *expr.* бежит сломя голову; **jen se nepřeraz!** *ob. a) (při útěku)* смотри, не расшибись!, *b) (v úslužnosti)* не перестарайся!
přerízn||out, -u *dok. 1. (nožem ap.)* перерезать; *(pilkou)* перепилить. **2. ob. koho, co** совершить половой акт с кем *spis.*
přeshív||a, -y *ž (starých šatů ap.) ob.* перешивка *ž spis.*
přeshmkn||out, -u *dok. (provázek ap.) ob.* отхватить ножницами
přícháv||at, ob. přiřcháv||at, -ám *nedok. k čemu* нохать что
příchchn||out, ob. přiřchn||out, -u *dok. k čemu (ke květině ap.)* понюхать что; *přen. (ke studiu, k vojně ap.) expr.* попробовать чего *n. s inf. neutr.*
příhas||it si, -ím si *dok. ob. expr. ~it si to kam* примчаться куда *spis.*
příhn||out si, -u si *dok. ob. expr. (ze sklenice ap.)* подвыпить; **rád si ~e** он не дурак выпить
příhýb||at si, -ám si *nedok. (ze sklenice ap.) ob. expr.* выпивать *spis. neutr.*
přípitoměle *prísł. (se usmívat ap.) ob. expr.* придурковато
přípitomělost, -i *ž ob. expr.* придурковатость *ž*
přípitomělý *ob. expr.* придурковатый
přířáž||et, -ím *nedok. 1. (zásuvky ap.)* прихлопывать. **2. (ke břehu ap.)** причаливать, приставать. **3. na čem hovor.** надбавлять что. **4. ob.** энергично двигать тазом при совокуплении *spis.*
příštipk||ovat, -ují, ob. přiřtipkař||it, -ím *dok.* чинить обувь; *přen. hanl.* халтурить
přítelíč||ek, -ka *m zdrob. expr.* дружок *m, též iron.*
přítroublý *ob. expr.* придурковатый
přouk, -u *m ob. expr.* пук *m*
přouk||at, -ám *dok. ob. expr.* пукать
přoukn||out, -u *dok. ob. expr.* пукнуть
přták, -a *m 1.* птица *ž; dravý* ~ хищная птица; **stěhovavý n. tažný** ~ перелётная птица; **zpěvný** ~ певчая птица; **chov ~ů** птицеводство *s. 2. ob.* мужской половой орган *spis.* □ ~ **Ohnivák** *pohad.* жар-птица; **a je po ~ách** *expr.* ниши пропало
puberťák, -áka *m ob.* подросток *m* в переходном возрасте; **~áčka, -áčky** *ž jako m*
puč, -u *m ve spoj. dát se do ~u ob. expr.* расфуфыриться, вырядиться
puč||ek, -ka *m ob. expr. (dítě)* бутуз *m; (dospělý)* толстяк *m*

pučflek, -a *m hist. ob.* денщик *m spis.*
pučlík, -a *m řidč. ob. expr. (dítě)* бутуз *m*
puč||ovat, -uji *nedok. poněk. zast. ob.* чистить, начищать *spis.*
pugét, -u *m ob.* букет *m spis.*
pukr||e, -e, -ete *s zast. ob.* книксен *m spis.*
pulír||ovat, -uji *nedok. ob. (nábytek ap.)* полировать
půlkíl||o, -a *s ob.* полкило *neskl. s*
pup||ek, -ku *m 1.* пупок *m* □ **strhat si ~ek** *(námahou ap.)* надорваться, *(smíchy)* надорвать живот со смеху. **2. ob. expr., zhrub.** пузо *s; břicho s*
pupkáč, -e *m ob. expr. zhrub.* брюхан *m*
pupkatý *ob. expr. zhrub.* пузатый
putyk||a, -y *ž ob. hanl.* кабак *m*
pysk, -u *m 1. (u člověka)* *hovor.* губа *ž* □ **ohrnovat ~ n. ~y nad čím, kým** воротить нос от чего, кого; **mlátit n. mlít ~em** *ob. zhrub.* трепать языком. **2. (zaječí ap.) губа *ž* • **zaječí** ~ *med.* заячья губа. **3. stydké ~y anat. срамные губы
pytlík, -u *m 1. zdrob.* мешочек *m, кулёк m; ~ mouky, hrachu ap.* пакет муки, гороха *u m. n.; papírový* ~ бумажный пакетик; **igelitový** ~ полиэтиленовый мешочек; ~ **na tabák** *сисет m. 2. ob.* мошонка *ž spis.*
ráč||e, -e *ž ob.* порода *ž* животного *spis.*
rách||at se, -ám se *nedok. (ve vodě) ob. expr.* плескаться *spis. neutr.*
rachejt||e, -e *ž ob.* ракета *ž* для фейерверка *spis.; pouštět ~e* пускать ракеты
rachot||a, -y *ž ob. expr.* работа *ž spis. neutr.*
rachotín||a, -y *ž ob. expr.* развалина *ž*
raje, -u *m ob. expr.* притягательность *m spis.*
raje||ovat, -uji *nedok. ob. expr.* сексуально возбуждать *spis.*
rajcovní příd. *ob. expr.* классный
rajch, -u *m ob., zprav. hanl.* Третий рейх *m*
rajt||ky, -ek *ž pomn. ob.* галифе; бриджи; кавалерийские брюки *spis.*
rajt||ovat, -uji *nedok. ob. 1. na kom, čem (na koni)* ездить верхом на ком, чём *spis.* **2. (o dětech)** *expr.* резвиться *spis. neutr.* **3. na kom (na podřízeném ap.)** *expr.* придирайтесь *spis. k komu* • **na čem (na podrobnostech při zkoušce ap.)** *expr.* цепляться, придирайтесь к чему
ramenáč, -e *m ob. expr.* плечистый человек *spis. neutr.*
rantl, -u *ob.* бордюр *m spis.*
rapl, -a *m ob. expr. (člověk)* сумасброд *m* ♦ **chytíl ho** ~ он рехнулся
ras, -a *m ob. (pohodný)* живодёр *m, též expr.; pracuje jako ~, je ~ na práci n. do práce* он работает как каторжный; **být ~ na koho** драть три шкуры с кого
ras||ovat, -uji *nedok. ob. expr.* мучить *spis.*
rasovín||a, -y *ž ob. expr.* каторжный труд *spis.*
rasovn||a, -y *ž ob.* живодёрня *ž spis.*****

raubíř, -e *m ob.* разбойник *m spis.*; *přen. expr.* бездельник *spis.*
raubířský poněk. *zast. ob.* разбойничий, грабительский *spis. běžné*
raubířství||í, -í *s poněk. zast. ob.* разбой *m spis.*, грабёж *m spis.*
ráz||ovat, -uji *nedok. ob. expr.* энергично шагать *spis. neutr.*
realitk||a, -y *ž ob.* риэлтерская фирма *spis.*
regma neskl. *s ob. totéž co revma*
recht přísl. *zast. ob. zprav. ve spoj. je (není) mi to ~* это мне (не) по вкусу *běžné spis.*; **má ~** он прав *spis.*
rekvír||ovat, -uji *nedok. i dok. ob.* реквизиловать *spis.*
robert||ek, -ka *m ob.* вагинальный массажер *spis.*
rohák, -u *m ob.* угловой дом *spis.*
rotyk||a, -y *ž ob. expr.* тарарам *m*; **dělat ~u** поднимать тарарам
rozčepýřený, *ob. rozčepejřený (peří, kohout)* нахохленный; (*vlasy*) взъерошенный; *přen. (člověk) expr.* ошетинившийся
rozčepýř||it, *ob. rozčepejř||it*, 3. os. -í *dok.* нахохлить
rozčepýř||it se, *ob. rozčepejř||it se*, -ím *se dok.* (*o peří, o ptáku*) нахохлиться; *přen. (o lidech) expr.* ошетиниться
rozflák||at, -ám, **rozflákn||out**, -u *dok.* (*sklenici ap.*) *ob. expr.* расколоть
rozfofr||ovat, -uji *dok. (penize) ob. expr.* растрянжирить *spis.*
rozhoup||at, -u, -ám *dok.* 1. (*houpačku ap.*) раскачать. 2. *koho, co k čemu (k činu ap.) ob. expr.* расшевелить кого, что на что
rozhoup||at se, -u *se*, -ám *se dok.* 1. (*o zvonu ap.*) раскачаться. 2. *k čemu n. bez předm. ob. expr.* решиться на что *n. bez předm.*; **nakonec se ~al k odchodu** наконец он собрался уходить *neutr.*
rozhoupáv||at, -ám *nedok.* 1. (*houpačku ap.*) раскачивать. 2. *koho, co k čemu ob. expr.* расшевеливать кого, что на что
rozhoupáv||at se, -ám *se nedok.* 1. раскачиваться. 2. *k čemu n. bez předm. ob. expr.* решаться на что *n. bez předm.*
rozkec||at, -ám *dok. (tajemství) ob.* разболтать
rozkládačk||a, -y *ž (postel) ob.* раскладушка *ž spis.*
rozkohout||it se, -ím *se dok. ob. expr.* распетушиться
rozkríč||et, -ím *dok. ob. expr. (novinu ap.)* разнести; **~et koho po městě** ославить кого по городу
rozsortýr||ovat, -uji *dok. ob.* рассортировать *spis.*
rozšmajdaný, **rozšmat'chaný** (*boty ap.*) *ob.* стоптанный *spis.*
rozšmajd||at, **rozšmat'ch||at**, -ám *dok. (boty ap.) ob.* стоптать *spis.*
rozvrt||at, -ám *dok.* 1. (*dřevo ap.*) просверлить; (*přidu při dolování*) пробурить.

2. (*práci ap.*) *ob. expr.* начать и не доделывать *spis. neutr.*
rypal, *ob. rejpal*, -a *m expr.* насмешник *m*; задира *m i ž*
rypan||ec, *ob. rejpan||ec*, -ce *m (ao žeber) expr.* толчок *m (в бок) neutr.*
rypán||í, *ob. rejpán||í*, -í *s* копание *s*
ryp||at, *ob. rejpp||at, -ám, -u *nedok.* 1. *co (hlínu ap.)* рыть, копать *что*. 2. *koho, do koho, čeho čím* толкать кого во что *чем*. 3. *do koho (zlomyslně) expr.* подпускать шпильки кому
ryp||at se, *ob. rejpp||at se, -ám *se*, -u *se nedok.* *v čem (v zubech ap.)* ковыряться в чём;; **~at se v jídle** ковыряться в тарелке
rypavý, *ob. rejpvavý expr. (člověk ap.)* придирчивый; (*poznámka ap.*) колкий
rypn||out, *ob. rejpn||out, -u *dok.* 1. *čím do čeho (holí do země ap.)* ковырнуть чем *что*. 2. *koho, do koho, čeho čím* ткнуть кого во что *чем*. 3. *do koho (jedovatou poznámkou) expr.* подпустить шпильку кому
rypnut||í, *ob. rejpnut||í*, -í *s* колкость *ž*
ryžák, *ob. rejžák*, -u *m* щётка *ž* из рисовой соломы
ryž||e, *ob. rejž||e*, -e *ž* рис *m ♦ expr.* **být v rejži** находиться в неприятном положении
řezničín||a, -y *ž ob.* профессия *ž* мясника *spis.*; *přen. (vraždění) expr.* резня *ž*
řidičák, -u *m ob.* водительские права *spis.*
safra, **saframente**, **safraporté citosl.** *ob.* чёрт побери, чёрт возьми; **~, ten měl štěstí!** чёрт возьми, ему повезло!
sakraholtsk||ý, **sakramentsk||ý**, **safraportsk||ý** *ob. expr.* чертовский ☼~у *prísl.* чертовски; **celá ta věc vypadala ~y mizerně** всё это дело выглядело чертовски скверно
sah||at, *ob. šah||at, -ám *nedok.* 1. *na co, koho* трогать *что, кого*; **nesahej na obraz!** не трогай картину!; **ani na to nesahej!** не смей это трогать □ **nechci vám ~at do svědomí** это дело вашей совести. 2. *k čemu* прибегать к чему; **~at ke zbrani** братья за оружие; *trp. neos. musí se ~at i k mimořádným opatřením* надо принимать чрезвычайные меры. 3. *kam* доходить *do čeho*; **voda jim ~ala až po kolena** вода доходила им до самых колен; **pokud mi paměť ~á** насколько мне помнится
sáh||nout, *ob. šáh||nout*, -nu *dok.* 1. *na co, koho* тронуть *что, кого*. 2. *k čemu* прибегнуть к чему; **~nout k mimořádným opatřením** принять чрезвычайные меры; **~nout ke zbrani** взяться за оружие
sajrajt, -u *m ob. expr.* (*špína*) грязь *ž spis. neutr.*; (*špatná věc*) дрянь *ž spis.*
sakra, **sákra**, **sakryš**, **sákryš**, **sakramente**, **sakraholté citosl.** *ob. expr.* чёрт подери!
sakraholtsk||ý, **sakramentsk||ý**, **sakulentsk||ý** *ob. expr.* чертовский ☼~у *prísl.*****

чертовски; **celá ta věc vypadala** ~у мизернѣ всё это дело выглядело чертовски скверно
sakr|ovat, -uji nedok. ob. чертыхаться *spis.*
sakumpak, sakumprask, sakumprásk přísl. ob. expr. целиком, в целом *spis. neutr.*
sak|ly, -ů m pomn. ve spoj. ~у paky ob. expr. манатки *mn.*; **sbalit své ~у paky** собрать свой манатки
sanit|ák, -a m ob. санитар *m spis.*
scíp|at, chcíp|at, -ám nedok. (o zvířeti) ob. подыхать, околевать; *těž zhrub. (o lidech)*
scíplý, chciplý (zvíře) ob. сдохший
scípn|out, chcipn|out, -u dok. (o zvířeti) ob. сдохнуть; *těž zhrub. (o člověku)*
scvrkn|out se, -u se dok. 1. соохнуться; *přen. (o zásobách)* сократиться; **celá věc se scvrkla na jedinou otázku** всё дело свелось к одному вопросу. **2. ob. expr.** исчезнуть *spis.*
sčētlost, ob. sečētlost, -i ž начитанность *ž*
sčētly, ob. sečētlej начитанный
seb|rat se, -eru se dok. hovor. 1. poněk. zast. собраться *běžně. 2. ve spoj. ~ral se a šel domů* он возьми и пойд; **~ral se a utekl** он возьми да убеги; **hned se ~er a dojdi tam!** сейчас же собирайся и сходи туда!. **3. (po nemoci) ob.** поправиться. **4. (o ráně ap.)** загноиться.
secsakramentský ob. expr. totěž co sakramentský
sednic|e, -e ž ob. большая комната *spis.*
ségr|a, -y ž ob. сестра *ž spis.*
sekáč III, -e m ob. секунд-хенд *neskl.-m spis.*
sekn|out II, 3. j. -e nedok. komu ob. expr. (o šatech) быть к лицу кому *spis. neutr.*; **tobě to dneska ~e** сегодня ты отлично выглядишь *spis. neutr.*
sekn|out sebou, -u sebou dok. oč ob. expr. (o zem) грохнуться обо что
semetrik|a, -y ž ob. hanl. ведьма *ž, чертовка*
seřv|at, -u dok. koho ob. expr. наорать на кого
sešmajd|at, řidě. sešmař|h|at, sešmatl|at, -ám dok. ob. (boty ap.) изнашивать; ступать *spis.*
sešmodrch|at, -ám dok. co ob. запутать что *spis.*
seštel|ovat, -uji dok. (přístroj) ob. настроить, наладить *spis.*
setsakramentsk|ý, sakramentsk|ý ob. expr. чертовский *ž*; ~у *přísl.* чертовски; **celá ta věc vypadala ~у mizerně** всё это дело выглядело чертовски скверно
sflik|ovat, -uji dok. ob. сляпать, слепить
sfoukn|out, -u dok. 1. (prach s nábytkem ap.) сдуть. **2. (svíčku ap.)** задуть. **3. ob. expr. co (práci, úkol ap.)** повернуть что; **ten úkol ~u za večer** это задание я сделаю за вечер *spis. neutr.*; **co s kým já už to s ním nějak**

~у я уж это как-нибудь с ним улажу *neutr.*
schrast|it, -ím ob. něco раздобыть что *spis.*
sicflajš, zicflajš, -e m ob. expr. усидчивость *ž spis.*; **nemá ~** нет в нём усидчивости
sigr, -a m ob. expr. прохвост *m*
sichr ob. ve spoj. pro ~ на всякий случай; для гарантии *spis.*
sichrhajck|a, -y ž ob. английская булавка *spis.*
sichr|ovat, -uji nedok. ob. подстраховывать *spis.*
sichrovk|a, -y ž ob. надёжная вещь *spis.*
sichrový ob. надёжный *spis.*
síl|a, -y ž 1. сила *ž*; **přírodní ~у** силы природы; **hybná ~a** движущая сила. **2. работник m; pomocná n. výpomocná ~a** подсобный рабочий. **3.** толщина *ž. 5. ob.* множество *s spis.*
sjezd|it, -ím dok. 1. (Evropu, celý kraj ap.) изъездить, объездить. **2. koho (provinilce) ob. expr.** отругать кого *spis.*
skandál, ob. škandál, -u m скандал *m*; **veřejný ~** публичный скандал; **udělat n. ztropit ~** устроить скандал; **dělat ~** скандалить; **to je (prostě) ~** это просто скандал
sklepn|out, -u dok. 1. (snít s kabátů ap.) стряхнуть; **~out popel z cigarety** стряхнуть пепел с сигареты. **2. (drát ap.)** расплющить. **3. (bednu, lavici ap.) ob.** сколотить *spis.*
skrz, kníž. a zast. skrze I předl. se 4. p. 1. через, сквозь *se 4. p.*; **hřebík prolezl ~ prkno** гвоздь прошёл сквозь доску. **2. ob.** из-за *s 2. p. spis.*; **to je všechno ~ tebe** это всё из-за тебя *spis.*; **ták já jsem přišel ~ to malování** так я пришёл насчёт побелки
slejvák, -u m ob. expr. ливень *m neutr. spis.*
slepíčárn|a, -y ž ob. курятник *m spis.*
slév|at, ob. slejv|at, -ám nedok. 1. (vodu z brambor) сливать • **~at brambory** сливать воду, в которой варились картошка • **(kávu do hrnku ap.)** наливать. **2. (mince z mědi ap.)** лить, отливать; **~at se trp.**
slév|at se, ob. slejv|at se, -ám se nedok. 1. (o dvou bystrínách) сливаться, *těž přen. (o zvucích); neos. bylo vedro, až se z něho ~alo* было так жарко, что он обливался потом. **2. jen slejvat se (ze školy, z práce ap.) slang.** смываться
slzičk|a, -y ž zdrob. 1. слезинка *ž. 2. (vína ap.) expr.* капелька *ž. 3. ve spoj. ~y Panny Marie ob.* полевая гвоздика *spis.*
smrad II, -a m ob. expr. (žertovně označení dítěte) паршивец *m*
smrkáč, -e m ob. m сопляк *m; přen.* новичок *m*
smrťák I, -a m ob. expr. смерть *ž spis. neutr.*
smrťák II, -a, -u ob. expr. очень крепкий кофе *spis.*
smuchl|at, zmuchl|at, -ám dok. ob. (papír ap.) измять, смять, скомкать *spis.*
socan, -a m ob. hanl. социалист *spis. neutr.*

somrák, -a m ob. бродяга spis.
soušák, -a, -y ž ob. засохшее дерево spis.
spack||at, -ám dok. ob. expr. *totéž co zpackat*
spád, -u m 1. откос m, склон m. 2. (řeči ap.) ритм m. 3. (hry ap.) ход m; ~ **událostí** ход событий; **rychlý** ~ быстрый ход. 4. zprav. v mn. ~y ob. expr. интриги ž mn. spis. neutr.
spak||ovat, -uji dok. ob. (věci) уложить, упаковать spis.; zvr. ~ovat si **kufr** уложить чемодан spis.
spak||ovat se, -uji se dok. ob. expr. смотаться
spánembohem ob. 1. citosl. zast. с Богом, прошайте **běžné**; **dát** ~ komu попроситься с кем **běžné**. 2. přísl. expr. (at jde, vem si ap.) на здоровье!; **tak si ~ jdi** ступай себе с Богом
spísk||at, -ám dok. ob. expr. натворить
splávn||out, -u dok. ob. expr. провалить (дело) spis.
splyv||out, -u dok. (kuře na posezení ap.) ob. expr. слопать
spolehnut||í, -í s, ob. **spoleh**, -u m zprav. ve spoj. **je na něho ~í** на него можно положиться; **na to není ~í** на это нельзя полагаться
sprdn||out, -u dok. ob. expr. наказать spis.
sprduňk, -u m ob. expr. наказание s spis.
srand||a, -y ž ob. expr., vulg. хохма ž
srandist||a, -y m ob. шутник m spis.
srandovně přísl. ob. expr. уморительно spis.
srandovní ob. expr., vulg. потешный neutr.
stlouci, **stlouct**, **stluču** dok. 1. (bednu z prken ap.) сколотить, сбить. 2. (omítku se stěn) отбить. 3. (máslo) сбить. 4. (větší obnos peněz ap.) ob. expr. скопить spis. neutr.
stlouk||at, -ám nedok. 1. (bedny ap.) сколачивать, сбивать. 2. (omítku se stěn) отбивать. 3. (máslo) сбивать. 4. (stěži korunu ke koruně ap.) ob. expr. скопить spis. neutr.
stop||ít, -ím dok. ob. expr. украсть spis., neutr.
stoupačk||a, -y ž ob. стояк m
strýc, ob. expr. **strejc**, -e m дядя m
strýcovský, ob. expr. **strejcovský** (povinnosti ap.) дядюшкин
střelený ob. expr. чокнутый
střel||ít, -ím dok. 1. po kom, na koho n. bez předm., выстрелить в кого n. bez předm.; **stůj, nebo ~ím!** стой, стрелять буду!; ~it do **vzduchu** выстрелить в воздух. 2. koho попасть в кого; ~it koho do **hlavy** попасть кому в голову; ~it vedle n. mimo не попасть, промахнуться; zvr. ~it se do **nohy** прострелить себе ногу □ **rozprchli se, jako když do vrabců** ~ í разлетелись во все стороны. 3. zastrelit; zvr. ~il se z **pistole** он застрелился из пистолета. 4. zprav. ve spoj. sport. ~it na **branku** ударить по воротам; ~it na **koš** бросить в корзину; ~it **branku** n. **gól** забить гол; ~it **koš** забросить мяч. 5. komu co ob. expr.

(pohlavek ap.) врезать кому что; **já ti jednu ~ím** ты у меня получишь. 6. komu co expr. slang. (hodinky, motorku ap.) продать кому что; **za kolik jsi to ~il?** за сколько ты это задал?
střev||o, -a s 1. кишка ž, v mn. ~a кишечник m, anat. **tenké, tlusté ~o** тонкая, толстая кишка; **slepé ~o** слепая кишка □ **má básnické ~o** ob. expr. у него есть поэтическая жилка. 2. zhrub. балбес m
stříbrník, -u m zast. ob. серебряная монета spis.
stříl||et, -ím nedok. 1. na koho, po kom n. bez předm. стрелять в кого, по кому n. bez předm.; **umí dobře ~et** он хорошо стреляет; ~et do **cíle** стрелять в цель; ~et do **terče** стрелять по мишени; ~et do **vzduchu** стрелять в воздух; ~et **prakem na ptáky** стрелять из рогатки по птицам. 2. sport. zprav. ve spoj. ~et na **branku** бить по воротам; ~et na **koš** забрасывать в корзину. 3. (skálu ap.) tech. взрывать ♦ **z toho se nestřílí** ob. это не так важно spis.
stříl||et si, -ím si nedok. z koho ob. expr. прохаживаться на чей счѐт
stůč||ek, -ku m, ob. **štůč**||ek, -ku m, **stůčk**||a, -y ž, ob. **štůčk**||a, -y poněk. zast. (plána ap.) штука ž, рулон m
suš||ít, -ím nedok. сушить; zvr. ~it si **vlasý** сушить волосы ♦ ~it **hubu** ob. expr. класть зубы на полку; ~it **peníze** expr. припрятывать денежки
svět||ít, -ím nedok. 1. (kostel ap.) církv. освящать □ **účel ~í prostředky** цель оправдывает средства. 2. koho nač (na kněze) církv. посвящать кого в кого. 3. (neděle, posty) poněk. zast. соблюдать **běžné**. 4. ob. expr. беречь, сохранять spis. neutr.
svíček||ý II свечной; ~ý **lustr** люстра со свечами; ~á **žárovka** имитирующая свечку лампа накаливания □ ~á **bába** ob. 1. ханжа spis. 2. zast. продавщица свечей spis. běžné
sviňácký ob. expr. похабный
sviňáctví||í, -í s ob. expr. похабщина ž
sviňák, -a m ob. expr., похабник m
sviňárn||a, -y ž ob. expr. свинство s
svin||ít, -ím nedok. co n. bez předm. (na podlahu ap.) ob. expr. свинячить где
svinský||ý, řidč. **sviňský** ob. expr. zhrub. (chování, vtip ap.) сви́нский; ~á **práce** чёртова работа; ~é **počasí** собачья погода
svinstv||o, -a s ob. expr. zhrub. 1. (v chování ap.) свинство s; **to je ale od tebe ~o!** это свинство с твоей стороны! 2. (na podlaze ap.) грязь ž spis. neutr. 3. (věc špatné jakosti) дрянь ž
syčáck||ý ob. expr. хулиганский spis. ☼~y přísl. (se chovat ap.) по-хулигански
syčáctv||í, -í s ob. expr. хулиганство s spis. neutr.
syčák I, -a m ob. expr. хулиган m spis. neutr.; **ty ~u jeden!** ах ты, негодяй!

syčárn|a, -y ž ob. expr. безобразие *s spis. neutr.*
syčk|ovat, ob. **sejčk|ovat**, -uji *nedok. expr.* каркать *nepis.*
šac|ovat, -uji *nedok. ob.* (kapsy) шарить в карманах *spis.*; *zvr. začal se ~ovat po kapsách n. v kapsách* он зашарил у себя в карманах
šajn, -u *m ob. expr. ve spoj. nemá o tom ~ on* об этом представления не имеет *spis.*
šalt|ovat, -uji *nedok. ob.* переключать передачи *spis.*
šaltprák|a, -y ž. ob. рычаг *m* переключения передач *spis.*
šan|ovat, -uji *nedok. ob. zast.* беречь *spis. běžné*
šarž|e, -e ž 1. военный чин *m*. 2. *poněk. zast. ob.* военнотружашый *m* старше рядового
šejdrem přísl. ob. expr. вкривь, вкось *spis. neutr.*
šenk, -u *m zast. ob.* 1. кабаk *m spis.* 2. стойка ž бара *spis.*
šenk|ovat, -uji *nedok. zast. ob.* шинкарить
šenkovn|a, -y ž *zast. ob.* шинок *m*
šenkýř, -e *m zast. ob.* шинкарь *m* ☼~ka, -ky ž шинкарка ž
šesták, šesták, -u *m ob.* (rakouská mince) десять крешеров *spis.*; *zast. (dvacetihalěr)* двадцать геллеров *spis.*; *běžné ve spoj. koupil to za pár ~ů* он купил это за гроши
šib|ovat, řidč. šib|ovat, -uji *nedok. (vagonu ap.) ob.* передвигать, перемещать *spis.*
šif, -u *m ob. zast.* корабль *m spis. neutr.*
šicht|a, -y ž *ob.* смена ž *spis.*; *má noční ~u* он работает в ночную смену *spis.*
šik|nout se, 3. j. -ne se *dok., řidč. nedok. ob.* годиться; подходить *spis.*; *~nou se k sobě* они подходят друг другу; *ten klobouk by se mi ~l* эта шляпа мне подходит
šik|ovat se II, 3. j. -uje se *nedok. ob. (dva lidé k sobě)* подходить *spis.*; *(barvy k sobě)* гармонировать *spis.*; *žádný klobouk se mi nešikuje* ни одна шляпа мне не идёт *spis.*
šizůnk, -a *m ob. hanl.* мошенник *m spis.*
škandál ob. v. skandál
škodovák, -a *m ob.* сотрудник «Шкоды» *spis.*
škod|ovat, -uji *dok. ob. zast.* понести убыток *spis. běžné*
škrund|at, 3. os. -á *nedok. ob. expr. neos. ~í mi v žaludku* у меня урчит в желудке *spis.*
šlajf|ovat, -uji *nedok. ob. zast.* тормозить *spis.*
šlak, -u *m poněk. zast. ob.* кондрашка *m*; *trefil ho ~* егохватила кондрашка; *přen. myslel jsem, že mé trefí ~* я думал, что меня кондрашка хватит; *div mě ~ netrefil* меня чуть было удар не хватил
šlauch, -u *m ob.* шланг *m spis.*
šlofik, -a *m ve spoj. hodit si n. dát si ~a ob. expr.* всхрапнуть
šlupk|a, -y ž *ob. totěž co slupka*

šlus, -u *m, šlusovk|a, -y ž *ob. expr.* конец *spis. neutr.*
šmajd|at, šmatl|at, -ám *nedok. ob.* ходить косолапо *spis.*
šmajdavý (člověk, nohy ap.) ob.* косолапый *spis.*
šmajchl|ovat se, -uji se *nedok. ke komu ob.* подлизываться к кому
šmak, -u *m ob.* вкус *m spis.*
šmak|ovat, 3. j. -uje *nedok. ob.* быть вкусным *spis.*
šmat|at, -ám *nedok. ob.* ошупывать *spis.*
šmejd, -u *m ob. hanl.* дрянь ž
šmelinařen|í, -í *s ob. hanl. totěž co šmelina*
šmír, -u *m (na stroje, na kola vozů) ob.* дёготь *m spis.*
šmirgl, šmirglpapír, -u *m ob.* наждачная бумага *spis.*
šmirgl|ovat, -uji *nedok. ob.* обрабатывать наждачной бумагой *spis.*
šmirák, -a *m ob. hanl.* тайный наблюдатель *spis.*
šmír|ovat, -uji *nedok. ob. hanl.* подглядывать *spis.*
šmrnc, -u *m ob.* элешантность ž *spis.*
šnaps, šnaps, -u *m ob. expr.* шнапс *m spis.*
šnytlík, -u *m ob.* шнитт-лук *neskl.-m spis.*
šoufk|y, -ů *m mn. ob. expr. ve spoj. dělat si ~y z koho* разыгрывать кого *spis.*; *подшучивать na ob. кем spis.*
šoufl přisl jako přísud. ob. expr. *zprav. ve spoj. je mi ~* мне не по себе *spis.*; *udělalo se mu ~* ему стало дурно *spis.*
šoustačk|a, -y ž *ob. co* половой акт *spis.*
šoustál|ek, -ka *m ob.* половой партнёр *spis.*
šoust|at, -ám *nedok. ob. koho, co n. s kým* совершать половой акт с кем *spis.*
špacír, -u *m poněk. zast. ob.* прогулка ž *běžné spis.*; *jít na ~* идти на прогулку *n. гулять* □ *pouštět si pusu na ~* expr. распускать язык
špačk|ovat, -uji *nedok. bez předm., na koho, co ob. expr.* поносить кого, что *spis.*
špagát, -u *m ob.* шпагат *m spis.* □ *má nervy jako ~* у него железные нервы
špajz, -u *m, špajzka, -y ž *ob.* кладовая ž *spis.*
špargl, -u *m (chřest) ob.* спаржа *spis.*
šparglový ob. спаржевый *spis.*
špec|a, -y ž *ob.* презерватив *m spis.*
špeditér, -a *m ob.* экспедитор *spis.*
špeh hanl., špehoun, -a *m ob. hanl.* шпион *m spis.*
špehounk|a, -y ž *ob. hanl.* шпионка ž *spis.*
špehounstv|í, -í *s ob. hanl.* шпионство *s spis.*
špeh|ovat, -uji *nedok. koho ob. hanl.* шпионить за кем *spis.*
špekbuřt, -u *m ob. zast.* зельц *m spis.*
špekoun, -a *m ob. hanl.* толстяк *m spis.*
špeluňk|a, -y ž *ob.* комнатушка *spis.*
šperhák, -u *m ob.* отмычка ž *spis.*
špic|e, -e ž 1. (hole ap.) кончик *m*; (železná ap.) наконечник *m*; (věže) шпиль *m*; (lodě)*

нос *m*; (*boty*) носок *m* □ **být, běžet na ~i** (*o závodníku*) *hovor.*, *a slang.* быть, бежать первым *spis.* 2. (*kola*) *ob.* спица *ž spis.*
špindír|a, -*y m i* *ž ob. expr.* грязнуля *m i* *ž*
špiritus, -*u m ob.* спирт *m spis.*
šplecht, -*u m ob. expr.* пересуды *jen mn.*
špon|ovat, -uji nedok. ob. 1. (*šňůru ap.*) натягивать *spis.* 2. (*o rukávu ap.*) тянуть *spis.*
šprč|ek, -ka m ob. expr. 1. карапуз *m. 2.* невысокий человек *spis. neutr.*
špruší|e, -e *ž ob. 1.* спица *ž spis.* 2. переключатель *spis.*; планка *ž spis.*
špunt I, -*u m (do láhve) ob.* затычка *ž, пробка* *ž spis.*
špunt II, -*a m ob. expr. 1.* карапуз *m. 2.* невысокий человек *spis. neutr.*
špuntovk|a, -*y* *ž ob.* детское ружьё, стреляющее пробками *spis.*
šrajtofl|e, -e *ž ob. zast.* бумажник *spis.*
šraňk, -*u m, zprav. v mn. ~y (železniční) ob.* шлагбаум *m spis.*
šřabajzn|a, -*y* *ž ob.* красotka *spis.*
štac|e, -e *ž 1. (kočovníkū ap.) zast. ob.* стоянка *ž spis.* 2. *slang.* государственный экзамен *spis.*
štajf neskl. příd. ob. застывший *spis.*
štajf|ovat se, -uji se nedok. ob. hanl. хвататься *spis.*
štangast, -*a m ob.* завсегдатай *m spis.*
štamprl|e, -e *ž, -ete s, štamprlák|o, -a ob.* рюмка *ž spis.*; *dát si ~e* выпить рюмочку
štangl|e, -e *ž (železná ap.) poněk. zast. ob.* стержень *m*, штанга *ž, брус m běžné spis.*
šteláž, -*e* *ž (na knihy, na zboží ap.) poněk. zast., ob.* стеллаж *m běžné spis.*
štempl, -*u m poněk. zast. ob.* штемпель *m* *ž běžné spis.*
štempl|ovat, -uji nedok. poněk. zast. ob. co штемпелевать *čto spis.*
štěnic|e, -e *ž 1.* клоп *m*; **být (neodbytný) jako ~e** приставать как банный лист. 2. *hanl.* паразит *m. 3. ob.* подслушивающее устройство *spis.*
štět|it se, -im se nedok. 1. (o srsti) щетиниться, ощетиниваться. 2. *ob. expr.* злиться
štětk|a, -y *ž 1.* кисть *ž*; **~a na holení, holicí** *~a* помазок *m. 2. expr. (vlasů ap.)* щётка *ž 3. ob.* девка *ž*
štipn|out, -u dok. 1. koho, do čeho ущипнуть *кого, что*; *zvr. ~out se* ущипнуть себя • **~out jízdenku** прокомпостировать проездной билет. 2. (*o kotáru ap.*) уку- сить; (*o včele*) ужалить. 3. *co komu ob. expr.* украсть *что у кого spis.*
štístk|o, štísk|o, -a s zdrob. ob. expr. zprav. ve spoj. to je n. bylo (ale) ~o! ну и повезло! вот это удача!; **ty máš ale ~o!** ну и везёт же тебе!
štokrle, řídč. štokrdle, -te s ob. табуретка *ž spis.*

štos, -u m (knih) poněk. zast. ob. стопка *ž, гряда* *ž běžné spis.*
štos|ovat, -uji nedok. ob. складывать стопками *spis.*
štráf, -u m poněk. zast. ob. (na látce) полоска *ž běžné spis.*; (*látky, země ap.*) полоса *ž běžné spis.*
štráfkováný, štráfovaný ob. в полоску, полосатый *spis.*
štram|ák, -áka m poněk. zast. ob. expr. красавец *m spis.* ☼ **~anda, -andy** *ž* красотка *ž spis.*
štrapac|e, štrapác|e, -e *ž poněk. zast. ob. 1. (při cestování, při shánění něčeho ap.)* возня *ž, spis.* хлопоты *jen mn., spis.* трудности *ž mn.*; **to dalo ~e!** (*sehnat zboží*) сколько с этим было возни! 2. *ve spoj. (šaty, boty) do ~e* расхожий
štras, -u m skláf. страз *m*
štrek|a, -y *ž ob.* дорога *ž spis.*
štrikovaný poněk. zast. ob. вязаный на спицах *běžné spis.*
štrík|ovat, -uji nedok. poněk. zast. ob. вязать спицами *běžné spis.*
štrozok, štrúzok, -u m ob. zast. соломенный матрас *spis.*
štuc, -u, štuc|el, štuc|l, -lu m zast. ob. муфта *ž běžné spis.*
štůček|ek, -ku m ob., spis. štůček|ek, -ku m, štůček|a, -y *ž ob., spis. štůček|a, -y poněk. zast. (plátina ap.)* штука *ž, рудон m*
študácký ob. студенческий *neutr.*
štud|ák, -áka m ob. студент *m spis.* ☼ **~ačka, -ačky** *ž* студентка *ž spis.*
štud|ovat, -uju ob. 1. учиться; **~ovat na filozofické fakultě** учиться на философском факультете; **~ovat na technice n. techniku** учиться в техническом вузе; **~ovat při zaměstnání** учиться без отрыва от производства; **~uje na doktora** *hovor.* он учится на врача. • **~ovat doma, v knihovně** заниматься дома, в библиотеке. 2. (*matematiku ap.*) изучать; **~ovat lékařství** изучать медицину; **~ovat řeči** изучать иностранные языки; **~ovat úlohu n. roli** разучивать роль; **~ovat mapu** изучать карту
študýr|ovat, -uji nedok. zast. a ob. totěž co študovat
štůs|ek, -ku m zdrob. poněk. zast. ob. стопка *ž, кучка* *ž běžné spis.*
štv|át se, -u se nedok. 1. (mezi sebou) грызться. 2. *ob. expr. kam (při chůzi, do kopce ap.)* спешить куда *spis.*; *v čem, s čím (v práci)* выбиваться из сил с чем • *za čím, po čem (za penězi, postavě ap.)* гнаться за чем
štych, -u m 1. (při šití) ob. стежок *m spis.* 2. (*v kartách*) взятка *ž* ♦ **nechat koho ve ~u** *expr.* бросить в беде; подвести *кого*
štym|ovat, -uji nedok. bez předm. n. s čím ob. согласовываться *spis. с чем*
šukačk|a, -y *ž ob.* половой акт *spis.*

šukán||í, -í s 1. ob. expr. суета *ž*, возня *ž spis.*
2. ob. половой акт *spis.*
šuk||at, -ám nedok. ob. 1. expr. сновать, суеиться *spis.*; **-at po domě** хлопотать по дому. **2. koho, co n. s někým** совершать половой акт с кем *spis.*
šul||it, -ím nedok. ob. жульничать
šumařin||a, -y ž ob. 1. занятие *s* странствующего музыканта *spis.* **2. hanl.** плохая музыка *spis.*
šumař||it, -ím nedok. ob. 1. быть странствующим музыкантом *spis.* **2. hanl.** халтурно играть *spis. neutr.*
šumařstv||í, -í ob. s занятие *s* странствующего музыканта *spis.*
šunk||a, -y ž ветчина *ž* □ **válet si ~y ob. expr.** бездельничать *spis. neutr.*
šunkonflek||y, řidč. šunkflek||y, -ů m mn. ob. запеканка *ž* из вермишели с копчёной свиной *spis.*
šunt, -u m ob. hanl. некачественная вещь *spis.*
šup I, -u m zprav. ve spoj. (koupit co) za pár ~ů ob. expr. по дешёвке
šup||a, -y ž ob. expr. (do zad; při výbuchu) удар *m spis. neutr.*
šupajd||it si, -ím si nedok. ve spoj. ~it si to kam (přes most, do lesa ap.) ob. expr. улепётывать куда
šupák, -a m ob. hanl. оборванец *m*
šup||at, -ám nedok. expr. 1. (metlou ap.) хлестать, стегать. **2. (s velkou chutí knedlíky ap.) ob.** уплетать
šupem přísl. ve spoj. poslat koho (kam) ~ ob. незамедлительно отправить кого (куда); **vás pošlou šupem domů** вас тут же отправят обратно
šuple, -te s, šuplík, -u m ob. выдвижной ящик *spis.* □ **psát do ~te** писать в стол
šupn||out, -u dok. kam (myš do díry ap.) ob. expr. юркнуть куда *spis.*
šušand||a, -y ž ob. expr. слухи *m mn.*; шушуканье *s spis.*
šutr, -u m ob. (štěrka) щёбёнка *ž*; гравий *m spis.*
švagr, -a m, ob. švár||a, -y, брат m жены, шурин *m*; брат *m* мужа, деверь *m*; муж *m* сестры, зять *m*; муж *m* свояченицы, свояк *m* ☼ **~ová, -ové ž** сестра *ž* мужа, золовка *ž*; жена *ž* брата, невестка *ž*; сестра *ž* жены, свояченица *ž*
švindl, -u m ob. мошенничество *s spis.*
švindlěř, řidč. švindlíř, -e m ob. мошенник *m spis.*
švindl||ovat, -uji nedok. ob. мошенничать *spis.*
švorc příd. neskl. ob. expr. ve spoj. být ~ не иметь ни гроша; **je ~** у него ветер свистит в карманах
švunk, -u m ob. zast. быстрота *spis.*
táč||ky, -ek ž pomn. ob. беседа *ž běžné spis.*; **večerní zimní ~ky** зимние посиделки; **přijít na ~ky** зайти поговорить *běžné spis.*

táflíč||ka, -y ž (čokolády) ob. плитка *ž spis.*
tah, -u m 1. (ptactva) перелёт *m*; (ryb) ход *m*. **2. (perem)** штрих *m*; **pevně ~y písma** твёрдый почерк; **v jednom ~u** без перерыва **3. šachy** ход *m*; **kdo je na ~u?** чей ход?; **je na ~u** ход за ним. **4. zprav. v mn. ~y** черты *ž mn.* лица. **5. тяга ž; dobytek k ~u n. do ~u** тягловый скот; **kůň k ~u n. do ~u** ломовая лошадь; **~ vrtule let.** тяга винта; **tech. pevnost v ~u** прочность на растяжение; **zkouška ~ em n. na ~** испытание на растяжение; **sport. ~, vzpírání ~em** жим *m*; **~ soupeřný** жим двумя руками. **6. розыгрыш m** лотереи. **7. (politický ap.)** ход *m*. **8. (při kouření)** затяжка *ž*; (při pití) поток *m*; **vypít jedním ~em** выпить одним духом ♦ **ob. (auto) je v ~u** украл; **a (už) byl v ~u** и был так
tajl||e, taill||e, -e ž **poněk. zast. ob.** талия *ž běžné spis.*; **štíhlá ~e** тонкая талия
tajtrlík, řidč. tajtrdlík, -a m ob. expr. шут *m spis.* □ **dělat ze sebe ~a** паясничать; **dělat n. tropit si ~y z koho** издеваться над кем
tajtrlík||ovat, řidč. tajtrdlík||ovat, -uji nedok. ob. expr. паясничать *spis.*
takov||ý zájm. такой; ~ý je můj názor таково моё мнение; **~í jsou všichni** все таковы; **ty jsi ~ý jak on** ты такой же, как и он; **to je ~á dálka** это такая даль ♦ **(není) takový ani ~ ob.** ни то ни сё
tál, -u m (na plotně) poněk. zast. ob. плитка *ž spis.*
Talián, -a m zast. a ob. expr. итальянец *m běžné spis.* ☼ **-ka, -ky ž** итальянка *ž běžné spis.*
taliánský zast. a ob. expr. итальянский *běžné spis.*
tancovačk||a, -y ž ob. танцы *m mn. spis.*
tan||ec, -ce m 1. танец *m*; **společenský ~ec** бальный танец; **klasický ~ec** классический танец; **moderní ~ec** современный танец; **lidový ~ec** народный танец; **kolový ~ec** хоровод *m*; **požádat o ~ec** пригласить на танец; **vyzvat k ~ci koho** пригласить на танец кого; **dát se n. pustit se do ~ce** начать танцевать; **hrát k ~ci** играть для танцующих • **~ce na ledě sport.** танцы на льду • **Dvořákovy Slovanské ~ce** «Славянские танцы» Дворжака □ **~ec svatého Víta** пляска святого Вита. **2. ob. тарарам m**; **to bude ~ec!** ну и суматоха будет!; **ten zas dělal ~ec** он опять буйнил
tatik, -a m poněk. zast. ob. 1. папа *m běžné spis.* **2. (starší bodrý muž) expr.** немолодой бодрый мужчина *spis.*
techtl||e, -ů m n. -í ž pomn. zprav. ve spoj. ~e mechtle ob. expr. интриги *ž mn. spis. neutr.*; (milostné pletky) шуры-муры; **mají spolu pořád nějaké ~e mechtle** у них вечно какие-то дела; **má s ním ~e mechtle** у неё с ним шуры-муры
teplouš, -e, teplouš||ek, -ka m ob. педераст *m spis.*

tepl|ý 1. тёплый; **vaří denně** ~é **večeře** она каждый день готовит горячий ужин □ ~é **místečko** тёплое местечко; **povědět** *co komu za ~a n. zatepla* *hovor.* сообщить свежую новость кому. 2. *ob. teplej, -ýho m* гомосексуалист *m spis.*

tér, -u *m ob.* дёготь *m*; битум *m spis.*

terénák, -u *m ob. expr.* внедорожник *m spis.*

térový *ve spoj. ~ papír* *ob.* толь *m spis.*

tesařin|a, -y *ž ob.* плотничье ремесло, плотничество *s spis.*

tlučhub|a, -y *m ob. expr.* болтун *m*

tovar, -u *m kníž. a zast. ob.* изделие *s*, товар *m běžné spis.*

trajd|at, -ám *nedok. (po ulicích) ob. expr.* шататься, шляться

tramtáři|e, -e *ž ob. expr. zprav. ve spoj. jít do ~e* идти, куда Макар телят не гонял; **bydlí někde v ~i** живёт у чёрта на куличках

trhan, -a *m ob. expr.* оборванец *m* • **ten kluk je ~** *expr.* на мальчике всё горит

trhán|í, -í *s ve spoj. má~í s inf. (tam jít ap.) ob. expr.* его так и подмывает *s inf.*

trhlý *ob. expr.* взбалмошный

tringelt, -u *m ob. zast.* чаевые *jen mn. spis.*

tripl, -a *m ob. zast.* гоноррея *ž spis.*

trk|nout, -nu *dok. 1. koho čím (rohly)* боднуть кого чем. 2. *neos. ~lo mé, že... ob. expr.* мне бросилось в глаза, что... *spis.*

trojč|ít, -ím *nedok. ob. expr.* сумасбродничать

trojtríd|ka, -y *ž ob.* трёхклассная школа *spis.*

trop *ob. expr. zprav. ve spoj. je ~ na srdce* у него сердце никуда не годное; **je z toho celý** ~ он вне себя от этого ♦ **hop nebo** ~ пан или пропал

troub|a II, -y *m i ž ob. expr.* олух *m*

troub|ít, -ím *nedok. 1. трубить; ~ itna trubku* трубить в трубу; • **~it na poplach** трубить тревогу; **~it k ústupu** бить отбой. 2. *(o jelenu)* реветь. 3. *ob. expr. na koho, co glázat na koho, čto; bez předm.* ротозейничать

trs|at, -ám *nedok. ob. zast.* танцевать *spis.*

trulant, -a *m ob. expr.* балбес *m*

trulantský *ob. expr.* дурацкий

trumber|a, -y *m i ž ob. expr. totěž co trulant*

tryskáč, -e *m ob.* реактивный самолёт *spis.*

tuber|a, -y *ž ob.* туберкулёз *ž spis.*

tuberák, -a *m ob.* туберкулёзный больной

ťuknutý *ob. expr.* чокнутый, придурковатый

ťulpas, -a, řídč. -e *m ob. hanl.* болван *m*

ťululum *neskl. s ob. hanl.* недотёпа *m i ž*

tuml|ovat se, -uji se *nedok. ob. zast.* торопиться *spis.*

tumpachový *ob. expr.* сбитый с толку *spis.*

tuplák, -u *m ob. 1. двухлитровая посуда. 2. большая пивная кружка spis.; lítrový ~ литровая пивная кружка*

tuplem *přísl. ob. zast.* вдвое; **už ~ ne** тем более нет

tuplovaný (*porce*) *zast. ob.* двойной *spis.*

túr|a, -y *ž 1. поход m; pěší ~a* туристский поход; **lyžařská ~a** лыжная вылазка; **hor-ská ~a** экскурсия в горы; **vydat se na ~u** отправиться в поход. 2. *ob. expr.* тяжёлая работа *spis. neutr.;* **to byla ~a!** ну и работёнка была!

tutově *přísl. ob.* точно, определённо *spis.*

tutovk|a, -y *ž ob.* верная вещь

tutový *ob.* надёжный *spis.*

tvrdák, -u *m ob.* котелок *m (z hlavouj ubor)*

tvrdn|out, -u *nedok. 1. (o cementu ap.)* затвердевать; *(o chlebu)* черстветь; *přen. výraz tváře ~e* выражение лица становится жёстким. 2. *kde ob. expr.* торчать, ждать где

Tyrolan, -a, *ob. Tyrollák, -áka m* тиролец *m* • **~ka, -ky, ob. ~ačka, -ačky** *ž* тиролка *ž*

ubal|ít, -ím *dok. 1. zprav. ve spoj. ~it (si) cigarety* свернуть сигарету; **~ilo se pár jointů** выкурили пару сигарет с травкой. 2. *ob. zprav. ve spoj. ~it facku komu* дать в морду кому; **mám mu jednou ubalit?** врезать ему, что ли?

ucul|ovat se, -uji se *nedok. ob. expr.* ухмыляться

ufoukn|out, -u *dok. komu ob. expr.* удрать от кого

uherák, -u *m ob.* салями *neskl. ž spis.*

uhozený *ob. expr.* дурацкий

ukecaný *ob.* болтливый

ukec|at, -ám *dok. ob.* уговорить *spis.*

ukecáv|at, -ám *nedok. ob.* уговаривать *spis.*

ukecn|out se, -u se *dok. ob.* проговориться *spis.*

uklöhn|ít, -ím *dok. (oběd, polévku ap.) ob.* кое-как состряпать

ulebed|ít se, -ím se *dok. ob. expr. (v křesle)* удобно устроиться *spis.*

ulejváctv|í, -í *s ob. hanl.* отлынивание *s*

ulejvák, -a *m ob. hanl.* лодырь *m*

ulejván|í, -í *s ob. hanl. totěž co ulejváctví*

ulejvárn|a, -y *ž ob. hanl. (pohodně zaměstnání)* служба *ž* для бездельников

ulejv|at, -ám *nedok. ob. (peníze)* скрывать, прятать *spis.;* **~at peníze do ciziny** тайно переправлять деньги за границу *spis.*

ulejv|at se, -ám se *nedok. slang. a ob. hanl. (v práci, ve škole ap.)* отлынивать; **~at se z vojny** увиливать от военной службы

ulít, ulíjí, ulejí *dok. 1. (trochu vody do skleničky ap.)* налить; *(trochu omáčky na zem)* пролить. 2. *(oheň)* залить. 3. *(z kovu)* отлить, вылить *(iz metalu)*. 4. *těž ob. ulejt (peníze, zboží ap.) hovor. expr.* припрятать

ulítaný *ob.* забегавшийся, замотанный

ulít|at se, -ám se *dok. ob. expr.* забегаться, набегаться

umatlaný *ob. expr.* замызганный

umatl|at, -ám *dok. ob. expr.* замызгать

uondaný *ob.* утомлённый, усталый *spis.*
uond||at, -ám *dok. ob.* умотать, утомить
uond||at se, -ám se *dok. ob.* умотаться, умяться
upatlaný *ob. expr.* измазанный, испачканный
upatl||at, -ám *dok. ob. expr.* вымазать; испачкать; *zvr.* ~**at si ruce** выпачкать себе руки; ~**at se** вымазаться, испачкаться
upíchnout, -u *dok. koho (na nějakou práci ap.) ob. expr.* протолкнуть; устроить кого *spis.*
upíchn||out se, -u se *dok. ob. expr.* 1. *nač (na podrobnosti)* быть помешанным на чём. 2. (*v redakci ap.*) зацепиться; устроиться где
upížlat, -ám *dok. (kus chleba ap.) ob.* откромсать *spis.*
uprdel||it se, -ím se *dok. ob. vulg.* удобно устроиться *spis. neutr.*
uřehť||at se, -ám se *dok. (smíchy) ob. expr.* обхохотаться
ušmajdaný (podpatky) *ob.* стоптанный *spis.*
uštrik||ovat, -uji *dok. (punčochy ap.) ob.* связать на спицах *spis.*
utřejch, -u *m ob.* мышьяк *m spis.*; **to pivo je jako** ~ это не пиво, а отрава
utrň||ovat, -uji *nedok. 1. (kus papíru ap.)* отрывать, обрывать. 2. (*na mzdách*) *řídč.* снижать расценки *běžné* □ ~**ovat si od úst** *n. ob.* **od huby** отказывать себе во всём
užrat se, užeru se *dok. (steskem, lítostí) ob. expr.* известись, исстрадаться *spis. neutr.*
vagonk||a, -y *ž ob.* вагоностроительный завод *spis.*
vajgl, -u *m ob.* окурок *m spis.*
valdhorn||a, -y *ž zast. ob.* горн *m*; валторна *ž spis.*
vařbucht||a, -y *m i ž ob. expr.* 1. толстяк *m spis.* 2. толстуха *ž spis.*
váš, ž a s vaše *zjím.* ваш, ваша, ваше; **na vaše zdraví!** за ваше здоровье! □ *ob. podle vašeho* по-вашему *spis.*; **at' je po vašem** пусть будет по-вашему *spis.*
vazoun, -a *m ob.* здоровяк *m spis.*
včelář||it, -ím *nedok. ob.* заниматься пчеловодством *spis.*
včerejší вчерашний ♦ **nejsem** ~ *ob.* мы тоже не лыком шиты
vejít se, 3. j. vejde se *nedok. i dok. kam* входить/войти; помещаться/поместиться; вмещаться/вместиться куда; **vejde se to tam?** это туда влезет?; **do skříně se vejde mnoho knih** в шкаф войдёт *n.* входит много книг □ **dostal, co se do něho vešlo** *ob.* ему всыпали по первое число
vejpůl *přisl. ob. (rozlomit, přeložit ap.)* пополам, надвое *spis.*; **váza byla** ~ ваза была разбита надвое *spis.*
vejř||at, -ám *nedok. ob. expr.* глазеть
vejšlap, -u *m ob.* прогулка *ž spis.*
vejšplecht, -u *m ob.* тайный план *spis.*
vejtaha, -y *m ob.* хвостун *m spis.*
vercajk, -u *m ob.* инструменты *m mn spis.*

veselk||a, -y *ž ob.* свадьба *ž spis.*
vikslajvant, -u *m ob.* навощенная ткань *spis.*
vimrle, -te *s ob.* нарыв *m spis.*
vinař||it, -ím *nedok. ob.* заниматься виноделием *spis.*
vinš||ovat, -uju *nedok. ob. zast. 1.* желать. 2. поздравлять
virvál, -u *m ob. expr.* гвалт *m*; **dělat** ~ галдеть
vlk I, -a *m* волк *m*; *přen. expr. mořský* ~ морской волк □ **jsem hladový** ~ **mám hlad jako** ~ я голоден, как волк; ~ **v rouše beráncím** волк в овечьей шкуре ♦ **my o ~u a ~ za humny** *pořek.* лёгко на помине; **mít ~a** *ob.* получить воспаление промежности *spis.*
vocad' *zjím. ob. přisl.* отсюда *spis.*
vůz, vozu *m I.* воз *m*, повозка *ž*; **pohřební** ~ катафалк *m*; **přívěsný** ~ прицеп *m*. 2. автомашина *ž*; **stěhovací** ~ фургон *m* для перевозки мебели; **kropící** *n.* **stříkací** ~ поливочная машина • **obrněný** ~ *voj.* броневик *m*. 3. вагон *m*; ~ **první třídy** вагон первого класса; **nákladní** ~ товарный вагон; **lůžkový** ~ плацкартный вагон; **spací** ~ спальный вагон; **jídelní** ~ вагон-ресторан *m-m*; **přímý** ~ вагон прямого сообщения; **dálkový** ~ вагон дальнего следования; **chladicí** ~ вагон-рефрижератор *m-m*. 4. **Velký, Malý Vůz hvězd.** Большая, Малая Медведица ♦ **já o voze, ty o koze** *ob. pořek.* ему про Фому, а он про Ерёму
vybabr||at se, -ám se *dok. (z dluhů, z krize) ob. expr.* вылезти *spis.*
vybíll||it, -ím *dok. 1. (místnost ap.)* побелить, выбелить • (**prádlo**) отбелить. 2. (*hospodu ap.*) *ob. expr.* разгромить *spis.* 3. *ob. expr.* обокрасть *spis.*
vyblejskn||out, -u *dok. koho, co ob.* сфотографировать кого, что *spis.*
vybl||it, -iju *dok. ob.* изрыгнуть *spis.*
vybl||it se, -iju se *dok. ob. zprav. ve spoj. ~il se* его вырвало *spis.*
vycajchn||ovat se, -uju se *nedok. ob. expr.* отличаться *spis.*
vyčenz||ovat (si), -uji (si) *dok. co s kým ob.* обменяться чем с кем *spis.*
vyčich||at II, ob. vyčuch||at, -ám *dok.* разнюхать, разведать
vyčmuch||at, -ám *dok. ob.* разнюхать *spis.*
vučúraný (podvodník ap.) *ob. expr.* хитрющий *spis.*
vyfásn||out, -u *dok. ob.* схлопотать; ~**eš za to nejmiň rok** за это ты схлопочешь не меньше года
vyfas||ovat, -uji *dok. ob.* схлопотать; ~**oval facku** схлопотал по морде
vyfint||it se, -ím se *dok. expr., vyfikn||out se, -u se* *dok. ob. expr.* вырядиться, расфрантиться

vyfoukn||out, -u dok. 1. (vejce, sklo) выдуть
 • **~out kouř** выпустить дым. 2. *komu co ob. expr.* стащить что у кого
vygrunt||ovat, -uji dok. об. сделать генеральную уборку *spis.*
vyhec||ovat, -uji dok. *koho k čemu ob. expr.* спровоцировать кого на что *spis.*
vyjukaný ob. испуганный; удивлённый *spis. neutr.*
vyli||zat si, -žu si dok. об. быть наказанным *spis.*; **kdopak si to potom ~že?** а кто потом будет отвечать?
vymáčk||at, -ám dok. 1. *co z čeho; co (šťávu z ovoce, pastu z tuby ap.)* выжать, выдавить что из чего; что. 2. *co z koho (peníze) ob. expr.* вытянуть что из кого
vymáčkáv||at, -ám nedok. 1. *co z čeho; co (šťávu z ovoce; citrón ap.)* выдавливать, выжимать что из чего; что. 2. *co z koho (peníze) ob. expr.* вытягивать что из кого
vymáčkn||out, -u dok. 1. *co z čeho; co (pastu z tuby; citrón ap.)* выжать, выдавить что из чего; что • (okno) выдавить. 2. *co z koho ob. expr. (peníze)* выудить что из кого
vymáčkn||out se, -u se dok. об. expr. выразиться, высказаться *spis. neutr.*
vymakaný (plán ap.) ob. expr. хорошо продуманный *spis.*
výprask, ob. vejprask, -u m порка ž; **dostat** ~ получить взбучку
vypuc||ovat (si), -uji (si) dok. (boty ap.) об. почистить *spis.*
vypulír||ovat, -uji dok. об. (boty ap.) начистить до блеска, отполировать *spis.*
výr, -a m zool. филин **m ♦ kýho ~a!** об. expr. что за чёрт!
vysekn||out se, -u se dok. об. expr. вырядиться
vyslepič||it, -ím dok. (všechno) об. expr. выболтать
vysmějč||it, ob. vysmějč||it, -ím dok. 1. (byt, stěny ap.) обмести пыль. 2. (celý dům, všechny kouty ap.) *hovor. expr.* осмотреть *neutr.*
vysol||it, -ím dok. *komu (peníze) ob. expr.* отсыпать, отвалить кому
vystřík||at, -ám dok. 1. *co čím (ucho rozto-kem ap.)* промыть что чем. 2. *kam ob.* извергнуть сперму *spis.*
výš ob. vejš см. vysoko
výšisovaný (vlasy, záclony) ob. выцветший *spis.*
výšis||ovat, 3.j. -uje dok. (vlasy, záclony) об. выгореть на солнце *spis.*
vyšmel||it, -ím dok. об. *hanl.* приобрести жупльническим способом *spis.*
vytlouk||at, -ám nedok. 1. выбивать; *přen. ~at z hlavy komu co* выбивать что из головы у кого □ **~at klín klínem** клин клином вышибать. 2. *hovor. expr. (kapitál ap.) z čeho* сколачивать на чём; **~at peníze**

зашибать деньги. 3. *co (hospody ap.) ob. hanl.* шататься по чему
vyvrb||it se, 3. j. -í se dok. об. expr. выясниться *spis., neutr.*
vyzunkn||out, -u dok. (skleničku rumu ap.) об. expr. выдуть
vyžraný od koho, čeho (od molů, od kyseliny) изъеденный кем, чем; ~ **zub** об. испорченный зуб *spis.*
zád||a, zad s pomn. 1. спина ž; **nosit na ~ech** носить за плечами; **má na ~ech tašku** за спиной у него сумка; **plácát po ~ech** хлопать по спине; **sedět ~y ke zdi** сидеть спиной к стене; **obrátit se n. otočit se ~y ke komu** повернуться спиной к кому; **s větrem v ~ech** с попутным ветром □ **krýt ~a komu** прикрывать чей тыл; **vpadnout komu do zad** нанести удар в спину кому; **vrazit nůž do zad** всадить нож в спину; **mráz mi běhá po ~ech** у меня мурашки по спине бегают; **ukázat ~a komu** показать спину кому; **za ~y za глаза; vlez mi na ~a ob.** отстань от меня! 2. спинка ž
zalajdač||it si, -ím si dok. об. полодырничать *spis.*
zamak||at si, -ám si dok. об. expr. поработать с удовольствием *spis.*
zamat||at, -ám se dok. об. expr. вымазать, выпачкать *spis.*
zamat||at se, -ám se dok. об. expr. вымазаться, выпачкаться *spis.*
zamindrákovaný ob. expr. закомплексованный *spis.*
zamord||ovat, -uji dok. об. expr. прикончить, укокошить
zapak||ovat, -uji dok. об. запаковать *spis.*
zapas||ovat, -uji dok. *co do čeho ob.* вделать что во что *spis.*
zapíchn||out, -u dok. 1. *co do čeho (jehlu ap.)* воткнуть что во что; *zvr. ~out si třísku do nohy* занозить ногу. 2. (vepře) об. заколоть *spis.*
zasek||at se, -ám se dok. *ve spoj. ~at se do dluhů ob.* влезть в долги *spis.*
zasmaž||it, -ím dok. (polévku) об. заправить поджаренной мукой *spis.*
zašantroč||it, -ím dok. об. expr. куда-то задевать, потерять
zašmel||it, -ím dok. об. *hanl.* продать из-под полы *spis.*
zašpunt||ovat, -uji dok. (láhev) об. заткнуть, закупорить *spis.*
zatăhn||out, -u dok. 1. (uzel, pásek ap.) затянуть. 2. *zač (za provaz, za páku ap.)* потянуть, дернуть что, **~out za uzdu** дернуть за узду. 3. (záclonu, oponu ap.) задернуть, опустить. 4. *co kam (lod', vůz ap.)* втянуть, втащить что куда. 5. (plyn) подкрутить • **~out podvozek let.** убрать шасси. 6. *koho do čeho (do sporu, do společnosti, do hry ap.)* затянуть, вовлечь, втянуть кого во что. 7. *co za koho (útratu,*

večeři ap.) *ob. expr.* заплатить что за кого *spis. neutr.*
zatroleně přísl. (foukat, chladno ap.) *ob. expr.* чертовски
zatrolený *ob. expr.* чертовский
zavál||et, -ím nedok. ob. expr. отличиться; преуспевать *spis.*; ~**et v matice** отличиться по математике
zavírák, -u m ob. 1. складной нож *spis. 2.* английская булавка *spis.*
zažraný *expr. 1.* do čeho (špína do kůže ap.) вевшийся во что *neutr. 2. ob. (sportovec, hráč ap.)* заядлый, завзятый; do čeho (do sportu ap.) страстно увлечённый чем *spis. neutr.*
zaž||rat se, -eru se dok. do čeho expr. 1. (prach do kůže ap.) вьестся во что *neutr. 2. ob. (do čtení, do lejster ap.)* уйти с головой, погрузиться во что *spis. neutr.*
zbaš||it, -ím dok. ob. expr. 1. слопать. 2. попасться на чью-то удочку *spis.*
zblejskn||out, -u dok. ob. заметить, увидеть *spis.*
zcvokat||ět, -ím, zcvokn||out se, -u se dok. ob. expr. свихнуться, сойти с ума *spis.*
zdlábn||out, -u dok. ob. expr. слопать
zdrh||at, -ám nedok. (ze schůze ap.) ob. expr. удирать, смываться
zdrhn||out, -u dok. 1. (uzel, smyčku ap.) стянуть, стянуть • ~**out látku (do záhybů)** собрать материю в сборки. 2. (ze schůze ap.) *ob. expr.* удрать, улизнуть
zdrh||ovat, -uji nedok. 1. (smyčku ap.) затягивать, стягивать • ~**ovat látku (do záhybů)** собирать материю в складки. 2. (ze schůze ap.) *ob. expr.* удирать
zdrch||at, -ám dok. 1. (slámu ap.) *ob.* растрепать. 2. *expr. (zbit)* отлупить
zeps||out, -uji dok. ob. expr. разбранить *spis.*
zeřv||at, -u dok. ob. наорать
zespod, zespodu, ob. zespoda přísl. снизу
zfack||ovat, -uji dok. koho ob. набить морду кому
zfuš||ovat, -uji dok. co ob. халтурно сделать что
zglajchšalt||ovat, -uji dok. ob. hanl. унифицировать *spis.*
zhebn||out, -u dok. ob. hanl. сдохнуть, подохнуть
zhulák||at se, -ám se dok. ob. expr. напиться до полусмерти *spis.*
zhunt||ovat, -uji dok. ob. expr. испортить *spis.*; ~**ovat si zdraví** расшатать свое здоровье
zimák, -u m ob. 1. зимнее пальто *spis. 2. зимний стадион *spis.*
zjanč||it, -ím dok. ob. expr. свести с ума *spis.*
zjanč||it se, -ím se dok. ob. expr. спянуть; já se z toho ~**ím!** я от этого с ума сойду!
zkap||at, -u, -ám dok. ob. zhrub. подохнуть, сдохнуть
zkárovaný *ob. expr.* в дым пьяный*

zkár||ovat se, -uji se dok. ob. expr. напиться до полусмерти *spis.*
zkon||it, -ím dok. ob. expr. наделать ошибок, испортить *spis.*
zkysn||out, ob. zkejsn||out, -u dok. 1. (o mléce, o polévce ap.) скинуть. 2. *ob. expr. (o děvčeti)* засидеться в девках; (dlouho na návštěvě ap.) засидеться; (v zapadlé vsi ap.) застрять
zlajdač||it, -ím dok. ob. hanl. стать лодырем *spis.*
zlepšovák, -u m ob. totěz co zlepšovací návrh
zlísk||at se, -ám se dok. ob. expr. напиться пьяным *spis.*
zlít se, zleju se dok. ob. expr. напиться пьяным *spis.*
zloděj||a, -y ž ob. expr. жульничество *s spis.*
zlombidl||o, -a s ob. expr. верзила *m*
zmal||ovat, -uji dok. 1. (všechno) изрисовать. 2. *ob. expr. koho* отлупить кого
zmerč||it, -ím dok. koho, co ob. expr. увидеть, заметить кого *spis.*
zmet||ek I, -ka m выкидыш *m; přen. ob. hanl.* заморыш *m; поганец m*
zor||at, -ám dok. 1. (pole ap.) вспахать; ~**ané pole** пашня *ž. 2. téz zvorat co (zkoušku ap.) ob. expr. провалить *spis.*
zpack||at, -ám dok. ob. испортить *spis.*
zper||ovat, -uji dok. koho ob. expr. взять в оборот кого
zprubn||out, -u dok. ob. испробовать *spis.*
zpucl||ovat, -uji dok. koho ob. expr. распечь, отчитать *spis.*
zrekvir||ovat, -uji dok. ob. реквизиловать *spis.*
zře||zat, -žu dok. ob. expr. (ve rvačce) избить *spis.*; (rákoskou) выпороть; *těz přen.*
zůstáv||at, -ám nedok. 1. оставаться; **otázka ~á otevřená** вопрос остаётся открытым; ~**á ležet** он продолжает лежать. 2. *ob. жить, проживать spis.*
zvalch||ovat, -uji dok. koho n. ve spoj. ~ovat
hřbet n. záda komu ob. expr. отлупить кого
zvést, zvědu dok. (šaty ap.) ob. expr. запачкать *spis.*
zvést se, zvědu se dok. po kom (po otci ap.) ob. пойти в кого *spis.*
zvochl||ovat, -uji dok. koho ob. expr. отколо- тить кого
zvo||rat, -rám, -řu dok. (zkoušku ap.) ob. expr. завалить, провалить *spis.*
žabař, -e m ob. expr. халтурщик *m*
žabařin||a, -y ž ob. expr. халтура *ž*
žabk||a, -y ž 1. zdrob. лягушонок *m. 2. zdrob. expr. (děvče)* девчушка *ž. 3. zahr. садовый нож ♦ dělat n. házet ~y ob.* «печь блины» (бросать плоский камень по поверхности воды)
žandár, žandarm, -a m zast. a ob. жандарм *m spis.**

žandameri||e, -e *ž zast. a ob.* жандармерия *ž spis.*
žbrund||a, **žbrynd||a**, -y *ž ob. expr.* бурда *ž*
žd'uchan||ec, **žduchan||ec**, -ce *m ob. expr.*
тычок *m spis.*; **dát ~c komu** дать тычка *кому*; **dostat ~ec od koho** получить тычок *от кого*
žd'uch||at, **žd'ouch||at**, -ám *nedok. do koho ob.* пихать *koho*
žd'uchn||out, **žd'ouchn||out**, -u *dok. ob. do koho* пихнуть *koho*
žebrot||a, -y *ž I.* нищенство *s*; *zprav. ve výrazech* **chodit ~ou n. po ~ě** собирать подаяние; **živit se ~ou** жить подаянием. 2. (*bida*) *ob. expr.* нищета *ž spis. neutr.* 3. *hromad. ob. expr.* голь перекатная
želízk||o, -a *s I.* (*hoblíku*) *tech.* резец *m.* 2. (*nože, nůžek*) *ob.* лезвие *s spis.* □ **držet dvě ~a v ohni** сидеть между двух стульев. 3. *v mn.* ~a (*na vlasy*) *ob. zast.* щипцы *jen mn.* для завивки волос *spis.* 4. *v mn.* ~a (*na zvíř*) *hovor.* капкан *m.* 5. *v mn.* ~a *hovor.* наручники *m mn.*
ženg||e, -e *ž ob.* вдевальная игла *spis.*
žížl||at, -ám *nedok.* (*kůrku chleba*) *ob.* жевать дёснами *spis.*
žlout||ek, *ob.* **žloudek**, -ku *m* желток *m*
žranic||e, -e *ž ob. expr.* обжираловка *ž*

Л и т е р а т у р а

- Изотов А.И. Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. – С. 64-69.
Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь // Вестник Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. – С. 178-184.
Изотов А.И. Вечер памяти А.Г. Широковой // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2009. № 3. – С. 177-179.
Сгалл П. Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. – С. 11-12.
Чешско-русский словарь / Под редакцией Л.В. Конецкого, Й. Филипча, О. Лешки. В 2 томах. – М.: Советская энциклопедия; Прага: Государственное педагогическое издательство, 1973.
Český národní korpus: <http://ucnk.ff.cuni.cz/>
Frekvenční slovník češtiny / Kolektiv autorů pod vedením Fr. Čermáka a M. Křena. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2004.
Sádlíková M. a kol. Velký česko-ruský slovník / Большой чешско-русский словарь. – Voznice: LEDA, 2005.
Slovník spisovného jazyka českého / Red. B. Havránek, J. Bělič, M. Hechl, A. Jedlička, V. Křístek, F. Trávníček et al. Dd. I.–VIII. – Praha, 1989. [2. nezměněné vydání].
Ouředník P. Šmírbuch jazyka českého: Slovník nekonvenční češtiny 1945–1989. 3. vydání. – Praha, Litomyšl: Ladislav Horáček; Paseka, 2005.
Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. – Praha: H&H, 1992.
Slovník nespisovné češtiny. 2. rozšířené vydání / Hlavní editor J. Hugo. – Praha: Maxdorf, 2006.

ЛИНГВИСТИКА

«Языковое мышление» и «внутренние законы» языка (к проблеме взаимоотношения языка и мышления)

© доктор филологических наук В.Ф. Васильева, 2009

Проблему языкового мышления и внутренних, собственных, законов развития и функционирования языка следует отнести, вне всяких сомнений, к числу «вечных» в лингвистике. На сегодняшний день, как и столетие назад, она продолжает занимать исследователей, оставаясь по-прежнему дискуссионной. Подход к названной проблеме предполагает уяснение обозначенных понятий – «языкового мышления» и «внутренних законов языка». Одни учёные, так или иначе разделяющие положения теории «лингвистической относительности» и «языковой картины мира», наделяют язык, т.е. языковое мышление, креативными способностями, вверяя ему функции мыслящей материи (см. подробно: [Васильева 2009]). Язык в этом случае – ключ к познанию мира. Он сам создаёт представление о мире и, развиваясь **по своим собственным законам**, «навязывает» его носителям способ мышления. Вопрос внутреннего развития языка в этом случае оказывается очевидным. Нельзя не заметить, однако, что язык не является самодовлеющим феноменом, ибо он прежде всего призван репрезентировать результаты мыслительных процессов. По этой причине более убедительной и аргументированной представляется концепция, согласно которой мышление является собой двухуровневую структуру, синтезирующую логическое и семантическое мышление. Логические и семантические формы мысли – это разные уровни одного и того же мышления. «Это закон бинарного, двухуровневого процесса мышления» [Кривоносов 2006: 339]. Иначе говоря, семантическая форма, т.е. собственно языковая, – это поверхностный слой мышления, который является репрезентантом глубинного слоя, т.е. логического мышления. «Семантические и логические формы мышления – это видимая и подводная части айсберга: семантический уровень мышления – видимая и слышимая часть естественного языка в конкретных семантико-грамматических формах предложения; логический уровень – невидимая часть айсберга, которую мы не видим непосредственно, но которая живёт в каждом слове (понятие) и в каждом предложении (суждение)» [Кривоносов 2006: 340-341]. Таким образом, **языковое мышление есть способ сегментации концептуальной картины мира**. К сказанному следует добавить, что абсолютизация одной из форм

мышления нарушает соотношение общего (универсальные формы мышления) и отдельного (семантические формы мышления). Подчинение, точнее отождествление языковых форм с логическими определило, как известно, логическое направление в языкознании. Однако признание собственных законов развития и функционирования языка противоречит, по мнению некоторых исследователей, самому понятию «языковое сознание». «Нет у языка, и не может быть **своих собственных законов, есть только законы мышления** (выделено автором) и история развития языкового или семантического мышления или языкового сознания» [Кривонос 2006: 170]¹. Если согласиться с доводами А. Т. Кривоносова, что «не существует общепринятого в языкознании, философии, логике и психологии «чистого» понятия «язык» и не существует общезначимого в языкознании, философии, логике и психологии «чистого» понятия «мышления»... [Кривонос 2001: 716], то можно поставить под сомнение и существование языкознания как самостоятельной научной дисциплины, как, впрочем, и философии, и психологии. Однако, признавая феномен языка в качестве оречевлённого мышления, следует признать и наличие собственных языковых структур, объективирующих результаты мыслительной деятельности. Построение и функционирование этих структур должны иметь свои собственные закономерности.

Облигаторное проявление свойств, качеств, отношений и связей языковых элементов при выполнении заданной функции понимается нами как внутренние, или собственные, законы языка. Не отрицая того бесспорного факта, что «мысль ведёт за собой язык», нельзя не оставить без внимания то обстоятельство, что логическое мышление выполняет функцию «контроля» на глубинном уровне. Именно на нём решается вопрос «о транспортировке» мысли за пределы мозга. Однако на поверхностном уровне, где «расцветивается» логическая форма мысли, «в игру вступают» языковые векторы мысли. Выбор «палитры красок» предопределяется рядом обстоятельств собственно языкового характера. К их числу следует отнести конкуренцию между языковыми структурами (например, между аналитическими и синтетическими номинациями), степенью стандартизации тех или иных конструкций, языковой узус и т.д. Так, в области субстантивной лексики чешский язык «отдаёт предпочтение» синтетическим наименованиям [Васильева 2006], а в разряде глаголов со значением многократности имеет место парадигматическое образование синтетических глагольных лексем. Ср.: *nosívát – много раз/часто носить, slychávát – неоднократно/много раз слышать, vařívát-часто готовить (варить). Často tam spával. Он часто там спал. Často míval nápady. – Ему часто приходили в голову идеи*

¹ В приведённой цитате сохранена пунктуация автора. – В.В.

[Чешский язык 1990: 197-198]. Чешским языковым узусом предопределяется, в частности, предпочтительное употребление форм мн.числа при выражении дискретной множественности, в отличие от русского языка [Васильева 2003:15-16]. Из имеющегося обширного материала, касающегося функционирования форм категории числа существительных в чешском языке, приведём лишь несколько примеров: *Den učitelů* – День учителя, *Dům umělců* – Дом художника, *čekárna pro matky s dětmi* – комната матери и ребёнка. К общим факторам, обеспечивающим проявление закономерностей в отношениях и связях языковых элементов, оказывающих влияние на структуризацию системы языка, следует также отнести ряд собственно языковых данных. А именно:

- 1) отношения и связи как результат проявления типологических особенностей языка;
- 2) отношения и связи как результат проявления имплицативности языковых единиц;
- 3) отношения и связи, формирующиеся в результате действия аналогии;
- 4) отношения и связи, порождаемые взаимопроницаемостью классов слов.

Приведённый перечень не является, разумеется, исчерпывающим. Однако отмеченные факторы имеют универсальный характер, а потому особо значимы и заслуживают специального рассмотрения. В рамках данной статьи ограничимся лишь их краткой иллюстрацией. Языковая типология выполняет внутриязыковую интегрирующую функцию. Она обеспечивает структурную и функциональную облигаторность употребления языковых единиц, призванных отражать наиболее значимые характеристики, закрепляя место конкретного языка в универсальной типологической классификации. Так, в частности, в языках с видо-временной системой каждая глагольная лексема не может находиться вне категории вида и времени. Все существительные в русском, как и в других славянских языках, со строгой обязательностью выражают значения категории рода, числа и падежа. Флективные языки имеют развитые парадигмы склонения. В систему склонения включаются и заимствования. Однако степень их адаптации в языке-рецепторе может быть неодинаковой. Показательны в этом отношении результаты сопоставительных исследований родственных языков. Например, чешский язык, характеризующийся предельно высокой структурно-морфологической стандартизацией в целом и словоизменительной системы в частности, «втягивает» в свою орбиту склонения такие заимствованные лексемы, которые в русском языке остаются несклоняемыми. Приведём несколько весьма показательных примеров: *kino кино – (z) kina – (ke) kinu – (v)*

kině – (s) kinem; kakadu какаду – (od) kakadua – (ke) kakaduovi – (starat se o) kakadua – (hovořit o) kakaduovi – (s) kakaduem; maestro маэстро – (od maestra) – (k) maestrovi/-u – (znám) maestra – (o) maestrovi /-u – (s) maestrem. Возможные отклонения от существующих моделей не могут поставить под сомнение правила функционирования в языке того или иного типологического правила. Исключения свидетельствуют лишь о возможных вкраплениях элементов иной типологии, ибо «...нет языков чистого типа: элементы разных типов сосуществуют и сменяют друг друга на протяжении истории языка» [Гак 1983: 12]. Следует заметить также, что типологическая упорядоченность диктует правила поведения языковых структур как при выполнении ими примарных, так и секундарных функций. Например, функциональная микротипология чешского кондиционала предписывает регулярное употребление его форм не только с целью выражения действия потенциально возможного или ирреального (нереализованного), но и для экспликации многомерной шкалы модальных значений. Укажем лишь некоторые из них, обратив внимание на тот факт, что чешские формы кондиционала не всегда имеют своими эквивалентами в русском языке также формы кондиционала.

1. Выражение желания:

Už abychom ty zkoušky měli za sebou!

Скорей бы уж эти экзамены остались позади!

Aspoň kdybych něco o tom věděl

Если бы / Хоть бы что-нибудь знать об этом!

2. Выражение совета, просьбы, предупреждения, предостережения и др.:

Měl bys to udělat.

Тебе следовало бы (нужно) это сделать.

Měli byste tam jet.

Вам следовало бы (нужно) туда поехать.

Ne abyste přišli pozdě!

Смотрите, не опоздайте!

Kdybyste přišli zítra.

Приходите лучше завтра. / Пришли бы вы завтра..

Měl by ses mu omluvit.

Тебе следовало бы перед ним извиниться.

3. Формы кондиционала в чешском языке употребляются в делиберативных вопросах:

Kdo by to řekl?

Кто бы это мог сказать?

Kam by to jen schoval?

Куда бы мне это только спрятать?

Подчинение параметров функционирования языковых элементов типологическим предписаниям обеспечивает устойчивость языковой нормы, поддерживает традиционные направления развития языка, включающие как универсальные, так и специфические характеристики.

В структуризацию типологических характеристик «вносят свой вклад» имплицативные (причинно-следственные) отношения языковых единиц. Имплицативные отношения рассматриваются нами как продуцирование одних системно значимых характеристик рядом других, имеющих характерологическое значение. Имплицативные отношения принимают непосредственное участие в структурном и функциональном устройстве языка. Имплицативность проявляется на разных уровнях языковой системы, и в каждом языке она имеет свою специфику. Креативное воздействие имплицативности прослеживается как на синхронном, так и диахронном срезах. Так, в частности, в современном чешском языке, как и в эпоху его национального возрождения, имплицативное влияние деривационного потенциала продолжает оставаться весьма высоким. Деривационное воздействие проявляется на всех уровнях языковой системы: собственно словообразовательном, лексическом, морфологическом, синтаксическом, прагматическом (Васильева 2003). В подтверждение сказанного ограничимся лишь немногими примерами. Несмотря на то, что собирательные существительные с суффиксом *-stvo* в современном чешском языке, как, впрочем, и их структурные эквиваленты в русском (*купечество, студенчество*) не отличаются высокой продуктивностью, тем не менее словари фиксируют некоторые сравнительно недавние новообразования: *poplatník* *налогоплательщик* – *poplatnictvo*, *podnikatel* *предприниматель* – *podnikatelstvo*, *volič* *избиратель* – *voličstvo*. Ср. также: *čtenář* *читатель* – *čtenářstvo*, *spisovatel* *писатель* – *spisovatelstvo*, *pták* *птица* – *ptactvo*, *včela* *пчела* – *včelstvo* и многие другие. Несмотря на то, что мотивирующей основой собирательных имён в чешском и русском языках является одно и то же логическое начало – объективация неразличимого сходства, в русском языке в приведённых примерах имеются структурные лакуны. Их наличие объясняется не логическими, а структурными факторами – наличием межъязыковых деривационных диспропорций.

Разная степень имплицативности деривационных процессов в чешском и русском языках наглядно прослеживается при образовании ро-

довых форм существительных. В чешском языке, в отличие от русского, формы женского рода образуются от форм мужского рода практически без ограничений. Ср.: *inženýr – inženýrka, filolog – filoložka, docent – docenka, archeolog – archeoložka, architekt – architektka, ředitel dupekhop – ředitelka* и т.д. Важно подчеркнуть, что указанные и подобные им дериваты не являются в чешском языке стилистически маркированными, как, например, *директриса, врачиха, генеральша* и т.п.

Анализируя феномен импликативности и его значимость для организации внутрисистемных отношений в историческом плане, нельзя не обратить внимания на весьма показательные в этом отношении данные английского языка. Закреплённость в английском языке тематической функции за подлежащим способствовала развитию тенденции, в соответствии с которой « в среднеанглийском языке почти все безличные конструкции были преобразованы в личные и она (эта тенденция. – *V.B.*) продолжает весьма активно проявляться до сих пор» [Матезиус 2003: 36]. Развитию личных конструкций, в свою очередь способствовал распад падежных окончаний, когда «исходный дательный или винительный падеж ...мог быть принят за номинатив» [Матезиус 2003: 39]. Широкое функционирование в английском языке пассивных конструкций является также результатом импликативных отношений. Его следует рассматривать «как следствие тематического представления грамматического подлежащего, из-за чего часто бывает невозможно использовать в функции сказуемого активную конструкцию» [Матезиус 2003: 34]. С тематической функцией подлежащего в английском языке связан отчасти и фиксированный порядок слов в предложении. «Вследствие этого в английском языке не может осуществиться актуальное членение предложения с помощью порядка слов, и язык вынужден для этого создавать иные возможности» [Матезиус 2003: 173]. Изложенные факты языковой импликативности, число которых может быть свободно увеличено, являются, на наш взгляд, весомым доказательством функционирования собственно языковых закономерностей, определяющих векторы развития языка. К сказанному добавим, что национальная специфика феномена импликативности служит одной из причин межязыковой асимметрии не только на структурном, но и на семантическом уровне.

Взаимосвязь языковых структур может обуславливаться действием аналогии. Оно хорошо известно в лингвистике и проявляется, так же как и импликативность, на всех уровнях организации языка. Здесь лишь отметим, что распространение существующей в языке структуры на новые единицы может осуществляться и при отсутствии исконной смысловой базы. Иначе говоря, речь идёт об образовании новых единиц по чисто структурной схеме. В подобных случаях становится очевидным ослабление прозрачности мотивационной связи между языковой едини-

цей и внеязыковой реалией. Подтвердим высказанное положение языковыми данными. Хорошо известно, что многие дериваты имеют структуру универбов, не будучи таковыми, не являясь семантическими конденсатами. Так, в частности, в чешском языке, как и в других славянских языках, по образцу универбизованных существительных, входящих, в частности, в разряд предметно-бытовой лексики, морфологическим способом образованы многие имена, пополняющие лексический состав указанного разряда. При сравнении обоих типов существительных различия в мотивационных связях представляются бесспорными:

универбы	морфологические дериваты
<i>semišové střevice</i> замшевые туфли- <i>semišky</i>	<i>kopat</i> копать, пинать – <i>kopačku</i> бутсы
<i>gumové boty</i> резиновые сапоги- <i>gumáky</i>	<i>hora</i> гора – <i>horovku</i> лыжные ботинки
<i>kožené kalhoty</i> кожаные брюки – <i>koženky</i>	<i>pumpa</i> насос – <i>pumpku</i> брюки гольф и т.п.

Поскольку словосочетания, являющиеся мотивационной базой универбов, активно функционируют в языке, связь последних с внеязыковой реалией оказывается тем более прозрачной. На возможность собственно языкового порождения мотивационных моделей указывают учёные-этимологи, исследуя этимологические гнезда и лексико-семантические поля [Варбот 2008: 13]. Богатый материал, иллюстрирующий проявление собственно языковых отношений и связей представляет языковой феномен наличия взаимопроницаемости классов слов. С учётом нашей проблематики особое значение приобретает частеречная транспозиция. Наиболее показательна для нас в этом отношении – возможность выполнения лексемой как полнозначной понятийной функции, так и строевой: *Лодка плыла вниз по течению – Зайдите в течение дня; Продолжение следует – В продолжение всего разговора непрерывно курил; Знать вдоль и поперёк – Идти вдоль берега* и т.п. Функциональная бинарность языковой единицы в указанных и подобных случаях демонстрирует, с одной стороны, её соотнесённость с внеязыковой реалией, а с другой, – служит «операционным» инструментом, необходимым для выполнения другими единицами семантических функций.

Обобщая всё вышеизложенное, отметим, что внутренние законы языка обусловлены его онтологией: «Отличительная особенность создания языка состоит в том, что практически язык никогда не создаётся на пустом месте. Он создаётся всегда при наличии некоторого количества слов и форм, оставшегося от предыдущего состояния. Этот остаток обладает двумя характерными особенностями: с одной стороны, он играет роль материальной базы для создания в языке нового, с другой стороны, он в известной степени ограничивает сам процесс лингвосози-

дательного мышления, ставя его в определённые условия» [Серебренников 1983].

ЛИТЕРАТУРА

- Варбот Ж.Ж.* Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в синхронии и диахронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид. 10-16 сентября 2009 г. Доклады Российской делегации. М.: «Индрик», 2008
- Васильева В.Ф.* Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале русского и чешского языков) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология, 2003. № 2.
- Васильева В.Ф.* Деривационные структуры как формы семантического Мышления // Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Скопје. Филолошки факултет «Блаже Конески». Скопје, 2006.
- Васильева В.Ф.* «Языковая картина мира»: Миф и Реальность (полемиические заметки) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология 2009, № 3.
- Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1976.
- Кривоносов А.Т.* Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. М.–Нью-Йорк, 2001.
- Кривоносов А.Т.* Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». М.–Нью-Йорк, 2006.
- Матезиус В.* О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) // *В. Матезиус.* Избранные труды по языкознанию. М., 2003.
- Матезиус В.* Основная функция порядка слов в чешском языке // *В. Матезиус.* Избранные труды по языкознанию. М., 2003.
- Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983.
- Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. М., 1990.

Типы вариативности падежных форм имен существительных в словацком литературном языке конца XIX века и ее истоки

© доктор филологических наук К.В. Лифанов, 2009

Словацкий литературный язык конца XIX века представлял собой специфический феномен, существенно отличавшийся как от современного литературного языка, так и литературного языка второй половины 40-х гг. того же века, кодифицированного Л. Штуром и в 50-е гг. реформированного М.М. Годжей и М. Гатталой. Это объясняется тем, что его нормы были довольно свободными, допускавшими широкую вариативность форм. Заметим, что широкая вариативность форм была характерна и для кодификации Л. Штура, однако ее характер был в значительной степени иным. Если Л. Штур допускал в литературном языке параллельное употребление грамматических средств, имевших практически исключительно среднесловацкое происхождение, оставляя возможность их отбора последующей языковой практике, то вариативные языковые средства конца XIX века имели самое разнообразное происхождение.

Определенная часть вариативных форм, представленных в языке названной газеты, восходит к кодификации Л. Штура, вследствие чего сохраняется преемственность между двумя фазами в развитии словацкого литературного языка. Подобный тип дублетности характеризует, например, формы твор. падеж мн. числа существительных мужского рода с основой на один согласный¹:

Merán leží nad adriatickým morom 324 metrov ku poludniu, v biskupstve tridentskom, obkľúčený vysokými vrchami (1889, 21); Ja môžem obrazotvornosť moju zaplniť obrazami krásnejšími a vzácnejšími, než ktoré Munkácsy a Rafael maloval (1889, 12); Oba tieto nástroje zastupovali zvony v gréck. cirkvi až do polovice IX. storočia, lebo len r. 865 grécky cisár Michal obdarovaný bol kruz benátskeho dóža, Ursa Patricia, 12 veľkými kostolnými zvonami, ktoré potom ozdobovali väžu chýrečného chrámu sv. Žofie (1889, 62); So slzavými očami ľúbali sme ruky našich milých otcov, a volajúc srdečné „Pán Boh zaplat!“ dívali sme sa dlho za kočami, jich k stanici do Cahnova vezúcimi (1889, 35); A tak teda skvelými zázrakami dokázané a potvrdené je poslanie Ježiša od Boha – pravda toho, čo učil a spasiteľnosť toho, čo ustanovil (1889, 26); Všetci títo môžu mať pravdu v istom smysle a po istú hranicu so svojimi nárokami na vzdelanosť a osvetu ľudu nášho (1890, 3); ...môžeš vidieť medzi davami ľudstva kupujúceho, lesklý tovar obdivujúceho, chudobné postavy roľníkov a nádeníkov... (1890, 10); Ona slávi víťazstva svoje nad spoločnosťou rozorvanou hmotárstvom a rozkošnosťou tela, slávi triumfy svoje nad štátami podrytými a zviklanými neverou, bludom a odbojom proti Bohu... (1890, 9);

¹ Ср. у Л. Штура: Інструменталі кончі са обыčajне на *mi*, напр. *Susedmi, židmi, pánmí, ostrovidmi, volmi, medvedmi* atd. Але са кончі ај на *ami*, напр. *Prjatelami, sedljakami, zatami, medvedami, volami* atd. (Štúr 1957, 192).

Smieruje národy s *národami*, ničí protivu medzi biedou a prepychom... (1890, 9); Sotva prišiel pred šesť *rokami* do tejto ťažkej farnosti, hneď začal, ačkoľvek na tele slabý a často chorľavý, na dobrom tohoto z väčšej strany chudobného a mnohými biedami ubitého ľudu pracovať (1890, 169) – V Prahe, Pešti, vo Viedni atď. sú kancellarie „pre službu“, mimovoľnými a často i zúmyselnými *odavateľmi* toho zbožia! (1889, 64); Tak nedávno vystaváť si dal v Chicago istý bohatý Bostončan dom na štmásť poschodí, mieňac vačky si plniť *peniazmi* prenájomníkov (1889, 72); Nie v skryte, jako ešte pred 100 *rokmi*, ale verejne len samom Londýne v 155 kostoloch a kaplnkách 387 kňazov slúževa mše sv., káže slovo Božie a vysluhuje sv. sviatosti katolíkom (1890, 59); Anglicko a Wales rozdelené je na jedno arcibiskupstvo (Westminster) a 14 biskupství s 1340 *kostolmi* a 2339 *kňazmi* katolíckymi (1890, 59); Po zpúste Moháčskej (1526) povstala medzi *členmi* rodu toho dlhá rozopra o úžitky šoltyské (1890, 12); ...lebo poznávanie vecí je veľmi obťažné, myseľ však, ale prírody slabá, často klamaná býva rôznosťou mienok a *vlivmi* zovňajšími... (1890, 33); ...nechávajú dravým vlkom voľný prístup k nešerednému riadeniu medzi *bratmi* svojimi, nechcejú sa miešať do verejných záležitostí, aby vraj pokoj mali v týchto zlých časoch (1890, 26).

У существительных же с двумя согласными в конце основы в языке изученной газеты, как и в кодификации Л. Штура, под воздействием фонетического фактора употребление форм с флексией *-mi* было невозможным:

Človek sa stúli v jednom okamihu, hodí škrabicu o pleco a opre o ňu líco pác! a zverina tancuje hore *paprčkami!* (1889, 87); Telo naše je vystrojené piatimi *mysľami* (1889, 49); K jak velikej svätosti musela ju povzniesť táto hojnosť milosti, keď i ona sama – spoluúčinkujúca s ňou – svojimi *skutkami* vždy nové a nové zásluhy si vydobývala? (1890, 71)².

Указанная дублетность, представленная у Л. Штура, однако, в новой кодификации словацкого литературного языка 1852 г. была *осложнена введением* в нее *архаичных форм* соответствующего падежа с флексией *-i* (графически также *-y*), которые изредка обнаруживаем в текстах газеты «Католицке Новины»:

Majúc ešte daktoré prstienky s drahými *kameny*, zlaté a strieborné retiazky a iný šperk, umienila si to všetko zpeňažiť a utržené peniaze dieťkam na úroky uložiť (1889, 14); Už pred *Thurzovci*, opánstvenými v Orave, nachádzame v obci Nižná Ves šoltysov a síce z rodu Dluholuckých (1890, 12).

Несмотря на относительно низкую частотность употребления, формы с флексией *-y/-i* в словацком литературном языке сохранил и С. Цамбел [Czambel 1919: 59], и лишь позже они были выведены из него как устаревшие.

Аналогичную, “штуровскую”, природу имеет и параллельное употребление форм с флексиями, содержащими краткий гласный *a* или ди-

² В случае, если первый из согласных в конце основы был сонорным, в языке газеты могли употребляться формы с флексией *-mi*, что соответствует ситуации в современном словацком литературном языке: ...len brániť ho treba pred neznabohmi a všeliakými *mudrlantmi*, obhajovať pred známymi zákonnými pijaviciami a na základe opravdive kresťanskom poučovať a vzdelávať... (1890, 28). В кодификации Л. Штура информация об образовании подобных форм отсутствует.

фтонг *ia* в формах дат. и предл. падежей мн. числа существительных женского рода с основой на функционально мягкий согласный (современные типы склонения *ulica, dlaň* и *kost*)³. В текстах газеты «Католицке Новины» названная вариативность сохраняется, причем у существительных с нулевой флексией в им. падеже ед. числа окончание с кратким гласным очевидно преобладает. Ср. примеры:

a) K týmto slabým črtám mohli by pridať viac priatelia naši turčanskí, kde v *Mošovcach* asi roku 1804 zomrel v Pánu Arnošt Bácsmegyei, VAD, farár, č. kanonik, protonotár apoštolský, assessor atď. (1889, 67); Keby táto videla na jednej strane kaluž, bahno, zo druhej ale strany ružové *lôžko*: váľala by sa radnej v bahne než v *ružach* (1889, 23); Smutný osud majú uhorskí a poľskí vystáhovateli v uhofných *baňach* Pennsylvanie! (1889, 64); Neni ona *nahodilou* jednotou kresťanov, lež spoločnosťou od Boha založenou, ktorá rovno a hlavne smeruje k tomu, aby *dušam* pokoj a svätosť sprostriedkovala (1890, 34); Vdp. Vilhelm Szecsányi, č. kanonik ostrihomský, dekan a farár v *Prašicach*, stal sa farárom vo Veľkých Topolčanoch (1890, 61); O *Vianocach* vystavené bývajú k verejnej úcte... (1890, 8); Mluvu spišských Slovákov, či Slovanov možno roztriediť na tri nárečia: rusko slovenské, jakým mluví kolo 16.000 Rusniakov; na nárečie poľskoslovenské, uživané v Magure a po galicijských *hranicach*; konečne na uhorskoslovenské nárečie, podobné šárišskému a zemplinskému (1890, 4) — Minister financií Weckerle upozorňuje vrchmosti, že akísi neznámi švindleri cestujú po *stoliciach* a strašia ľud, že staré zlatovky sú už celkom baz ceny... (1890, 118); Nie ústami, ale nosom máme vraj dýchať, a túto nosovú dijetiku odporúčajú niektorí lekári jako ochranu proti *nemociam*, ba jako hlavnú podmienku zdravia (1890, 8); Ruka Rehorova utvorila zo zbytkov Rimanov, zo západných Gothov a Frankov, z Longobardov a Anglosasov rodinu národov, naleznuvšiu napriek všetkým *treniciam* jednotu v spoločnom Otcovi (1890, 36);

б) Ešte za časov Konstantína Veľkého jako aj pozdejšie v kláštoroch shromažďovali mníchov a mnišky k *pobožnostiam* — dľa starožidovského spôsobu — hlasom trúby (1889, 62); V liste svojom k Titovi napomína kresťanov, „aby boli kniežatom a *mocnostiam* poddaní; rozkazy jejích poslúchali“... (1890, 18); Viedeň mala smutné sviatky veľkonočné; udaly sa tu v poniektorých *predmestach* veľké výtržnosti (1889, 69); O zvláštnejších *udalostach* v Italii dočítať sa môžete v politických novinách, a jak viete, neni sú ony veselé (1889, 61); Mnohý človek tak lípi na telesných *rozkošach* a tak neni schopný duchovných radostí, žeby nenašiel v nebi nebo (1889, 23); A zas mnohý chorobou sklúčený, mnohé roky musel tráviť v *bolastach*, prial si ulavenie a nebolo mu udeleno, až klesnul v hrob (1890, 40); Cieľom spolku je napomáhať duševný a hmotný pokrok slovinského národa v náboženských, štátnych, obecných, školských, hospodárskych a spoločenských *záležitostach*... (1890, 51) — Nezabúdajme na sv. Bonifáca, ktorý jako nový poriadateľ cirkevných záležitostí v Bavorsku mohutne pôsobil v prospech znovuzriadenia kresťanstva v našich *zemiach* (1890, 36); Navštevovanie opatrovní má byť povinnovateľ vo všetkých *obciach* a k udržovaniu opatrovní majú obce prispievať prírazkami (1890, 36).

Интересно, что соответствующая флексия с кратким гласным была зафиксирована даже у существительного среднего рода *predmestie*, парадигму которого характеризует наличие стяженных гласных:

Viedeň mala smutné sviatky veľkonočné; udaly sa tu v poniektorých *predmestach* veľké výtržnosti (1889, 69).

³ Ср. в приводимых Л. Штуром парадигмах дублетные формы *ulicach (ulicjach), nocach (nocjach)* (Štúr 1957, 200, 202).

В формах существительных с функционально мягким согласным в конце основы наблюдается дальнейшее осложнение “штуровской” вариативности, так как выявляются формы соответствующих падежей с долгим гласным во флексии, но без дифтонгизации этого гласного. Это явление представляет собой существенное отклонение от среднесловацкой фонетической системы⁴ и, вероятнее всего, указанные формы оказались в письменных текстах этого периода *под влиянием бернолаковского литературного языка*, которого ранее придерживались словацкие католики. Распространены же они прежде всего в западнословацком диалекте. Ср. примеры:

Roku 1887. započala sa v Trenčanských *Tepliacích* stavba nového katolíckeho kostola... (1889, 60); (V bohatých nekdý strieborných *baňách*) v Španej Doline pri B.-Bystrici zastavil erár prácu, pretože nevyplácala sa (1889, 32); ...i u nás prichádzajú veľiké stvory, štvornohé zvieratá i operenci k *jaslám* betlehenským, ale nik sa na tom nepohorší jako inde (1890, 188); Lanského roku sa konaly v jaseň sv. misie v Detve, v považskom Novom Meste, v *Čachticách* a v Kuchyni (1890, 27); Ľud uveličený navštívoval cez sviatky vianočné chrám sv. jakubský, ba i z druhých fár chodievali sem ľudia návštevou, tak že tu každý sviatok a nedelu bývali hostia, ktorí tiež dávali svoj skromný darček malému Ježiškovi v *jaslách* (1890, 22); Preto vo svojich vlastných záležitostiach a v *medzách* svojimi obzvláštnymi cieľami vykázaných nie je žiadna podrobená druhej (1890, 48); ... (moderná veda) napáda ho už nie len z predku, ale aj od boku, hovoriac, jakoby o indiferentných *vecách*... (1890, 74).

Попутно заметим, что недифтонгизированные долгие гласные в позиции после функционально мягкого согласного представлены и в некоторых других словоформах, например, в парадигмах прилагательных и причастий:

Z tej istej príčiny ďalej je Cirkvi, jakokoľvek ona na vlastné svoje práva žiarlivá je, každé *cudzé* právo úctyhodné a sväté... (1890, 34); V celom všemíre (svete) nechádzame (!) ten najväčší poriadok, tie najrozumnejšie a nepremeniteľné zákony, ktoré zákony môžu pochádzať len od umu, *vládnucého* nad celým svetom (1890, 112); Nič *cudzého* neztrpí oko v sebe (1889, 74).

Проникновение морфологических форм западнословацкого происхождения, хорошо известных особенно словацким католикам вследствие того, что они длительное время использовали в качестве литературного языка языковую формацию, в которой генетически западнословацкие элементы являлись существенным компонентом структуры, в конце XIX в. было распространенным явлением. К числу таких явлений отнесем употребление форм род. падежа ед. числа одушевленных существительных муж. рода на *-a* с флексией *-u* взамен кодифицированных эксклюзивных среднесловацких форм с флексией *-i*. Ср. примеры:

⁴ По данным «Атласа словацкого языка» рассматриваемая форма все же спорадически встречается в говорах среднесловацкого диалекта, в частности в центральной части Оравы и некоторых населенных пунктах к северо-западу от Липтовского Микулаша (Atlas 1978, 89).

Z Ríma sa sdeľuje, že rektor českého kollegia v Ríme, Lorenzelli, odobere sa v sprievode pápežského *noblgardisty*, grófa Moroniho, do Prahy, aby tu odovzdal kniežaťu-arcibiskupovi grófovi Schönbornovi kardinálsky klobúk (1889, 69); Na žiadosť *predsedy* gr. Bloma, udelil ešte kardinál Ganglbauer shromaždeniu požehnanie a druhý katolícky sjazd bol zakončený (1889, 86); Z tej príčiny chcem verne vyprávať o dobe sv. Štefana, nakoľko je ona dosavád' bedlivým zkúmaním zjistená a hlavne od tmy, ktorú takrečený notár kráľa *Bely* (Anonymus *Belae regis notaris*) svojim prekrútením uvalil na dejepis Uhorska, očistená (1889, 90); Z príčiny teda i politickej i cirkevnej moravo-slovanský kráľ Rastislav vypravil poslov do Carohradu, prosiac od cisára Michaela a sv. Ignáca, *patriarchy* carohradského, slovanských kňazov, ktorí by učili ľud... (1889, 91); Povedomie o svojej hodnote mravnej dodávalo jej kroku smelší ráz, i odhodlane kráčala k domu svojho domnele najúhlavnejšieho nepriateľa, k domu richtára *Vrany* (1890, 85) — Na Pannu Mariu môžeme právom vzťahovať slová *žalmistu*... (1890, 72).

Иным примером вариативности являются формы им. и вин. падежей существительных среднего рода с основой на функционально мягкий согласный, которые имели либо флексию *-e*, либо флексию *-o*⁵. Формы указанных существительных среднего рода с флексией *-o* встречались в памятниках словацкой письменности добернолаковского периода, однако преобладающими все же не были [Лифанов 2000: 85]. Этот факт нашел отражение и в кодификации А. Бернолака, поскольку употребление названных флексий он допускал в качестве дублетных лишь у некоторых существительных с указанной основой [Pavelek 1964: 171]. Естественно, подобные формы отсутствовали в кодификации Л. Штура, но в текстах газеты «Католицке Новины» они вновь обнаруживаются:

... jeho užší konec položil na ľavé *pleco*, za šnôru držal ho medzi zubama a s dvoma drevenými kladivkami bil naň, krúťac sa s ním dokola (1889, 62); Človek sa stúli v jednom okamihu, hodí škrablicu o *pleco* a opre o ňu *lico* pác! a zverina tancuje hore paprčkami! (1889, 87) — Skrýša tá je *srdce* jeho (1889, 41); Smutnou, zachmúrenou jasnou krajinou kráčal pútnik cez *pole*, pozbavené už rúcha svojho kvetnastého (1889, 57).

С кодификацией А. Бернолака корреспондируют также формы предл. падежа ед. числа существительных мужского рода с основой на *s* с флексией *-i* [Pavelek 1964: 163], восходящие к западнословацкому диалекту⁶ и отсутствовавшие в кодификации Л. Штура, но конкурирующие с формами с флексией *-e* в текстах изученной газеты:

⁵ По нашему мнению, наличие форм с флексией *-o* в памятниках западнословацкой и среднесловацкой письменности следует рассматривать как явление западнословацкого происхождения, несмотря на то, что подобные формы существуют в верхнеоравском говоре [Štolc 1994: 66].

⁶ Инодиалектное влияние, вероятно, проявляется и при образовании отдельных форм, поскольку нарушает его механизм, действующий в словацком литературном языке и восходящий к среднесловацкому диалекту: Roztľčený oblok neubrání pred *dážďom*⁶ (совр. *dažďom*) a sňahom, aj prach vchádza takým oknom do izby (1889, 23); Všetci tí, ktorí túža po štáte beznáboženskom a preto šliapu nohama po všetkom, čo je cirkevného a náboženského, pri tom ale stále o svobode a pokroku rozprávajú, - nezaslужujú nič lepšieho, len aby železná ruka vojenskej vlády mávala jim po *chrbate* (совр. *chrbite*) kusami pastierskej palice jimi polámanej v podobe knuty (1890, 62).

...v banskobystrickom biskupstve, v stolici nitranskej, v *okresi* priedvidzskom... (1890, 158); Chodieval obyčajne do mesta do práce a v zime, keď zednickej práce nebolo, živil sa drevárstvom v *lesi* alebo zahalal docela (1889, 69) — To zkusila Milka, keď sa tam v *lese* osamotela a opustená modlila; podobne i Milkina matka, keď sa v žalári kolenacky Bohu v náručie hodila (1890, 189).

Еще одним подобным примером является употребление форм им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода с долгим или кратким гласным во флексии:

Na *slova* Andrejove vzhopil sa Fero, že vraj donesie peniaze za vola, aj pušku pre brata, keď vraj sa mu jej tak veľmi zažiadalo (1889, 87); Mohol by si si myslieť, že sú najčistejšie *zvieratka*; avšak hneď usadnú zase na najošklivejšie veci a sýťa sa z nich (1889, 6); Tieto *proroctva* buď pochádzajú od iných, alebo od samého Ježiša Krista (1889, 34); Čo je slnce na nebi pre hviezdy a celý svet, to je Cirkev a náboženstvo pre školy a fabriky, pre dediny a *mesta*, paláce a chýže, pre osvetu a kultúru, pre celé človečenstvo i pre náš ľud slovenský (1890, 3); Rovná snaha je všetkých kníh a časopisov, ktoré ozdobiač *čela* svoje slavnými menami svätých Cyrilla a Metoda... (1890, 73); ... vy ste vysokourodené osobnosti, *kniežata* i kňažne (1890, 117) — Však ale veľmi málo umení najdeme, ktorých *pravidlá* byly by tak ťažkými a neznámymi a ktoré tak nešťastne zanedbávané bývajú, jako práve *pravidla*, pojednávajúce o výchove! (1889, 31).

Вполне естественным представляется отсутствие кодифицированных форм с флексией *-i* в рассматриваемом падеже у одушевленных существительных с суффиксом *-c(a)*, так как даже сам Л. Штур допускал у них дублетные формы типа *sudcu / sudca* [Štúr 1957: 198]. В то же время форма *sudca* связывает все три рассматриваемые этапы развития словацкого литературного языка, поскольку только ее кодифицирует А. Бернолак [Pavelek 1964: 155]. Представляется, что данная форма возникла *под опосредованным влиянием чешского языка*⁷. Ср. примеры из газеты «Католицке Новины»:

Môžem si predstaviť Jeho Matku, najsvätejšiu Pannu, s jej nevinnosťou a slávou, svätého Andela *strážca* (1889, 12); Vysvitá to zo slov bezmenného *pôvodca*, ktorý dľa Mabillona žil pred VIII. storočím... (1889, 62); Jako hrdinu a *obranca* augsburgsko-luteranského vierovyznania, vyučeného na protestantských univerzitách, nič na svete nebolo by vraj v stave, pohnúť ma ku prestúpeniu do katolickej Cirkve, jedine milosť Božia, ktorá mi vnukla uprimnú iskrennú žižň za pravdou (1889, 66); Od pána *správca* (1889, 35); Jeho nástupcovia, Adrian II. a Ján VIII., však pokračovali vo zplnení bohumilého úmyslu *predchodca* svojho (1890, 44); Či je válečný boj bez *vojevodca*? (1890, 14).

Иногда *в качестве варианта* морфологической формы *выступал* очевидный *богемизм*, функционировавший наряду с генетически словацкой формой. Такое явление наблюдалось, например, в род. падеже

⁷ В чешском языке названные существительные в им. и род. падежах ед. числа имеют флексию *-e*, отражающую результат фонетического процесса перегласовки. Именно такая форма была кодифицирована и А. Бернолаком [Pavelek 1964: 155]. В словацком литературном языке конца XIX в. также представлены формы с омонимичными флексиями, однако, естественно, с неперегласованным гласным.

мн. числа существительного *ruka*, где были зафиксирована предположительно⁸ словакизированная форма *rukú*⁹, восходящая к чешской *rukou*, а также генетически словацкая *rúk*:

Ja som to videl, a chválil som Boha v kráse v tomto diele *rukú* jeho a zaplesal som, že tú krásu dal Pán Boh Slovákom (1890, 117); Všetci obrátili sa v tú stranu a skutočne vyzeralo to tak, akoby sa bili, lebo Štefan nijako nechcel Brtkovú pripustiť ku slovu, ktorá sa chcela zbaviť Štefanových *rukú* vrtením hlavy a všeliakými pohybami *rúk*, čo zase vyzeralo, ako by ho chcela objasť (1890, 23); Kostolník porozumel Jurgošovej; v tom okamžiku chytil nešťastnú Brtkovú za ruku a zrovna tak chytró desať *rúk* chytalo kľučku, aby sa jej mohli zbaviť (1890, 23).¹⁰

Процесс регрессивного развития словацкого литературного языка¹¹, характерный для второй половины XIX в., в отдельных случаях зашел так далеко, что *кодифицированные Л. Штуром формы оказались* практически полностью *вытесненными* из литературного языка, подвергшись замене традиционными. Так, например, в парадигмах ед. числа имен существительных женского рода, обозначающих высокопоставленных лиц эпохи средневековья, а также родственников, и в формах им. и вин. падежей мн. числа в изученных текстах последовательно представлены субстантивные флексии, тогда как в кодификации Л. Штура их характеризовали флексии адъективные. В более поздний период произошел возврат к кодификации Л. Штура. Ср. примеры из газеты «Католицке Новины»:

Dve *arcikňažny* (совр. *arcikňažné*): Maria Valeria a Margareta, mali v ňom sobáše (1890, 125); Sobáš *arcikňažny* (совр. *arcikňažnej*) Margarety, dcéry arcikniežaťa Josefa, s kniežaťom nemeckým Albertom Thurn-Taxis-om bol 15. júľa v zámku budínskom (1890, 125); Poznenáhla prikvarí aj domová *gazdina* (совр. *gazdiná*) so skrovnou večerou (1890, 11); Hrajme sa na „*gazdinu*“ (совр. *gazdinú*), čo nás nedávno tetka Tereza naučila (1890, 30); Eleonora, *kňažna* (совр. *kňažná*) z Wallheimu (1890, 29); Malá slepá *princezna* (совр. *princezná*) Ottilia, dieťa osemročné, sedí v lenoške (1890, 31).

Состав морфологических форм, реально функционировавших в литературном языке, был расширен не только за счет западнословацких, но и *некодифицированных региональных среднесловацких форм*. К их

⁸ Информацией о распространении данной формы в говорах словацкого языка мы не располагаем.

⁹ Аналогичную форму у существительного *prse* (совр. *prsia*) кодифицировал Л. Штур [Štúr 1957: 195]. К сожалению, примерами ее употребления в текстах газета «Католицке Новины» мы не располагаем.

¹⁰ Чешским влиянием объясняется также употребление в твор. падеже мн. числа этого же существительного, а также существительного *noha* форм с флексией *-ama*, поскольку соответствующие формы других существительных не употребляются: S pozdvihnutými *rukama* (1889, 47); Všetci tí, ktorí túža po štáte beznáboženskom a preto šliapu *nohama* po všetkom, čo je cirkevného a náboženského, pri tom ale stále o svobode a pokroku rozprávajú, - nezasluhujú nič lepšieho, len aby železná ruka vojenskej vlády mávala jim po chrbáte kusami pastierskej palice jimi polámanej v podobe knuty (62).

¹¹ Регрессивным мы называем такое развитие словацкого литературного языка, которое вело к возврату форм, характеризовавших его более раннее состояние.

числу относятся, к примеру, формы твор. падежа мн. числа существительных с функционально мягким согласным в конце основы. Флексии этих форм, будучи первоначально краткими, в отдельных среднесловацких (и западнословацких, испытавших влияние среднесловацких¹²) говорах под влиянием флексий дат. и предл. падежей приобрели долготу, последствием чего стала дифтонгизация гласного флексии. Ср. примеры:

Ja sa nemôžem uspokojiť s žobráckou polievkou a *krumpliami* a viem sebe lepšej výživy zaopatriť! (1889, 14); ...len brániť ho treba pred nezabohmi a všeliakými mudrlantmi, obhajovať pred známymi zkazonosnými *pijaviciami* a na základe opravdive kresťanskom poučovať a vzdelávať... (1890, 28); Tu už príroda sa výdatnejšie postarala o svojich obyvateľov úrodnými *poliami*, súc vstave všetkých čestne vyživíť (1890, 28); A odfukovali ona i on; pričom hral sa on prstami so zlatou retiazkou, combílal ona ťažkými *zaušnicami* (1890, 116); V našich pomýlených časoch, v ktorých cvenk peňazí hýbe *srdcami*, obmäkčuje i tých najzatvrdnutejších protivníkov, špate dodáva pôvabu, nakloňuje neshybných, prázdne hlavy plní rozumom, nestydatosti dáva mno vtípnosť a na bezočivú neohrabanosť hovorí, že sú to vzdelané spôsoby... (1890, 116).

Вариативные формы фиксируются также в формах дат. и предл. падежей заимствованных существительных женского и среднего родов с основой на гласный *i*, парадигмы которых находились на стадии формирования. В настоящее время в парадигмах названных существительных представлены соответственно флексии *-át* и *-ách* с долгим гласным, тогда как в рассматриваемый период эти существительные употреблялись преимущественно с кратким гласным во флексии, а формы с долгим гласным употреблялись еще очень редко. Это объясняется тем, что их распространению препятствовал фонетический фактор, а именно: необычное для словацкого языка сочетание двух гласных:

Ovšem i my vzdávame časť a chválu silnému duchu Palárika, že úplným pokorením sa zvíťazil sám nad sebou, odvráťac sa od lichej slávy sveta, nešiel cestami pýchy a hlavatosti kacierskej, po jakých kráčali ku pr. Hus, Luther a t. p., ale radšie tešil sa a vzbudzoval príkladami svojich miláčkov v *študiach*... (1890, 56); ...kultúru, vzdelanosť, osvetu u Poliakov chce šíriť len rečou nemeckou, nie národnou poľskou: a voči tomuto politickému prúdu, voči panujúcej mienke politickej, navzdor vyhláseným, zjavným *ašpiráciám* a nariadeniam štátnej vlády, navzdor inkompatibilite medzi poľskou rečou a patriotizmom štátnym úradným, - biskup katolícky nakladá klerikom v školách cirkevných, aby sa učili reči, ktorá je vládou vytvorená z verejného života a zo všetkých škôl... (1890, 5); ...keď sme mali podrost na *gymnasiach*, *akademiach* a universitách, ktorý vtedy ešte vysoko niesol hlavu... (1890, 82); Jeho Veľkomožnosť p. farár sa po *ních* o sv. *missiach* takto vyslovuje: „Ľud môj má z nich veľkú radosť...“ (1890, 28) — Pripravujú cestu k *missiám* povzbudzujú ku vydržiavaniu jich, podávajú úšľachtilú zábavu v čítaní... (1890, 10).

В качестве аналогичного примера может служить вариативность форм предл. падежа ед. числа, а также им. и вин. падежей мн. числа

¹² Форма *husľami* sa vyskytuje sporadicky popri forme *husľami* v hor. Trenčianskej, na hor. Nitre a v Novohrade [Atlas 1978: 95].

существительных мужского рода с основой на *r* и *l*, склонение которых в кодификации Л. Штура специально не оговаривалось. В изученных же текстах они склонялись как по типу *dub*, так и по типу *stroj*:

a) Kým on usilovne pracuje, v tom istom čase paní toho domu si hrá na *klavíre*... (1889, 50); Za našich časov zápasia na *papiere* písmy o nebe a peklo (1890, 62); Ľud náš predstavuje si okolnosti Narodenia Pánovho po svojsky: maštal drevenú, slamou odenú, pastierov v krpeoch s dudami na obnôčke, ovce v *košiare*, dary z našich salašov a komôr... (1890, 188); V najstrašnejšom *žaláre* mojego zámku budete za zločin svoj pykať (1890, 68) — To zkusila Milka, keď sa tam v lese osamotela a opustená modlíla; podobne i Milkina matka, keď sa v *žalári* kolenačky Bohu v náručie hodila (1890, 189); Vo Veľkej Bytči staly sa v mesiaci *februári* a marci t. r. dva prípady vyznania viery rim. katolickej (1890, 61);

б) Biskupi milovali viac meč nežli kríž, svetskí bohatí ľudia poľovačku a *poháry*, kňazi ledva vedeli čítať liturgiu a vysvetliť „Pater noster“ a „Credo“ (1889, 91); Temer všetky *kufry* a vaky boli po poliach a zahradách rozmetané, ovšem vylámané a vydrancované (1890, 86); Dľa „Australian Catholic Directory for 1889“ (Sydney) nalezá sa v Austrálii 32 biskupstiev, 1115 chrámov, 491 kňazov svetských, 294 rehoľných, bratov rehoľných 315, sestier rehoľných 2364, 2 *semináry*... (1889, 61); — Boly *semináre*, jako ku pr. Nitra, B.-Bystrica, Spiš, kde všetci temer predstavení ho odberali a zvedavo čítali... (1890, 73); A nábožní veriaci radi nasledujú toto pokynutie prírody; oni nielen *oltáre* mariánske kvietim okrašľujú, ale aj srdcia svoje ľúbznou k Rodičke Božej oddanosťou, úctou ozdobujú, spevmi a plesmi ju oslavujú a obetujú jej čistý kvet srdca svojich, modlitbu, aby ju predniesla Pánu (1890, 71); Kto mi za to dá 4 *krajciare*? (1890, 85).

Специфический тип вариативности наблюдается в формах род. падежа мн. числа в парадигмах существительных среднего рода на *-stvo*, *-ctvo*. Дублетность форм названных существительных была представлена в кодификации Л. Штура, однако *обе в литературном языке не прижились*. Л. Штур предлагал образовывать рассматриваемые формы либо при помощи нулевой флексии без вставного гласного, либо при помощи флексии *-ov* (графически *-ou*): «*Panstvo, kráľovstvo, náboženstvo* имеют формы род. падежа *panstv, kráľovstv, náboženstv*, однако эти слова в такой огласовке сложно произносить, поэтому у них и у подобных слов бывают формы род. Падежа с окончанием *ou*, т.е. *panstvou, kráľovstvou, náboženstvou* и т.д.» [Štúr 1957: 205]. Однако и та, и другая формы отличались эксцентричностью: первая была труднопроизносимой, что отметил и сам Л. Штур, а вторая противоречила формальному устройству категории рода в словацком литературном языке, так как существительные среднего рода употреблялись с “мужскими” флексиями. Вследствие этого в текстах газеты «Католицке Новины» употребляются преимущественно формы с генетически чешской флексией *-í*, но появляются также морфологические инновации с нулевой флексией и вставным гласным *ie*, которые позже в словацком литературном языке полностью побеждают:

Pohanský štát rímský obviňoval kresťanov zo zločinu urazenja cisárskeho veličenstva, zapierania štátnych *božství*... (1889, 59); Konala sa tohože roku 22. júla, ktorá slavnosť sa v prítomnosti nie len tunajších pp. Duchovných, lež aj z cudzích *biskupství* kňazov vybavovala

(4889, 60); Po dlhšej porade najdôst. pp. biskupi usniesli sa, že, jako r. 1840 v záležitosti miešaných *manželství* a r. 1880 v záležitosti trestného zákona, i v tejto veci obráťa sa na sv. Otca v Ríme, od neho budú prosit' návod, predbežne však ministerské ono nariadenie navyhlása (1890, 67); Anglicko a Wales rozdelené je na jedno arcibiskupstvo (Westminster) a 14 *biskupství*¹³ s 1340 kostolmi a 2339 kňazmi katolíckymi (1890, 59); Takto pôvodca, vychádzajúc z neodvislosti svobodného smýšľania, dospel k apológii pozitívnych *náboženství*, poťažne náboženstva katolíckého, jakožto jestvujúceho vo Francúzsku (1890, 74) – Zrušenie *spoločenstiev* kláštorných bolo, jako známo, prvým činom Henrika VIII. po jeho odpadnutí od Cirkve katolíckej... (1890, 68).

Подтверждением тому, что названные генетически чешские формы (*nebezpečství, zbojství, panství*) в словацком литературном языке конца XIX века занимали прочные позиции, была их кодификация С. Цамбелом, который специально подчеркивал нежелательность употребления форм с нулевой флексией как без вставного гласного (*nebezpečstv, zbojstv, pánstv*), кодифицированных Л. Штуром, так и морфологических инноваций со вставным гласным (*nebezpečnstiev, zbojstiev, panstiev*) [Czambel 1919: 59].

Иногда на недостаточную сформированность нормы накладывается взаимодействие предшествующей литературной традиции, что одновременно связано с воздействием инодиалектной (или чешской) системы. Такое взаимодействие различных факторов наблюдалось при образовании форм род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода. Названные формы образовывались при помощи нулевой флексии и продления корневого гласного основы (за некоторыми исключениями). В изученных текстах, однако, с современной точки зрения иногда происходят “сбои”: у одних форм этого продления не наблюдается, у других, представляющих собой исключение из этого правила, оно, напротив, реализуется, у третьих при продлении гласных в позиции после функционально мягкого согласного в конце основы продление не сопровождается дифтонгизацией. Ср. примеры:

Z mest (совр. *miest*) ležiacich na brehu rieky Missisipi oznamujú, že rieka zaplavila okolie, pri čom mnoho ľudí prišlo o život (1890, 62); ...ľubezná vôňa *kvetin* (совр. *kvetín*) tiahne ho v duchu ku kvetom čnosti, aby sa stal „dobrou vôňou Krista“ a Matky jeho (1890, 71); Blud všetkých tu uvedených *nauk* (совр. *nauk*) je, že nenávidia Boha a kresťanstvo, jako by jim i Boh i kresťanstvo prekážalo dosiahnuť blahobyť... (1890, 67); A odpovedá: není, preto že má nedostatok zásad a základných *pravd* (совр. *práv*), z čoho vychádza stranníctvo a nesmieriteľnosť strán (1890, 77); Tento hned' príjúc, pozdravil Marianu prívetиво a dakol'ko potešiteľných *slôv* (совр. *slov*) jej povedev, šiel potom k jej mužovi hore (1889, 38) — Sv. Method pamätlivý závetných *slov* brata svojho, vyjdúc zo svätého mesta na biskupstvo posvätený a na duchu obodrený, navrátil sa do zeme na brehoch Moravy a Váhu, pokračoval

¹³ Ср. форму им. падежа мн. числа: ...jeden horlivý úd spolku sv. Adalberta (Vojtecha) i v týchto novinách bol žiadal, aby ct. Správa spolku poprosila všetkých našich pp. Biskupov, aby ten spevník pre svoje *biskupstva* prijať, organistom preporučit', pre chóry a školy z kostolnej kassy ho kúpiť dovolit' ráčili (1890, 35).

v diele, a to so zdarom... (1890, 44); Stromok môže zahynúť i od veľkej bujnosti *š'áv* (совр. *št'áv*) (1889, 74).

Строгие правила образования названных форм отсутствовали также в тех случаях, когда в конце основы образовывалась группа согласных, которую разделял вставной гласный. Л. Штур кодифицировал формы со вставными гласными *-á-* и *-ie-* (графически *-je-*) после слогов с кратким гласным, не установив правило их распределения, и со вставным *-o-* после слогов с долгим гласным [Štúr 1957: 199-200]. В рассмотренных текстах репертуар вставных гласных оказывается богаче. Кроме того, у отдельных лексем по сравнению с современным словацким литературным языком обнаруживаются формы с иными, хотя и кодифицированными вставными гласными. Ср. примеры:

U mnišek (совр. *mnišok*) ale tuším bol vo zvyku spev k budeniu, lebo sa číta, že v jerusalemskom kláštore sv. Pauly spievali „Hallelujah“ a tým spiacie budily a povolávaly k modlitbe (1889, 62); Najlepšou pomocou by ovšem bolo, keby kresťanstvo preniklo do všetkých *vrstev* (совр. *vrstiev*) ľudských, jako do tried zámožných, tak i medzi chudobu (1890, 66); Duchovných pánov bratov prosím o láskavé odporúčanie dielka a ochotné sobjeranie *objednavók* (совр. *objednaviek*), jako to pri mojom prvom vychovávateľskom dielci „Len jedno je potrebné“ z lásky k dobrej veci s toľkým zdarom učinili (1889, 64); Z tých je: milion ohavných *nádavók* (совр. *nadávk*) a lhárstva proti Cirkvi; 344.000 ľahostajného ducha, no nemenej plných *ušklbók*¹⁴, a len 50.000 počíta sa za dobré (1889, 28); Na to roztvoril knížku a vyčítal z nej 60 zlatých z pekne poukládaných *zlatovák* (совр. *zlatoviek*), ktoré bola Betka nedávno aj vypiglovala... (1889, 86).

Не всегда количество *дублетных форм* увеличивалось. Иногда, напротив, оно *стремилось к сокращению*. Такое явление, кроме уже упомянутых существительных женского рода, которые в настоящее время образуют тип *gazdiná*, характеризует формы предл. падежа мн. числа существительных мужского рода, в которых Л. Штур кодифицировал флексии *-ach* и *-och*¹⁵ [Štúr 1957: 190, 193]. Первые, однако, в текстах газеты «Католицке Новины» уже не встречаются. В то же время иногда обнаруживаются соответствующие формы с долгой флексией *-ách*, которые с *функциональной точки зрения* являются *совершенно иными*, поскольку не имеют родовой характеристики, так как совпадают с соответствующими флексиями в парадигмах женского и среднего родов. Ср. примеры:

Slova tieto síce možno rozumeť i o *zvonoch*, a preto nutno uviesť zrejmejšie svedoctvo (1889, 62); Nakoľko heslo „Spojenými silami“ má platnosť v každom obore činnosti ľudskej, vyslovuje sjazd katolíkovi nádej a žiadosť, že všetci na kresťanskej pôde stojaci učenci Rakúska spoja sa k obhájeniu a k uskutočneniu zásad kresťanských vo všetkých *oboroch* vedy (1889, 77); Príležitosť k tomu vhodná: udierať na buben vlastenectva, nabiť kňazom ľudu slovenského do hláv vysoké a široké o jich povolani jakožto apoštolov maď. „kultúry“ v horních *krajoch*

¹⁴ В современном словацком литературном языке данное слово является существительным мужского рода.

¹⁵ Lokál obojaký na *ach* i *och* je obyčajný a dobrý... [Štúr 1957: 195].

Uhorska... (1890, 21); Na ústredných polohou svojou a vo všetky strany pozorných *vrškoch* stavali svoje centralné salaše, kde pre dedu baťka nescela chybovať ochranná bašta, na mieste povýšenejšom, dačo i od prírody hájenom, stavänia, z kadiaľ mohol prezierať celý svoj vidiek (1890, 5); Spolok ten podáva ľudu slovenskému za pár krajciarov poklady múdrosti kresťanskej, ktorá není pozlátená leskom slávy sveta tohoto, podáva mu poklady v *spisoch* náboženských... (1890, 10); Nie v skryte, jako ešte pred 100 rokmi, ale verejne len samom Londýne v 155 *kostoloch* a kaplnkách 387 kňazov slúževa mše sv., káže slovo Božie a vysluhuje sv. sviatosti katolikom (1890, 59); Keby nebolo tých bezpustností pri *hodoch*, svatbách, kršteniach, karminách a pohrabných *karoch*, bolo by i to lepšie v rodinách (1890, 2); Pod assentírku prídu mladíci narodení v *rokoch* 1870, 1869 a 1868 (1890, 190) — Daj Bože, aby nastalý rok bol nám jedným krokom v *hodách* pokania ku šťastlivej hodine smrti! (1889, 10).

Итак, широкая вариативность падежных форм имен существительных в словацком литературном языке конца XIX века была обусловлена целым рядом факторов. Частично она восходила к предшествующим кодификациям, т. е. сохранялись вариативные формы, представленные в кодификации Л. Штура (в неизменном или модифицированном виде) либо допускалось употребление форм, выступавших как в кодификации Л. Штура, так и А. Бернолака. Кроме того, вариативность могла формироваться за счет диалектных языковых средств (западнословацких или среднесловацких), бегемизмов и, возможно, определенных конструктов, создателями которых были сами кодификаторы. Объективно такое количество вариативных форм было избыточным, что и обусловило необходимость новой кодификации словацкого литературного языка, осуществленной С. Цамбелом в самом начале XX века.

Л и т е р а т у р а

- Лифанов К. В.* Язык духовной литературы словацких католиков XVI – XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. Москва, 2000.
Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť druhá. Úvod – komentáre. Bratislava, 1978.
Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Tretie vydanie. Turč. Sv. Martin, 1919.
Pavelek J. (editor). Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1964.
Štolc J. Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.
Štúr L. Slovenčina naša. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, 1957.

К изучению совокупности счётно-количественных слов сербскохорватского (сербского и хорватского) языка

© кандидат филологических наук В.П. Гудков, 2009

Составной частью создания современной описательной грамматики сербского (сербского и хорватского) языка должно стать равно внимательное и уважительное отношение к тем группам лексических единиц, морфологические характеристики которых своеобразны (например, существительные типа *подне*, ген. *поднева*, мн. *подневи* и *поднева*; *резиме*, мн. *резимеи* и *резимеа*, *бициклист(а)*, ген. *бициклисте*, мн. *бициклисти* и т.п.).

Сербский лингвист, член Сербской академии наук и искусств Ирена Грицкат констатировала: «Тенденция всех счетных слов и выражений к неизменяемости является характерной чертой нашего языка, выражающейся в самых разных явлениях... Несклоняемость числительных ведет за собой утрату склонения других слов, выступающих в функции числительного: видео сам *сила јунака*»¹.

В существующих грамматиках и словарях счетно-количественные слова квалифицируются и описываются неединообразно и противоречиво с использованием референций трех частей речи: существительных, числительных и наречий. Два примера. Данко Шипка определяет слова от *двадесетак* до *стотињак* как склоняемые имена существительные с беглым a^2 , хотя в сербских и хорватских текстах они давно функционируют как несклоняемые (за исключением форм множественного числа слова *десетак* – *десеци*, род.п. *десетака*). В новейшем же однотомном словаре сербского языка эти слова характеризуются как наречия (!)³.

К группе счётно-количественных слов принадлежат такие лексемы, как *десетак*, *двадесетак*, *стотинак* (*стотињак*), *стотина* (род.п.: *поклици из стотине грла* и *жагор из стотину хиљада грла*... С. Јаковљевић), *хиљада* и *тисућа*, *милион*, *милијарда*, *миријада* (Над њима је било миријаду звезда. Црњански), *безброј*, *бескрај* (Ускоро га безбројно девојака, хиљаду, милион, милијарду... чекало... Бескрај жена чекало... Растко Петровић), *десетина* (Пробуђен из сна који му траје већ више од десетину година... М. Црњански), *двадесетина*,

¹Грицкат Ирена. Актуелни језички и текстолошки проблеми у старим српским ћирилским споменицима. Београд, 1972. С. 61.

² Danko Šipka. Osnovi morfologije. Beograd, 2005. S. 199.

³ Речник српскога језика. Нови Сад, 2007.

четврт и *фрталъ* (После четврт часа... одоше на пут. Светолик Ранковић), *недеља* (Било је пре једно недељу дана. Лаза Лазаревић), *месец* (Од данас па до месец дана, доћи ће ми твој син... Иво Андрић), *година* (Прошло је већ више од годину дана... Бранко Ћопић), а также *низ*⁴, *пар*, *сијасет*.

Симптоматичным показателем является согласование в среднем роде родовых форм сказуемого или атрибутов с многими из перечисленных существительных, сопровождаемых в словарях пометой *м*, т. е. муж. род (Свако десетак дана пошта је доносила писмо... Иво Андрић; Лежало је на земљи десетак наших уништених авиона. Стеван Јаковлевић; Скупило се сијасет муха. Цитата из словаря Матицы сербской).

Описание морфологии сербскохорватского языка строится всё еще по схемам традиционной классической грамматики. Это касается, в частности, частеречной характеристики разных лексем. Необходимо пристальное изучение языка литературных текстов нового времени с непредвзятым отбором и квалификацией речевых фактов⁵.

⁴ *Jonke Ljudevit. Deklinabilnost ili indeklinabilnost imenice «niz, niza» // Jonke L. Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb, 1964. S. 124-125.*

⁵ Данный текст является вариантом тезисов доклада, сделанного автором на симпозиуме в Белграде в июне 2008 г.

Метатекстовые вставки («слова в скобках») и их функции в текстах периода Болгарского национального возрождения

© кандидат филологических наук М. Димитрова (Болгария), 2009

Деятели Болгарского национального возрождения вели активную и целенаправленную работу по формированию лексической системы новоболгарского литературного языка. О многоплановом характере этого процесса свидетельствует, в частности, весьма распространенное в тот период явление, традиционно называемое «слова в скобках»¹. Практика использования таких слов существовала довольно длительное время.

В своем исследовании под «словами в скобках» мы понимаем метатекстовые вставки различного характера. Пояснительные отношения авторы рассматриваемых текстов выражают не только через прямое соотнесение двух и более лексем, но и посредством слов *тоест*, *сиреч*, а также с помощью толкований (определений) в случаях, когда объект предположительно неизвестен читателю. В целом такие вставки представляют собой перевод или объяснение некоторых слов и словосочетаний с помощью других слов и словосочетаний, а также их сопоставление.

Нами была рассмотрена языковая практика двух периодических изданий – «Любословие» (1844-1846) и «Летоструй или домашен календар за 1869 година». В обоих журналах публиковались тексты энциклопедического характера, ориентированные на массового читателя. Время их издания относится к разным подпериодам становления новоболгарского литературного языка: «Любословие» ко второй четверти XIX века – периоду начального формирования, а «Летоструй» к третьей четверти XIX века – периоду ускоренного развития². Слова в скобках в текстах этих журналов отражают процессы стабилизации лексики новоболгарского литературного языка, а также (в определенной степени) представления авторов о путях этой стабилизации.

Исследование основано на материале аннотированных электронных корпусов обоих изданий. На базе этих корпусов получены и все представленные количественные данные.

С чисто статистической точки зрения слова в скобках – довольно редкое явление в рассматриваемых текстах. В корпусе журнала «Любословие» зафиксировано 132 примера (это означает, что пояснительные

¹ См. также Николова 1996, Иванова 1998, Александрова 2006.

² По вопросу периодизации новоболгарского литературного языка см. также ИНКЕ 1989: 45.

отношения присутствуют в 2,73% словоупотреблений). В корпусе журнала «Летоструй» – 81 пример (1,77% словоупотреблений).

В подавляющем большинстве случаев слова в скобках представляют собой межъязыковой перевод. Однако сопоставление полученных по двум журналам данных показывает, что количество пояснений переводного типа со временем резко сокращается, причем одновременно возрастает удельный вес пояснений когнитивного характера. В текстах более раннего журнала «Любословие» число последних значительно меньше, чем в текстах более позднего журнала «Летоструй», где они преобладают.

На основании полученных в ходе исследования данных мы можем предложить следующую классификацию слов в скобках с точки зрения их содержания:

1. Сопоставление различных систем измерения:

1.1. Время (указание дат) и расстояние

*Казуват, че това землетресение толкува стана силно, щото Цариградско море се оттръгна в разстояние **три миля (един почти час)**, и многу корабли се изгубиха. (Лб)³*

*Пурим (избавление, шекер-байрам) на **14 от месец Адар (14 Февруария)** в память за избавление чрез Естир от истребление. (Лс)*

1.2. Масса (вес) и размер

*Тяжина-та на едно обыкновенно писмо е отъ **3 драма (10 грамма)**. (Лс)*

1.3. Время по праздничным календарям

*Хаз-Хассеуотъ (**Пятдесятница, Гюл-Байрам**) празнува ся на 6 и 7 от месец Сиван в память за даденый от Бога закон. (Лс)*

1.4. Денежные суммы (денежные единицы)

*(...)Галское правление (...) направи мостове и пътища, за които дава **65 милиона франги (около 300 мил. грош.)** (Лб)*

2. Соотнесение названий мест, а также имен отдельных личностей:

2.1. Места

*Казуват че многу жито и друга таква житна храна докараха во Европа из **Америка (Енидуня)** (...) (Лб)*

*У Турция има преселены и неколко Руссы; такыва са Липованити у **Молдавия (Богданско)** и Казацита по Добруджа. (Лс)*

*За **Текирдагъ (Родосто)** отплувва всякой Вторникъ и Събота зарань, и отбива ся въ Силверия и Хераклии. (Лс)*

2.2. Личности

³ Примеры даны в частично нормализованной графике – в части букв, отсутствующих в современной кириллице и латинице. После каждого примера в скобках указан источник: «Любословие» – Лб и «Летоструй» – Лс.

Именуваат се така от Леллиа Сукина (Sozzini) благородна Сиенина (...). (ЛБ)

Кралъ Лудовикъ II (Отонъ-Фредерикъ-Вилхелмъ), родилъ ся на 5 Авг. 1845, въцари ся на 10 Марта 1864. (Лс)

3. Введение определений и пояснений:

3.1. Праздники

На 10 от месяц Зил-хыджэ (...) празнуват вторый Байрам Курбан-Байрам или Иуд-и-Адха (праздник за жрътвоприношение), кой-то трае четьре дни. (Лс)

3.2. Места

*Тия се именуваат така защото Германски-те Князове, кои-то приеха ново поучение, засвидетелствоваха се в **Спайерско-то собрание (град у Бавар.)** на 1529-то лето напротив на сека чрез законна власт во вероисповедание-то (...). (ЛБ)*

3.3. Этнонимы

*Въ това суцо время (...) и Лигуре (на днешний день **Бошняцы**) пострадаха тая суца жестокость (...). (ЛБ)*

*Между Рупцы-ты (...), както и по Плевенско и по Ловечско има **Българи мюслимане, известны подь имя Помаци.** (Лс)*

3.4. Различные явления окружающего мира, называющие их термины

*За да направи да се развият скоро просвещения (...) реши ся и определи ся Цар да построи въ К. град (...) една **врачебна Академія, верховно сир. училище**, в кое да се преподава и учи особно врачебна наука и **Фармакопеа (за евцы)**. (ЛБ)*

***Термометръ (мера за горещината)** значеше 8 степени подь зеро и **идрометръ (мера за влага)** беше слезналъ до 15 пръсты 1 черта (линея). (ЛБ)*

***Жилы-ты**, по кои-то тече кръвъ-та камъ сръдце-то, наричатъ ся **вены**; а **жилы-ты**, по кои-то сръдце-то кара кръвъ-та по сичко-то тяло, наричатъ ся **артерии**. (Лс)*

4. Межъязыковые лексические параллели:

4.1. Болгарское/церковнославянское/русское слово — неславянское слово

*Тоя **зодчій (архітекторъ, маймарбашиа)** (...) възвыси и по-высок направи оный свод около дваесетъ оце повече высок от каквото беше по-напреш. (ЛБ)*

*Предавачъ-тъ на такова уздравено писмо (...) треба да го покаже на пощанскый служител, от кого-то и да приеме една **исправа (тескере, билет)**. (Лс)*

4.2. Неславянское слово — болгарское/церковнославянское/русское слово

*Именуваѣ се така вообще онѣя Христѣане, кои-то се отричатъ и не приматъ **трѣсипостатонъ (три лица)** на Бога, тѣя се называтъ и противотроични. (Лб)*

*Арнаути-ти или както ся наричатъ по свой языкъ **Шкыпета-ри-ти (планинци)** са отъ Иллирийско потекло. (Лс)*

4.3. Болгарское/церковнославянское/русское слово — болгарское/церковнославянское/русское слово

*Иехонїй поплень предаетъ на Навуходоносора царски-те сокровища (**имане-та**). (Лб)*

*Крѣвь-та е червена мокрота, коя-то прави да ни ся видятъ червени **брѣны-ты (дзюкы-ты)**... (Лс)*

4.4. Неславянское слово — неславянское слово

***Дипломате-те чужди (Елчи-те)** беха дошли мало нещо понапрешъ, за кои-то беха приуготовленни способни и собственни шадѣре (Лб)*

*(...) нѣ такывы писма трябва да бѣдатъ обвыти въ **свитѣкъ (пликъ, зарфѣ)** и запечатаны божемъ съ три печата отъ червень воськъ (Лс)*

Выделенные нами четыре основных типа слов в скобках определенным образом связаны с различными функциями языка: когнитивной, коммуникативной и символической. С помощью метатекстовых вставок авторы исследуемых текстов решают несколько поставленных перед собой задач: расширяют знания своих читателей, делают эти знания доступными для малообразованных людей, выстраивают лексическую систему новоболгарского литературного языка, разграничивая две коммуникативные нормы (литературную и нелитературную). По нашему мнению, подход, при котором слова в скобках рассматриваются исключительно формально (как межъязыковые лексические параллели) или анализируются только как явление, подчиненное символической функции языка (в аспекте болгаризации или – шире – славянизации лексики литературного языка), позволяет описать исследуемый объект лишь частично. Ниже на основе анализа каждого из выделенных типов мы попытаемся доказать, что использование слов в скобках в текстах периода Болгарского национального возрождения имело весьма серьезные глобальные цели.

1. Сопоставление различных систем измерения

Примеры сопоставления различных систем измерения распределены неравномерно как по подтипам, так и по текстам двух исследуемых изданий. Авторы используют слова в скобках в том случае, когда, по их

мнению, существует необходимость в пояснении. В корпусе журнала «Любословие» представлено 3 примера сопоставления различных систем измерения. В одном случае расстояние сначала определяется с помощью меры длины, а затем через время, необходимое для его преодоления *тры мѣля (единъ почти часъ)*. Соотнесение меры длины *миля* с единицей времени *час* основано на традиционном быте болгар того времени, измерявших расстояние количеством времени, затраченного на передвижение между двумя точками. При этом первой в тексте указывается единица, свойственная более высокой культуре, а привычная болгарину мера дается в скобках как пояснение. В двух других случаях сопоставляются денежные единицы, причем сопоставление *65 милиона франги (около 300 мил. грош)* присутствует в тексте, связанном с современностью, а пример *триста таланты серебряны (300000 есис)* – в тексте, посвященном прошлому. Здесь характер поясняющих слов свидетельствует о том, что во второй четверти XIX века грамотным болгарам было известно несколько денежных систем. В целом подобные пояснения в скобках могут быть определены как межкультурные параллели.

В корпусе журнала «Летоструй» представлено 26 случаев сопоставления различных систем измерения. Зафиксирован один пример сопоставления массы и один – размера: *3 драма (10 грамма)*; *337 метра или 448 аришина* соответственно. И здесь слова в скобках представляют собой не переводы, а параллели, свидетельствующие о сосуществовании различных культур. Остальные 24 случая⁴ в журнале «Летоструй» демонстрируют сопоставление календарных систем, например *14-й отъ мѣсяць Адаръ (14 Февруарія)*; *963 (352 отъ Хыджрета)*, а также праздничных календарей различных конфессий Османской империи, например *Хаг-Хассевуотъ (Пятдесятница , Гюл-Байрамъ)*; *Фессахъ или Пессахъ (Пасха, Хамурсъз-Байрамъ)*; *Хаць-Бераць (Кръстовъ-день)*. В качестве поясняемой выступает единица, связанная с темой текста – представляемым вероисповеданием. В данном случае мы вновь сталкиваемся с межкультурными параллелями. Здесь употребление слов в скобках свидетельствует о том, что сосуществование нескольких религиозных праздничных традиций – важная черта жизни Болгарии в третьей четверти XIX века, а тексты этого периода отражают состояние мира, в определенной степени сходного с современным глобальным.

Те случаи, когда посредством слов в скобках сопоставляются различные системы измерения, связаны не с символической, а с когнитивной и коммуникативной функциями языка. С помощью таких пояснений со-

⁴ Значительное количество таких «слов в скобках» связано с тем, что в корпусе ж. «Летоструй» представлен текст, посвященный вероисповеданиям Османской империи.

поставляются различные культуры – своя и чужая; повседневная (традиционная) и более высокая, незнакомая.

2. Соотнесение названий мест и имен отдельных личностей

В исследованных корпусах количество примеров соотнесения названий мест и имен отдельных личностей приблизительно одинаково: в журнале «Любословие» – 11, в журнале «Летоструй» – 13. В данном случае пояснения в скобках в обоих изданиях имеют коммуникативную направленность. Их цель – помочь читателю сориентироваться в содержании. Для более раннего журнала «Любословие» характерно разговорное именование топонима по-турецки: *Америка (Енидуня)*, *Персия (Аджемь)* или отсылка к культурной параллели – употребление славянского имени, фонетического варианта, имени на латинице: *Истрия (Острофина)*; *Парент (Parintium Parenzo)*. Более позднему изданию «Летоструй» в большей степени свойственно сопоставление старых и новых культурных пластов: *Карпатскы-Планины (въ Дакія или сегашно Влашко)*; *Мисія (сегашна България)*.

В случае с именами отдельных личностей существенное значение имеет не столько сам факт пояснения, сколько эпоха, с которой связана данная личность. Это свидетельствует об общей направленности информации, предлагаемой читателю каждым из журналов. Журнал второй четверти XIX века «Любословие» ориентируется на историю, показывает исторические личности, например: *Епионъ или Епинокъ, Леллиа Сукина (Sozzini)*. Журнал третьей четверти XIX века «Летоструй» ориентирован на современность, представляет современных европейских правителей: *Краль Леопольдъ II (Лудовикъ-Филипъ-Марий-Викторъ)*; *Царь Наполеонъ III (Карлъ-Лудовикъ-Бонапартъ)*; *Рудолфъ (Францъ-Карлъ-Йосифъ)*. Смена информационного вектора, интерес не к прошлому, а к современности (культурной, цивилизованной) отражает изменения в цивилизационной ориентации болгарского общества, произошедшие к третьей четверти XIX века.

Использование слов в скобках при соотнесении названий мест и имен отдельных личностей, а также при сопоставлении различных систем измерения не предопределено (непосредственно) символической функцией языка – оно служит решению коммуникативных и когнитивных задач. При этом соотнесение различных названий мест в большей степени связано с коммуникативной функцией языка, а соотнесение имен отдельных личностей – с когнитивной.

3. Введение определений и пояснений

Слова в скобках применяются также для введения в текст определений и пояснений. Это бывает необходимо, когда в текстах встречаются

названия праздников, различных мест, этнонимы, названия различных явлений окружающего мира (в том числе термины). В обоих исследованных корпусах кроме традиционных скобок в данном случае используются лексические средства введения пояснения – *сиреч, т. е., наричатъ ся, наречены*. Количество примеров в двух журналах сопоставимо: «Любословие» – 18 случаев, «Летоструй» – 29 случаев.

В корпусе журнала «Любословие» пояснений для названий праздников не обнаружено. В корпусе журнала «Летоструй» (в связи с наличием текста о верисповеданиях в Османской империи, см. прим. 4) представлено 10 подобных примеров. Такое сравнительно большое количество можно счесть случайным⁵. Примеры пояснений для названий мест и народностей в обоих исследованных корпусах единичны и основаны обычно на актуальных в данную эпоху знаниях. Только в одном случае с уверенностью можно говорить о присутствии национальной идеи:

Спорядъ най-новы-ты историческы издырванія доказано е, че сегашни-ти Българие, въ старо время наричяни Словене, въ незапамятны времена са преминали изъ Азія въ Европа заедно съ другы-ты Славяне и испрѣво живели около Карпатскы-Планины (въ Дакія или сегашно Влашко), отгде-то по-после преминали въ Мисия (сегашна България), Тракия и Македония, кои-то спорядъ тяхъ тога са ся наричялы съ едно обще имя Словения. (Лс)

В обоих исследованных корпусах наиболее значительно количество примеров, представляющих собой определения новых, по мнению автора, явлений окружающего мира: «Любословие» – 16 случаев, «Летоструй» – 11 случаев. Для объяснения этих новых явлений используются различные подходы. Один из них – толкование в скобках. Графически этот прием совпадает с иным типом слов в скобках, отличным по содержанию от толкования. Таким образом, скобки применяются авторами для введения в текст различающихся в содержательном плане соответствий – языкового перевода; определенных терминов; соотносимых в языковом и культурном отношении реалий:

Предъ некое доволно время писуваха во вестници (газеты), че холера (желчна болестъ по-грозна отъ моріа) умертвуваше много множество человекъ въ Таврида градъ Персийскій (Аджемскій) и въ Баадагъ градъ у Асиатійска Туркиа. (Лб)

⁵ Представление религиозных праздников в журнале «Летоструй» осуществляется двумя способами: через соотнесение праздника по календарю с другой номинацией и через определение. Часто в пояснении, относящемся к конкретному названию, реализуются оба способа одновременно.

Термометръ (мера за горещината) значеше 8 степени подъ zero и идрометръ (мера за влага) беше слезналъ до 15 пръсты 1 черта (линея). (Лб)

Подобная графическая омонимия характерна для текстов более раннего журнала «Любословие». В нем встречаются также примеры одновременного использования графических и языковых средств пояснения:

Кругъ (колело, сир. отъ начало до конецъ) за сичко учение прочее расположи се во едно десятилетие, сир. въ 10 годинъ. (Лб)

В более позднем журнале «Летоструй» одновременное использование скобок и слова *сиреч* при предъявлении определения встречается реже, в основном при объяснении названий праздников, когда вместе с толкованием значения производится и сопоставление праздничных календарей:

Презъ седьмъ-те дни на два-та байрама мюслимане-ти облечени въ нови дрехы ся расхождатъ та си правятъ муаеде сир. честитяватъ си съ пригръщания. (Лс)

Юм-кыпуръ (день за искупленіе отъ грехове, Чоранъ-Байрамъ) на 10 отъ Тишири (на 4 Октомврія). (Лс)

В журнале «Летоструй» – особенно при введении определений для явлений окружающего мира – отдается предпочтение другим графическим и языковым средствам, характерным для более обработанного и развитого литературного языка. Это такие средства, как тире, культурное заимствование *т.е.* (полный синоним слова *сиреч*); иногда определение прямо вводится с помощью глагола *наричам се* :

(...) а пакъ по-пръви-ти хора – аристократи-ти - у Босна и Херцеговина, въ время на завоевание-то еще, прияли мюслиманска вяра. (Лс)

Въ училище-то ся учи човекъ за да си обработи и образува духа, т.е. да може да мысли право и да разсъждава здраво - да бѣде живъ и свестенъ човекъ. (Лс)

Жилы-ты, по кои-то тече кръвъ-та камъ сръдце-то, наричатъ ся вены; а жилы-ты, по кои-то сръдце-то кара кръвъ-та по сичко-то тяло, наричатъ ся артеріи. (Лс)

При введении определений в журнале «Летоструй» не наблюдается той графической и языковой омонимии, которая присутствует в журнале «Любословие». Это свидетельствует о стабилизации практики использования литературного языка в третьей четверти XIX века и о формировании достаточно устойчивых языковых моделей для определений, даваемых явлениям окружающего мира.

Таким образом, практика двух исследованных нами изданий свидетельствует о том, что использование авторами слов в скобках и близких к ним по характеру пояснений в основном подчиняется коммуникативным и когнитивным целям и лишь во вторую очередь обслуживает сим-

вольную функцию языка. Посредством метатекстовых вставок осуществляется также интернационализация лексики, прежде всего терминологии, новоболгарского литературного языка.

4. Межъязыковые лексические параллели

Лексические параллели, объединенные в данную группу, представляют собой межъязыковой перевод. Чаще всего одно слово переводится соответственно одним словом, но в некоторых случаях авторы при переводе прибегают к перечислению двух и даже трех слов. Реже слово переводится словосочетанием или словосочетание словом. Поясняемая и поясняющая языковые единицы различаются в языковом и функциональном отношении, причем очень часто их функциональные различия в болгарском языке объясняются именно их происхождением. Изредка в качестве переводческих эквивалентов используются авторские неологизмы. В ряде случаев на базе лексических параллелей формируется терминология. На примере лексических параллелей в болгарских текстах периода национального возрождения можно наблюдать закономерности формирования лексической системы, а также становления коммуникативных норм новоболгарского письменного литературного языка.

По традиции слова в скобках в текстах исследуемого периода связывают с процессами болгаризации и – шире – славянизации лексики новоболгарского литературного языка. По этой причине в нашем исследовании слова в скобках, относящиеся к группе лексических параллелей, классифицируются на основе происхождения участвующих в пояснительных отношениях лексем, причем основная оппозиция в данном случае – это славянское (болгарское, церковнославянское, русское) слово, с одной стороны, и неславянское (чаще всего греческое или турецкое) – с другой. Мы считаем, что поясняемому слову автор отдает предпочтение как литературному, а поясняющее выполняет, скорее, коммуникативную функцию⁶.

В функциональном плане слова, образующие лексические параллели, относятся как к разговорной, так и к литературной лексике. По значению это и конкретные, и абстрактные слова. Многообразие поясняемых и поясняющих слов в функциональном аспекте, а также в аспекте происхождения и характера номинации в определенной степени затрудняет их классификацию и не допускает однозначных выводов относительно причин употребления тех или иных лексических соответствий. В

⁶ Эта традиция представлена уже в первой болгарской грамматике: Неофит Рилски. Болгарска граматика, 1835 – в конце книги помещен список болгарских/славянских слов, которыми автор рекомендует заменять употребляемые в разговорной речи греческие и турецкие слова.

то же время указанное многообразие свидетельствует об отсутствии строго заданной цели при их выборе.

Количество лексических параллелей в двух исследованных корпусах существенно различается. В корпусе более раннего издания «Любословие» обнаружен 101 пример таких соответствий, а в корпусе более позднего журнала «Летоструй» – 23 примера, то есть в пять раз меньше. В журнале «Любословие» это самая многочисленная группа слов в скобках, по объему она значительно превышает другие группы. В журнале «Летоструй» количество межъязыковых лексических параллелей близко к количеству слов в скобках другого типа. Можно предложить следующее объяснение этого факта: в третьей четверти XIX века лексическая система и письменная норма литературного языка становятся более стабильными по сравнению со второй четвертью XIX века. В этот период авторы уже не считают своей целью болгаризацию/славянизацию лексики. Более актуальной задачей для них является обогащение словарного состава языка.

В обоих исследованных корпусах наиболее значительна группа примеров, в которых поясняемое слово является славянским, а поясняющее – неславянским: «Любословие» – 50 случаев, «Летоструй» – 13 случаев. Приведем несколько примеров: *высокомериє (фудурукъ), зритель (сейрджіа), кашие се (пишмануваше се), крепости (калета), лекаръ (хекимджіа)* (Лб); *уздравены писма (таутъ)* (Лс). В данном случае мы наблюдаем стремление к славянизации литературной лексики и становление литературной коммуникативной нормы одновременно с присвоением более низкого статуса греческим и турецким словам. Об интенсификации указанного процесса к третьей четверти XIX века свидетельствует резкое сокращение лексических параллелей данного типа в текстах более позднего журнала «Летоструй». Кроме того, в текстах этого издания появляются и такие примеры, когда в скобки помещается лексема, относящаяся к международному культурному пласту: *наумеркы (машинално), платка-та за пренось (порто)*. По этой причине вряд ли допустимы однозначные выводы о сознательной болгаризации и славянизации лексики.

В обоих исследованных корпусах вторая по величине группа лексических параллелей – это группа, в которой соотносятся слова одинакового, в частности болгарского, происхождения: в журнале «Любословие» – 38 примеров, в журнале «Летоструй» – 5 примеров. В более раннем издании «Любословие» количество таких примеров приближается к количеству случаев, когда славянское слово соотносится с греческим или турецким. Соотносятся книжное или литературное (чаще всего церковнославянское) слово, с одной стороны, и разговорное болгарское – с другой: *бракъ (свадьба); косненіє (забаву-*

ване); *милосердіе* (*сожалуване*); *отверже* (*отфърли*). Есть и случаи, когда соотнесение свидетельствует всего лишь о нестабильности лексической нормы – и поясняемое, и поясняющее слово встречаются в разговорной речи: *вреди* (*чини*); *ветрила* (*платна*); *древны* (*стары*); *исцелява* (*оздравува*); *тиле* (*птиче*); *свила* (*коприна*). В более позднем журнале «Летоструй» случаев соотнесения славянского слова со славянским в 2,5 раза меньше: *бръны-ты* (*джюкы-ты*), *светла искра* (*светкавица*). Это свидетельствует о том, что в третьей четверти XIX века лексическая норма в значительной степени, хотя и не окончательно, стабилизируется.

В обоих исследованных корпусах третьей по объему является группа, в которой представлены случаи соотнесения слов неславянского происхождения: в журнале «Любословие» – 8 примеров, в журнале «Летоструй» – 4 примера. В целом примеры единичны. В данном случае иногда сопоставляются два иноязычных названия реалии, для которой нет болгарского слова, например *монаси* (*калугере*) (Лб), а иногда через турцизм поясняется слово, относящееся к международной культурной лексике: *спирто* (*върла ракіа*) (Лб); *поща* – *мюдюрлькъ* (Лс).

Единичны и примеры параллелей, относящихся к четвертой группе – соотнесение неславянского и славянского слова: в журнале «Любословие» – 7 случаев, в журнале «Летоструй» – 1 случай. Здесь определенный интерес представляет практика журнала «Любословие», в котором имеет место перевод слов, относящихся к международной культурной лексике: *амфіоеатра* (*двезорны*); *епістимонически* (*высокоумни*), *трисупостатонъ* (*три лица*), *imber* – *дождь*.

При использовании лексических параллелей приоритетной задачей авторов является обеспечение максимальной доступности текста для понимания читателем. Это положение подкрепляется тем фактом, что в исследованных корпусах встречаются случаи не перевода, а фиксации соответствия между тремя словами, различающимися и по происхождению, и в функциональном аспекте: *зодчество* (*архітектура*, *arxitektonike*); *сверчокъ* (*кузнечикъ*, *теттіксь*); *столпове* (*колонны*, *дирецы*) (Лб); *въ тръбуха си, у желудка* (*стомаха*); *пощанскы печяти* (*пулове*, *тимбры*); *свитькъ* (*пликъ*, *зарфъ*) (Лс).

В тех случаях, когда болгарское разговорное слово соотносится с разговорным греческим или турецким, реализуется, бесспорно, и символическая функция языка: *буря* (*фуртуна*); *буря* (*туфанъ*); *блато* (*гіоль*); *малки части* (*парчета*); *весьма ученъ* (*окумушь*) (Лб); *варь* (*кыречь*); *зидаря* (*дюлгерина*) (Лс). Однако и здесь символическая функция объединяется с коммуникативной. Целью авторов при использовании лексических параллелей такого типа является формирование более вы-

сокой нормы литературного языка, при этом распространенным неболгарским разговорным словам присваивается более низкий статус.

В сфере абстрактной лексики также наблюдается совместное проявление коммуникативной и символической функций языка. Славянское литературное слово часто поясняется разговорным турецким или греческим: *странствование* (іолджилъкъ), *высокомеріе* (фудулукъ), *вещества* (керестета) (Лб).

В области специальной лексики переплетаются когнитивная, коммуникативная и символическая функции языка. Соотнесение болгарского или славянского специального слова с разговорным турецким присуще более раннему журналу «Любословие»: *отъ смертоносный ударъ* (отъ дамла); *водоливны трубы* (тулумбы); *училище Врачебное* (хекимджиское); *основаніе* (темель) (Лб). Подобные примеры встречаются и в более позднем журнале «Летоструй»: *уздравены писма* (таутъ); *зидаря* (дюлгерина) (Лс). В сфере специальной лексики реализуются прежде всего когнитивная и коммуникативная цели, и для их достижения используются различные языковые средства. Например, слово, относящееся к международной культурной лексике, может быть сопоставлено с греческим, турецким, славянским словом или с авторским неологизмом: *дипломате-те чужди* (елчи-те) (Лб), *иносказателни* (аллигорически) (Лб), *морское ополчение* (флота) (Лб), *огненнопрахно* (барутно) (Лб), *исправа* (тескере, билетъ) (Лс), *плата-та за пренось* (порто) (Лс). В лексических параллелях такого типа с трудом можно обнаружить прямую славянизацию новоболгарской литературной лексики, цель их использования, скорее, формирование и обогащение словарного состава литературного языка.

Количественный и содержательный анализ слов в скобках, представленных в двух корпусах текстов популярного характера, относящихся к периоду Болгарского национального возрождения, позволяет сделать следующие выводы: использование метатекстовых вставок разного типа, в том числе и традиционных слов в скобках, преследует прежде всего коммуникативные цели. Большая часть этих вставок носит также и когнитивный характер. Стремление авторов к формированию и обогащению лексики новоболгарского литературного языка, а также становлению его коммуникативной нормы продиктовано двумя обстоятельствами: вариативным характером речевой практики и нехваткой языковых средств для передачи определенного содержания. Использование слов в скобках в целом является сознательным и целенаправленным действием авторов. Оно неоднородно в деталях и связано с существующими на данный момент коммуникативными потребностями. Интенсификация развития новоболгарского литературного языка к третьей четверти XIX века и стабилизация его норм ведут к резкому сокращению

потребности в метатекстовых вставках и соответственно уменьшению их количества. Изменяется и сам характер таких вставок: возрастает удельный вес когнитивных пояснений и сокращается доля пояснений чисто языкового типа. Использование слов в скобках подчиняется конкретным целям создателя конкретного текста. Символьная функция метатекстовых вставок, особенно актуальная в период национального возрождения, реализуется через те прагматические задачи, которые авторы ставят перед собой. Обслуживая познание и обеспечивая понимание, они формируют, развивают и обогащают лексическую систему национального болгарского литературного языка.

Л и т е р а т у р а

- Александрова 2006: *Александрова Т.* Проблемът свое – чуждо и дебатът за българския книжовен език през Възраждането // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. София: СУБ, ИБЕ, 2006.
- Босилков 1986: *Босилков К.* Кратка история на българския книжовен език. Сегед: Сегедски университет „Атила Йожеф“, 1986.
- Димитрова 2006: *Димитрова М.* Динамика на лексиката през Възраждането (Статистическо изследване с оглед към съществителните нарицателни имена) // Българите, книжовността, езикът – XIX-XX век (тематичен сборник). София: УИ „Св. Кл. Охридски“, 2006. С. 163-227.
- Иванова 1991: *Иванова Д.* Списание „Любословие“ и книжовноезиковата ситуация през втората четвърт на XIX век // Иванова, Д. Езиковите въпроси в българския периодичен печат през Възраждането. Пловдив: Макрос 2001, 1998. С. 21-30.
- ИНКЕ 1989: История на новобългарския книжовен език. София: Издателство на БАН, 1989.
- Николова 1996: *Николова Т.* Вариантни форми в творчеството на Йордан Хаджиконстантинов // Лингвистични студии за Македония. София: Изд. на Македонския научен институт., 1996. С. 128-133.
- Първев 1983: *Първев Хр.* Възраждането на българския книжовен език. София: Народна просвета, 1983.

Перевод О. А. Ржанниковой

Современные тенденции в лексикографировании класса местоимений (на материале польского и русского языков)

© доктор филологических наук В.Г. Кульпина, 2009

В описании класса местоимений в современной польской общей и двуязычной лексикографии – в лексикографической теории и в практике словарного дела – обозначились новые тенденции, которым и посвящена настоящая статья.

Прежде всего необходимо отметить, что лексикографическое описание класса местоимений в немалой мере зависит от понимания, интерпретации местоимений – либо как единого целого, либо как разрозненных совокупностей, включаемых в состав других частей речи по признаку сходства их частеречных семантико-грамматических характеристик и способности к замене соответствующих частей речи. В связи с этим лексикографическое описание местоимений неотделимо от взглядов лексикографов на природу местоимений и местоименности. Эта часть речи и принципы ее выделения в польском языкознании имеют обширную литературу предмета. К проблеме выделения местоимений как части речи обращались в своих трудах такие известные польские ученые, как Мирослав Банько [Bańko 2001], Анджей Богуславский [Bogusławski 2007], Станислав Йодловский [Jodłowski 1971], Тадеуш Милевский [Milewski 1965] и многие другие.

Лексикографические аспекты описания местоимений давно являются предметом пристального интереса польских исследователей в их стремлении к оптимизации словарной презентации этого класса лексики.

Обратимся к проблемам установления состава данного класса лексики и его трактовки в словарях последнего поколения – толковых словарях польского языка и в двуязычной русско-польской и польско-русской лексикографии.

Академических толковых словарей современного польского языка, увидевших свет в последнем десятилетии XX века и первом десятилетии XXI века, имеется три. Первой ласточкой в самой современной польской толковой лексикографии стал словарь под редакцией Богуслава Дуная [SWJP], вышедший в 1996 г. в Варшаве в издательстве «Вильга» (Wilga) – он так и называется «Словарь современного польского языка» – это однотомный словарь гигантского формата и наполнения, 45 страниц предисловия, 1393 страницы корпуса, 62 тыс. словарных

статей. В указанном словаре право называться местоимениями – с помощью соответствующей пометы *zaim* – зафиксировано за местоимениями субстантивного типа, однако в эту группу не входят субстантивные относительные местоимения. Воспользуюсь цитатой Мирослава Банько по поводу описания в этом словаре местоимений: «К местоимениям отнесены тут только субстантивные местоимения, за исключением относительных. Все относительные местоимения (субстантивные, адъективные, нумеративные и адвербиальные) включены в класс реляторов, а остальные местоимения распределены по критерию заменяемости между прилагательными, числительными и наречиями» [Bańko 2001. S. 208].

Б. Дунай о местоимениях в своем словаре пишет следующее: «Сфера употребления термина местоимение относительно узкая. В классе местоимений оказались лишь слова, традиционно выступающие под названием предметных местоимений. Таким образом, к ним относятся **личные местоимения** *ja* ‘я’, *ty* ‘ты’, *my* ‘мы’, *wy* ‘вы’, *on* ‘он’, **возвратное** местоимение *się* ‘себя’, **вопросительные** местоимения *кто* ‘кто’, *co* ‘что’, **неопределенные местоимения** *ktoś* ‘кто-то, кто-либо’, *ktokolwiek* ‘кто-нибудь, любой’, *coś* ‘что-то, что-либо’, *sokolwiek* ‘что-нибудь’ и **отрицательные местоимения** *nikt* ‘никто’, *nic* ‘ничто» (SWJP. S. XIII).

Ряд членов класса местоимений Б. Дунай причисляет к **прилагательным** (*mój* ‘мой’, *twój* ‘твой’, *nasz* ‘наш’, *wasz* ‘ваш’, *swój* ‘свой’; *ten* ‘этот, тот’, *tamten* ‘тот’, *ów* ‘тот’, *taki* ‘такой’; *jaki* ‘какой’, *który* ‘который’, *czyj* ‘чей’; *niczyj* ‘ничей’, *żaden* ‘никакой’; *jakikolwiek* ‘любой’, *rewien* ‘некий, некоторый’; *wszystek* ‘весь’, *każdy* ‘каждый’), а часть – к **наречиям**: *tu* ‘здесь’, *tam* ‘там’, *kiedy* ‘когда’, *nigdy* ‘никогда’, *niekiedy* ‘иногда’, *zawsze* ‘всегда’.

К классу **числительных** Б. Дунай относит кванторы (обозначающие неопределенное количество): *tyle* ‘столько’, *ile* ‘сколько’, *wiele* ‘много’, *kilka* ‘несколько’. В то же время относительные местоимения *jaki* ‘какой’, *który* ‘который’, *gdzie* ‘где’, *skąd* ‘откуда’, *dokąd* ‘куда’, *któredy* ‘каким путем’ относятся им к классу **реляторов** (SWJP. S. XIII).

Часть лексических единиц, не имеющих форм словоизменения и традиционно относимых к местоимениям, попадает в класс **модулянтов**, определяемый как «несклоняющаяся часть речи, вступающая в синтаксические связи с разными частями предложения» (SWJP. S. XIII), служащая для выражения некоторых прагматических функций (*Ibidem*). Наряду с местоимениями, этот класс формируется, в частности, за счет частиц и средств выражения модальности.

В словаре Б. Дуная не исключение, когда одни и те же (фонетико-фонологически) местоимения, различающиеся в функциональном пла-

не, разносятся по разным классам, в том числе и причисляются к классу так называемых **метатекстовых операторов**, получающих во введении к словарю следующую дефиницию: «К метатекстовым операторам мы относим слова и словосочетания, поддерживающие текстообразование (прежде всего устное), например, начинающие и завершающие высказывание, делящие текст на меньшие единицы, сигнализирующие наличие контакта между говорящими, напр., *wiesz* ‘знаешь’, *prawda* ‘правда’, *po nie* ‘да ты что!; ну, да!’ . Метатекстовыми операторами являются, в частности, единицы, вводящие тему высказывания, объяснения, иерархизирующие отрезки текста, предваряющие перечисление...» (SWJP. S. XIII).

В качестве примера такого распределения местоимений по разным заголовочным словам в зависимости от выполняемых ими в предложении функций приведем традиционно интерпретируемую в польских грамматиках как местоимение лексему *to* ‘это, то’. В словаре под редакцией Б. Дуная, в зависимости от выполняемой им функции, это слово распределяется по разным частям речи и квалифицируется как **существительное** (в функции подлежащего и дополнения), **прилагательное** (в атрибутивной функции), **глагол** (в функции замены вспомогательного глагола или замены фразы), **союз**, обеспечивающий связь предложений, **модулянт**, придающий высказыванию экспрессивность, **межтекстовый оператор**, который «стоит на грани известной и новой информации <...> *W zeszłym roku to lato* (SWJP. S. 1136) ‘В прошлом году так *это* были ливни’».

Мирослав Банько отмечает, что несмотря на зауженную интерпретацию класса местоимений (по сравнению со словарями польского языка под редакцией В. Дорошевского (SJPDor) (более 120 тыс. словарных статей) и под редакцией Мечислава Шимчака (SJPSz) (ок. 72 тыс. словарных статей)), «в «Словаре современного польского языка» под редакцией Б. Дуная местоимения в целом лучше проработаны» [Bańko 2001. S. 210]. Впрочем, лексикографические факты в словаре Б. Дуная говорят сами за себя.

Рассмотрим новации в сфере описания местоимений в этом словаре на примере местоимения *co* ‘что’. Заголовочное слово *co* ‘что’ выступает в этом словаре в качестве восьми заголовочных слов в разных словарных статьях. Таким образом, мы имеем восемь словарных статей под восемью заголовочными словами *co* (расположенными под римскими цифрами) (см. SWJP. S. 130).

Итак, обратимся к функциям частей речи, выделяемых в описываемом словаре на базе лексемы *co* ‘что’ (традиционно рассматриваемой в грамматиках как местоимение) и к иллюстрациям (с переводом и с произведенными нами выделениями и опущениями некоторых очередных

примеров и комментариев) из словаря под редакцией Б. Дуная (Ibidem). У указанной лексемы *co* фиксируются нижеследующие функции.

I. Функция **местоимения**: а) *Czego* chcesz? ‘*Чего* ты хочешь?’, *Z czym* przychodzisz? ‘*С чем* приходишь?»; б) *Zjedzmy co* ‘Давай *что-нибудь* съедим’, *Odezwij się do mnie, powiedz co* ‘Поговори со мной, скажи *что-нибудь*’. II. Функция наречия: а) в значении причины: *Coś* taka smutna? ‘Ты *чего* такая грустная?’. III. Функция **союза**: *Co* wyjechał za miasto, musiał szybko wracać ‘*Каждый раз как* он выезжал за город, ему приходилось быстро возвращаться’. IV. Функция **модулянта**: а) усилителя (*Mało co* jadł ‘Мало *что* ел’), б) выбора из совокупности: *Zaprosił na gruwatkę co* ładniejsze dziewczynę ‘Он пригласил на вечеринку девушек *что* покрасивее’); V. Функция **релятора**, служащего присоединению двух типов придаточных предложений: а) *Robiła (to), co* chciała ‘Она делала (то), *что* хотела’, б) *Wygrał, czym* wszystkich zaskoczył ‘Он выиграл, *чем* всех удивил’. VI. Функция предлога, «в сочетании с именительным падежом, реже с винительным или родительным» (Ibidem), указывает на периодичность повторяющихся действий: а) *Przerywał mi co* chwila ‘Он прерывал меня *ежеминутно*’; *Odwiedzał chorego co* drugi dzień ‘Он посещал больного *через* день’; *Co* niedziela chodził do kościoła ‘*Каждое* воскресенье он ходил в костел’; *Przystawał co* krok ‘Он останавливался *на каждом* шагу’. VII. Функция **релятора**, присоединяющего придаточное предложение: *Ten, co* wygra, dostanie nagrodę ‘Тот, *что* выиграет, получит приз’; *Podaj gazetę, co* leży na stole ‘Подай газету, *что* лежит на столе’; *Torebka takiego koloru, co* buty ‘Сумка такого же цвета, *что* и туфли’; *Wziął tyle, co* potrzeba ‘Он взял столько, *сколько* нужно’. VIII. Функция **метатекстового оператора**, вводящего вопросы а) *Co?* *Znów* on przyzedeł? ‘*Что?* Он снова пришел?»; б) *Co?* *Nie wolno mi?* ‘*Что?* Нельзя мне?»; в) *To ci* bardziej pasuje, *co?* ‘Это тебе больше подходит, *а?*’. В конце данной словарной статьи приводится также целый ряд фразеологизмов, содержащих лексему *co*.

Отметим, что уже сам перевод демонстрирует ряд различий в средствах выражения очередных значений в русском и польском языках. И если спроецировать выделенные в «Словаре современного польского языка» части речи польского языка на материал русских соответствий, полученных в результате перевода, для русского языка, по всей вероятности, сформировалась бы иная картина частеречной принадлежности этих функциональных соответствий по сравнению с польским языком.

Кроме того, в самостоятельных, полновесных словарных статьях словаря описываются местоименные комплексы и фразеологизмы, содержащие в своей начальной части указанную лексему *co* ‘что’.

Вышеупомянутые местоименные комплексы представляют собой фактически *синтаксические фразеологизмы* – как принято называть

такие частички нашей речи в отечественном языкознании. Польскими лингвистами они квалифицируются или как *фраземы* (а изучающее эти единицы направление фразеологии называют *фразематикой*), или как единицы так называемой *малой идиоматики* (IPR. S. 7).

Приведем пример такого местоименного комплекса из словаря Б. Дуная с его лексикографическим описанием. Местоименный комплекс *co mi tam* 'что мне там' представлен в словаре Б. Дуная трижды. Первый в очередности местоименный комплекс *co mi tam* представлен без цифрового обозначения; личное местоимение в этом комплексе изменяется по лицам, что соответствующим образом лексикографически фиксируется, а именно, после *mi* 'мне' в квадратных скобках дается словоформа [*mu* itp. 'ему и т.п.']. В целом же заголовочное слово словарной статьи имеет следующий облик: *co mi [mu itp.] tam* 'что мне [ему и т.п.] там'. Приводится дефиниция: «оборот, выражающий равнодушие, пренебрежение в отношении чего-либо», и иллюстрация: *Co mi tam, niech sobie ludzie gadają! 'Что мне там, пусть себе люди болтают!'*. Таким образом, в заголовочном слове содержится указание на то, что данный комплекс может относиться к разным лицам (и изменяться по числам).

Далее в качестве словарных статей следуют фактически те же местоименные комплексы под римскими цифрами I и II, но с другими пометами: *co mi tam I* употреблено с пометой *mod.* 'модулятор' и дефиницией: «в сочетании с последующим словом указывает на нечто, что говорящий считает не имеющим значения, несущественным»; приводятся примеры: „*Co tam pieniądze, zdrowie najważniejsze* (SWJP. S. 131) '*Что там* деньги, здоровье важнее всего. *Co mi tam* twoje rady, zrobię, jak uważam” (Ibidem. S. 131) '*Что мне там* твои советы, я сделаю так, как считаю нужным’.

Местоименный комплекс *co mi tam II* употреблен с пометой *wykrz.* 'междометие' и объяснением семантики: «формула, выражающая, что говорящий не собирается реагировать на некую нежелательную ситуацию, что она ему безразлична», и с примерами: „*Co mi tam! Odchodzę* (Ibidem) '*Что мне там!* Ухожу'; *Nie przejmuj się, co tam, wszystko będzie dobrze* 'Не переживай, *что там*, все будет хорошо'; *Co tam, nie myślę już o tym*” (Ibidem) '*Что там*, я уже об этом не думаю’.

В описание местоимения *ty* 'ты' в словаре Б. Дуная входит традиционная помета *zaim.* 'местоимение'. В словарной статье этого местоимения среди целого ряда иллюстраций приводится и пример экспрессивного, стилистически маркированного употребления именительного падежа местоимения: „*Ej, ty, chodź no tutaj. Coś ty powiedział?*” (SWJP. S. 1161) 'Эй, *ты!* Иди-ка сюда. Что *ты* сказал?’.

Совершенно очевидно, что лексикографическое описание местоимений является в словаре Б. Дуная функционально дифференцированным,

и это отличает данный словарь от соответствующих предшествовавших ему словарных изданий.

Проблема лексикографирования класса местоимений в толковых словарях польского языка ставится как чрезвычайно актуальная в книге Мирослава Банько «На рубежах лексикографии и языкознания» [Bańko 2001]. Данной проблематике посвящен в ней обширный раздел «Реституция местоимений» [Bańko 2001. S. 204-218]. В этом разделе М. Банько дается глубокий обзор подходов к местоимениям в польском языкознании. В первую очередь анализируются те общие признаки класса местоимений, которые находят свое выражение в их лексикографическом описании. М. Банько выдвигает тезис, что местоимения представляют собой открытый класс, элементы которого не являются замкнутым реестром, а значит, и не поддаются точному перечислению. Внутри класса местоимений вводится градация а) на типичные местоимения, б) менее типичные *któreśdykolwiek*, а также в) на неместоименные слова, сходные с местоимениями по своим функциям (*факт, вопрос* и т.п.).

М. Банько тестирует толковые словари непосредственно предшествовавшие новейшему периоду польской лексикографии, то есть, 11-томный «Словарь польского языка» под редакцией Витольда Дорошевского (SJPDoG) (Большой академический словарь) и 3-томный «Словарь польского языка» под редакцией Мечислава Шимчака (SJPSz) (Средний академический словарь), на адекватность описания в них местоимений. Он осуществляет верификацию всего содержащегося в них местоименного материала. Результатом такой верификации стало расширение представлений о презентации местоименности в словаре, значительное увеличение состава описываемых в словаре местоименных единиц путем отнесения к таковым тех лексем, которые ранее не рассматривались как местоименные, и в целом – большая дифференцированность подходов к описанию местоимений.

Подтверждением того, что М. Банько рассматривает класс местоимений в расширительном плане, является отнесение им к этому классу слов-кванторов – с семантикой неопределенного количества, таких, как *dużo* ‘много’, *mało* ‘мало’, *niedużo* ‘немного’, *srogo* ‘немало’ и другие подобные, традиционно относимые к классу наречий.

Теоретические воззрения М. Банько, выделяющего местоимения в отдельную часть речи, новации и уточнения в описании класса местоимений, высказанные им в указанной монографии, нашли свое непосредственное воплощение в макро- и микроструктуре двухтомного «Иного словаря польского языка» (ISPJ) (100 тыс. лекс. ед.), созданного под его редакцией.

В монографии М. Банько «На рубежах лексикографии и языкознания» списком приводятся местоимения, фигурирующие на страницах

«Иного словаря польского языка» – 351 единица, наделяемая пометой *zi* ‘местоимение’). М. Банько высказывается в пользу квалификации местоимений как единой части речи, выделяемой лишь по семантико-прагматическим признакам, и отчасти – по грамматическим признакам: «общие признаки местоимений носят характер скорее семантический и прагматический, нежели грамматический» [Bańko 2001. S. 204]. Среди новаций, представленных в «Ином словаре польского языка» – презентация относительных и вопросительных местоимений как единого разряда вопросительно-относительных местоимений (в пользу такого подхода говорит среди прочего факт идентичности состава тех и других).

Посвящая раздел лексикографическому описанию класса местоимений, М. Банько тем не менее не обходит стороной и проблему *сущности местоименности* [Ibidem] и критериев выделения местоимений, называя, вслед за С. Йодловским, критерии *заместительности* и *дейктивности* и указывая на связь критерия заместительности с этимологией слова местоимение [Ibidem. S. 205]. Хотя этот критерий не охватывает всех местоимений, тем не менее в грамматическом плане он позволяет выделить четыре грамматических класса местоимений – субстантивные, адъективные, наречные местоимения и местоимения-числительные. М. Банько выделяет также традиционные функциональные классы местоимений, как-то: указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, притяжательные, личные, возвратное. Характерно, что лексема *to* ‘это, то’ как а) несклоняемая форма и формально эта же лексема как б) склоняемое существительное и как в) прилагательное среднего рода, имеющее формы словоизменения, являющееся частью парадигмы местоимения *ten* ‘этот, тот’, не сливаются, но, напротив, четко дифференцированы, отделены друг от друга (ISJP P...Ź. S. 830-832).

М. Банько указывает, что личные и возвратное местоимения в «Ином словаре польского языка» отнесены им к указательным в связи с выполнением ими аналогичных функций, при этом их специфические признаки представлены в соответствующих словарных статьях [Ibidem. S. 206]. Неопределенные местоимения подвергаются дальнейшему делению. В то же время все типы неопределенных местоимений М. Банько относит к языковым средствам квантификации, и это является обоснованием для их рассмотрения как совокупности.

М. Банько традиционно обращает внимание, с одной стороны, на абстрактность местоимений, а с другой стороны – на «изменчивость (окказиональность) их значения» [Банько 2001. S. 206]. Он подчеркивает тот факт, что местоимение связано с денотатом через элементы конкретной ситуации, а не непосредственно, и ссылается на Е.В. Падучеву (1992), которая утверждает, что местоимения не образуют грамматиче-

ской группы слов, но образуют лексико-семантический класс слов на основе их роли в референции (Цит. по: [Банько 2001. S. 207]).

М. Банько обращает внимание на полифункциональность целого ряда польских местоименных лексем (*co* что является и вопросительным, и относительным, а *sokolwiek* 'что угодно, немного, кое-что, нечто' представляет собой и неопределенное местоимение, и относительное).

В последнем из вышедших толковых словарей польского языка, а именно, в «Универсальном словаре польского языка» (USJP) в 4-х томах под редакцией Станислава Дубиша (1-е изд. 2003 г.), содержащем ок. 100 тыс. словарных статей (145 тыс. лекс. ед.), независимо от воззрений главного редактора на природу местоимений (которые в предисловии к словарю не декларируются), картина местоимений предстает порой еще более дифференцированной по сравнению с двумя предыдущими новейшими толковыми словарями современного польского языка. Так, в пределах словарной статьи на местоимение *ja* 'я' в качестве подстатьи описывается форма *jam* (USJP. S. 1255) (местоимение *ja* + показатель 1-го лица *-m*), отсутствующая в словарях-предтечах и выступающая в особой функции, подчеркивающей значительность происходящего и величие того, кто произносит это *jam*. В словаре эта словоформа дается с пометой *wznios.* 'высок'. В то же время «Универсальном словаре польского языка» (USJP) без частеречной пометы, указывающей на принадлежность к классу местоимений, выступает местоимение *któredykolwiek* (USJP. S.) 'куда бы то ни было', внутренняя форма которого легко просматривается: она состоит из локативного местоимения *któredy* 'каким путем' и частицы *-kolwiek* '-нибудь', 'любой', характерной для неопределенных местоимений.

Обратимся к лексикографической презентации местоимений в двуязычной русско-польской и польско-русской лексикографии, представляющей собой отдельный проблемный пласт, связанный в первую очередь с именами Анджея Богуславского, Яна Вавжиньчика, Йолянты Мендельской. Так, в книге «О польском и русском языках» Я. Вавжиньчика большое место отведено корреляциям личных местоимений польского и русского языков (см.: [Wawrzyńczyk 2006]), а также – в ряде случаев – отсутствию таковых в виде так называемых нулевых соответствий. Описываются также переводные пары, в том числе с нулевым соответствием, в сфере указательного местоимения *to* 'это, то'.

Я. Вавжиньчик указывает, что во имя стилистической и прагматической чистоты перевода регулярные нулевые соответствия необходимо со всей тщательностью фиксировать в словарях. В целом же А. Богуславски и Я. Вавжиньчик считают целесообразным в переводных двуязычных словарях выходить за рамки непосредственно категориальных соответствий (и учитывать регулярные контекстные соответствия).

За последнее время в польской двуязычной лексикографии проявилось внимание к переводу местоименных комплексов. Так, в экспериментальном переводном словаре А. Богуславского «Польско-русские лексикографические материалы» (PRML) обращает на себя внимание презентация нижеследующих указательных местоимений (Bogusławski 2008. S. 27-28): *tak* 'так', *taki* 'такой', *ten* 'этот', *to* 'это, то' – и русская эквивалентика полифункциональных местоименных комплексов на базе этих местоимений. Речь идет о таких формациях, как, например, *tak czy tak* 'так или так', *coś takiego* 'такое, нечто такое', *jest taka rzecz* 'вот какое дело', *jest taka sprawa* 'вот что', *jakiś taki* 'какой-то', *tego rodzaju* 'такого рода, подобного рода, подобный' (Ibidem). Русская эквивалентика приведенных выше формаций демонстрируется в соответствующих минимально достаточных контекстах.

Разумеется, в двуязычных словарях экспонируются в первую очередь такие дивергенции в семантике польских и русских местоимений, которые проецируются в сферу перевода. А поскольку в семантике основного костяка польских и русских местоимений много общего, соответственно, и картина семантики местоимений русского и польского языков в виде переводных эквивалентов предстает в ряде случаев как более упрощенная по сравнению с ее презентацией в толковых словарях. Однако когда через эквивалентiku необходимо продемонстрировать асимметрию функциональных свойств местоимения в переводящем языке по сравнению с таковыми в исходном языке, такие усилия польскими лексикографами успешно предпринимаются.

Несмотря на принципиальное сходство устройства системы местоимений в польском и русском языках, отметим, что целый ряд польских местоимений не имеет русских аналогов. В таких случаях приводится существующая практика перевода таких лексических единиц, основанная на изучении переводов параллельных текстов.

Я. Вавжиньчик считает проблематику совершенствования описания местоимений в словарях чрезвычайно плодотворной и привлекательной в исследовательском и практическо-лексикографическом плане [Wawrzyńczyk 2006. S. 175].

Новейшие тенденции в описании лексического класса местоимений, ориентированные на полноту презентации переводных соответствий (включая особенности акцентуации, место в предложении и возможные опущения при переводе) нашли свое выражение в самом последнем из недавно вышедших двуязычных словарей, а именно, в Новом русско-польском польско-русском словаре (NRPPR) – как в корпусе словаря (см., напр., s. 51, 261-262, 525, 595 и др.), так и в Приложении к нему в разделе «13. Формы вежливости» (NRPPR. S. 1262).

В современной польской лексикографии – толковой и двуязычной – русско-польской и польско-русской, лексикографической презентации местоимений в последнем десятилетии XX века и в первом десятилетии XXI века уделяется большое внимание. По сравнению со словарями-предтечами произошла значительная дифференциация, детализация и нюансировка описания местоимений, расширение их состава, причем не только отдельно взятых местоимений-заголовочных слов, но и местоименных комплексов. Пристальное внимание обращается на полифункциональность местоимений.

В русско-польской и польско-русской лексикографии (WSPR, WSRP, NRPPR) большое внимание уделяется отработке и уточнению межъязыковых соответствий, выявляемых на основе большого массива параллельных текстов. Характерной чертой современной русско-польской и польско-русской лексикографии является включение в словари не только категориальных эквивалентов, но и контекстных функциональных соответствий, что призвано обеспечить удобство в нахождении переводчиками адекватных переводных соответствий.

Необходимо отметить, что благодаря компьютерным технологиям и расширению эмпирической базы современной лексикографии произошло расширение горизонтов видения проблем местоименности; наблюдается широта и дифференцированность подходов к вопросам описания этого лексического класса.

Л и т е р а т у р а

1. Bańko M. Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa / Wydział polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2001. 336 s.
2. Bogusławski A. A study in the linguistics-philosophy interface. Warszawa: BEL Studio, 2007. 612 s.
3. Jodłowski S. Studia nad częściami mowy. Warszawa: PWN, 1971. 200 s.
4. Milewski T. Językoznawstwo. Kraków, 1965.
5. Wawrzyńczyk J. O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask: Leksem, 2006. 292 s.

С л о в а р и

- IPR Chlebda W., Gołubiewa A., Wawrzyńczyk J., Wielg T. Idiomy polsko-rosyjskie. Польско-русские идиомы. Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2003. 272 s.
- ISJP Inny słownik języka polskiego / Pod red. Mirosława Bańko. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2000.
- NRPPR Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski / Red naukowy Jan Wawrzyńczyk; Autorzy haseł: J. Wawrzyńczyk, H. Bartwicka, V. Kulpina, E. Małek. Autorka zarysu gramatyki V. Kulpina. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. XVI s. 1264 s.
- PRML Bogusławski A. Polsko-rosyjskie materiały leksykograficzne. Łask; Warszawa: Leksem, 2008.
- SJPDor Słownik języka polskiego: W 11 t. / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa: PWN, 1958–1969.

- SJPSz Słownik języka polskiego: W 3 t. / Pod red. M. Szymczaka. Warszawa: PWN, 1981–1982.
- SWJP Słownik współczesnego języka polskiego / Pod red. Bogusława Dunaja. Warszawa: Wilga, 1996. XLV s.; 1393 s.
- USJP Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. / Pod red. S. Dubisza. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2003.
- WSPR Wielki słownik polsko-rosyjski / Wawrzyńczyk J., Małek E. et al. / Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2005. 927 s.
- WSRP Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Wawrzyńczyk J., Kuratczyk M., Małek E. et al. / Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2004. 1360 s.

«Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации заимствований (на материале современного польского языка)

© кандидат филологических наук *О.О. Лешкова, 2009*

1. В качестве одного из наиболее показательных явлений, характерных для нынешнего состояния современных славянских языков, исследователи достаточно единодушно выделяют активизацию процесса заимствований иноязычных элементов (в первую очередь из английского языка), резкое увеличение удельного веса иноязычных лексем в словарном составе славянских языков (в том числе и польского), что связывается с глобальной тенденцией интернационализации современных языков. Процессы, являющиеся результатом действия этой тенденции, стали предметом пристального интереса лингвистов и объектом многочисленных общих и частных исследований, которые позволили сделать выводы о том, что столь масштабное в количественном отношении явление привело к значительным изменениям качественного характера в языковой системе; масштабность, лавинообразный характер «нашествия» иноязычных лексем в польский язык позволили говорить о явлении языковой «ксенофилии» – своеобразной моде на иноязычные элементы, чему в немалой степени способствуют такие процессы, происходящие в современном польском языке, как расширение (смягчение, усиление толерантности) языковой нормы, существенная колоквализация языка (широкое проникновение элементов разговорного стиля в тексты различной функционально-стилистической принадлежности), очевидная «медиаизация» современной языковой практики (укрепление ведущих позиций языковых образцов и структур, выступающих в СМИ (mass media) и, благодаря этому, воздействующих на языковое поведение среднего носителя польского языка). А поскольку современные СМИ находятся под сильнейшим влиянием западных (чаще всего американских) образцов, то это как следствие приводит к усилению интернационализации или «окцидентализации» («озападничивания») современного польского языка. И все это в комплексе приводит к большой свободе в обращении с языком, к изменению системного и функционального статуса заимствований и целому ряду частных языковых явлений, новых для языка и требующих анализа и оценки.

2. К качественным, принципиальным последствиям наплыва иноязычных элементов относится не только значительное увеличение числа готовых лексических единиц. То есть возрастание числа заимствований не ограничивается лишь сферой собственно лексической, речь идет и об активизации словообразовательных морфем иноязычного происхожде-

ния, в первую очередь, префиксов греческого и латинского происхождения (типа *ultra-, hiper-, super-, ekstra-, mega-, mini-, makro-, post-* и под.), образовании сложных слов со связанными или усеченными корневыми иноязычными элементами (формации с *euro-, eko-, agro-, neo-, tele-, video/wideo-* и др.), появлении новых словообразовательных моделей (с такими элементами, имеющими спорный статус, как *-gate, -holik*), расширении периферийных ранее структур (напр., образование сложносокращенных слов без интерфиксации типа *inwestbank, specustawa*), резкое возрастание гибридных структур (объединение в рамках одной лексемы морфем польского и иноязычного происхождения, напр., *menedżerka, ciucholand*). Все это естественно порождает вопросы о том, как в контексте отмеченных явлений выглядит проблема вхождения заимствований в новую (в данном случае – польскую) языковую систему, изменяется ли в этих условиях процесс адаптации заимствований, каким образом становится «чужой» элемент «своим» в новой для него языковой системе, что в нем меняется или, может быть, система подстраивается под него так, что он перестает восприниматься как «инородное тело»?

3. Как известно, заимствованный элемент, попадая в принимающий язык, подвергается адаптации на разных языковых уровнях, он (этот элемент) приспособливается фонетически, графически, морфологически, синтаксически, проходит определенную семантическую обработку.

3.1. При массовом характере заимствования процесс адаптации иноязычных элементов происходит ускоренно, в результате чего не происходит (как это было раньше) постепенной стабилизации графического облика каждого элемента, а одновременно функционирует несколько равноправных графических вариантов. Очень часто мы имеем дело с окказиональными заимствованиями, окказиональными образованиями на базе заимствований, которые не подвергаются кодификационной обработке, а их фиксация в неографии носит регистрирующий характер, а не предписывающий, поэтому обычно там приводятся все встретившиеся в текстах варианты (напр., *bounce//bauns, wideo//video, brand//brend//brendować; oldschool//oldskul; jazz//dżez*), то же касается и раздельного/слитного написания и употребления дефиса (*businesswoman //bizneswoman //biznes-woman; sexshop //sex-shop //seks-shop; rock music //rock-music//rock muzyka*). Подобная вариативность наблюдается и в отношении фонетического освоения заимствований. В случаях сохранения исходного написания носитель польского языка не всегда знает, следует ли слово читать по правилам языка-источника или по правилам польского языка. Чтобы избежать такого расхождения польские языковеды склоняются к тому, чтобы пропагандировать польскую орфогра-

фическую версию иноязычных слов (*dyskdżokej, diler, dżojstik, lancz*¹), однако поскольку в прессе тем не менее все-таки обычно употребляется оригинальная графика, то проблема остается, и, таким образом, в языковой практике носителей языка заимствования создают определенную «точку напряженности».

Говоря о фонетическом аспекте заимствований, следует также отметить, что вхождение в польский язык большого числа иноязычных лексем, да еще сохраняющих свое оригинальное написание, что вынуждает носителей языка пытаться воспроизводить их оригинальное звучание, приводит к появлению фонетических заимствований (появлению иноязычных элементов в собственно фонетической системе языка). К ним польские исследователи относят появление начальных придыхательных [k][ɔ], новых шипящих [č, š, ž], напр., в *czipsy, cinquecento*, расширение представленности полумягких переднеязычных [s', z', t', d']: *dżusi*.²

3.2. В соответствии с многовековой традицией даже самые новые заимствования, как правило, включаются в польскую словоизменительную систему, если их строение этому не препятствует (*developer, -a, developerzy; monitorig, -u*). В зависимости от формальных характеристик заимствований и установления подобия или аналогии с определенными польскими формальными типами единиц у заимствований могут закрепляться и неполные парадигмы разного рода (ср. грамматические пометы в словарях: *legginsy, -blp; puzzle, - tylko lmn*, ср. *spodnie, kregle; make-up, -blm*, ср. *makijaż*). в польском языке существуют также устойчивые регулярные способы адаптации (оформления) определенных типов заимствований (напр.. элемент *-tion* заменяется на *-cja*, и лексема получает словоизменительную парадигму по женскому типу; иноязычные слова на *-ist* оформляются флексией *-a* и включаются в словоизменительный тип «*poeta*»). Регулярными являются случаи, когда при заимствовании исходная форма множественного числа переосмысливается как форма единственного числа, и лексема дополнительно оформляется польскими показателями множественного числа, напр.. *torys – torysi; drops – dropsy*; из новых примеров: *blockers – blockersi; Platformers – Platformersi*; ср. употребление первого элемента пары в контекстах, которые однозначно свидетельствуют о восприятии этой формы как един. числа: „*czy na sali jest choćby jeden Platformers?*”; „*postępowy Platformers*”; „*kolejny Platformers złapany na kłamstwie*”(из интернета).

¹ *Markowski A.* Jawne i ukryte nowsze zapożyczenia leksykalne w mediach // *Jezyk w mediach masowych / Red. J. Bralczyk, K. Mosiolek-Klosinska.* Warszawa, 2000. S. 98

² О масштабе явления может свидетельствовать достаточно эмоциональный комментарий А. Марковского по поводу звука *czy* „*chyba jeszcze nie fonemu!*” (= «все-таки еще не фонема!») – Указ. соч. С. 97.

Нетипичное для польского языка строение (или фонетический облик) заимствования может препятствовать морфологической адаптации, и в этом случае возможны примеры неизменяемых или морфологически неоформленных единиц (*yuppie, porno, logo*). Однако «чуждость» формального облика не является непреодолимым препятствием: в более свободном регистре языка – в разговорном языке, в текстах интернет-блогов – изменимость заимствований представлена более широко («*usuwać loga*»). Кроме того, возможно видоизменение, преобразование исходной формы заимствования – путем усечений каких-то исходных элементов и/или добавлений польских аффиксов, что позволяет такому иноязычному элементу легко встраиваться в польскую словоизменительную систему, ср. *randka, szmizjerka, bagietka* (← *un rendez-vous, une baguette, une chemise*), из новых образований: *beforka, afterka/beforek, afterek; referka; cdik (cidik)* (← *before party, after party, CD*). Эти примеры показывают, как может происходить своего рода «растворение» заимствований в польской языковой системе, причем преобразования могут быть столь существенные, что даже бывает трудно восстановить исходную заимствованную лексему (*debeściak* ← *the best; wtopa* ← *faux pas; lyskacz* ← *whisky*).

Появление же аффиксально не оформленных лексических элементов, функционирующих в качестве прилагательных (*muzyka techno, kaseta wideo*), является одним из ярких (и новых) проявлений влияния на польскую морфологическую систему иноязычных образцов, поскольку происходит расширение явления неизменяемости и, таким образом, в определенной степени намечается ослабление флективного характера польского языка.

Что касается глагольных заимствованных основ, то они вообще не могут быть включены в польскую морфологическую систему без предварительной обработки. Адаптация глагольных заимствованных основ осуществляется в рамках парадигматической деривации, показателем которой является преимущественно формант *-ować*: *biznesować, twistować, punkować, sponsorować, klonować*. Следующим этапом адаптации таких основ является приобретение возможных префиксальных формантов (*zrewaloryzować, wyemitować, podfermentować, sklonować*); возможно и суффиксальное развитие основы (*mailnąć, kliknąć, urentownić*). Таким образом глагольные основы одновременно включаются и в грамматические видовые соотношения.

3.3. Словообразовательный аспект адаптации заимствований был исследован и описан в польской лингвистике достаточно подробно. Здесь можно сослаться на работы К. Вашакowej, Х. Ядацкой, З. Рудник-

Карватовой. Х. Мечковской³, где исследуются как частные явления, связанные с этим процессом, так и совокупность влияний корпуса заимствований на всю систему польского словообразования.

Здесь можно говорить о двух типах явлений: с одной стороны, о собственно словообразовательной адаптации заимствованных лексем, их функционировании в качестве словообразовательных основ, центров вновь образующихся словообразовательных цепочек и гнезд, напр., *etos* → *etosiarz*, *etosowiec*, *etosiarstwo*, *etosowy*, *etośnik*; *glob* → *globalny*, *globalizm*, *globalista*, *globalizacja*, *globalizować*, *zglobalizować*. Таким образом, словообразовательная адаптация заимствований проявляется, в частности, в их словообразовательной активности. Причины этого процесса очевидны: возникает новое явление, о нем надо говорить, описывать разные аспекты его функционирования, поэтому возникает целое гнездо слов на базе использования существующих в языке словообразовательных механизмов и техник. Можно выделить особо активные словообразовательные узлы в лексической системе, формирующиеся вокруг так называемых ключевых слов, то есть наиболее важных, содержательно нагруженных с точки зрения современной жизни и цивилизации, находящихся в центре общественного внимания (ср., напр., *lobby* → *lobbista*, *lobbować*, *lobbing*, *lobbingowy*, *lobbowy*, *lobbowanie*, *lobbowany*, *przelobbować*; *makler* → *maklerski*, *maklerstwo*; *lustracja* → *lustracyjny*, *lustrować*, *zlustrować*, *lustrator* и под.)⁴, и заимствования среди них представлены в большом числе. Такие процессы, приводящие к появлению новообразований на разных ступенях деривации, оживляют польское словообразование. В таких гнездах можно наблюдать взаимодействие самых разнообразных словообразовательных средств, и собственно польских, и заимствованных.

Второй аспект словообразовательной адаптации заимствований связан с функционированием словообразовательных формантов иноязычного происхождения. Проведенные исследования словообразовательной системы польского языка на разных этапах его развития⁵, изучение основных тенденций развития современного польского языка показали, что иноязычные по происхождению аффиксы являются одними из самых активных словообразовательных компонентов в современном

³ См. в частности: *Waszakowa K.* Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005; *Rudnik-Karwatowa Z.* O najnowszych tendencjach w słowotwórstwie słowiańskim (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego) // *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich / Prace slawistyczne 114.* Warszawa, 2003; *Jadacka H.* System słowotwórczy polszczyzny (1945-2000). Warszawa, 2001; *Mieczkowska H.* Oddziaływanie zapożyczeń na system słowotwórczy języka (w ujęciu słowacko-polskim) // *Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.* Warszawa, 2007

⁴ *Waszakowa K.* Op. cit. S. 198-208.

⁵ *Jadacka H.* Op.cit.

польском языке. Не было отмечено факта появления в последние десятилетия новых суффиксов, но несомненна активизация старых заимствованных формантов, таких как *-cja*, *-ista*, *-izm*, *-ent*, *-ada* и др. Как новое явление квалифицируется усиление именной префиксации (в словообразовании имен существительных и прилагательных) с участием преимущественно заимствованных префиксов (*anty-*: *antyfeminizacja*, *antysport*, *antysnobizm*, *antywałęszizm*; *antyolimpijski*, *antyzwiązkowy*, *antypoślizgowy*; *mini-* : *miniesej*, *miniprzedszkole*, *minikomputer*; *super-*: *supergwiazda*, *superprzedsiębiorstwo*; *mikro-* : *mikroświat*, *mikrokaseta*, *mikroprocesor* и др.). Инновацией в современной польской словообразовательной системе является экспансия формаций, мотивированных двумя основами, то есть образование сложных и сложносокращенных слов. Такие дериваты, «воспринимаемые в послевоенный период как чуждые польскому языку структуры из русского и немецкого языков, являющиеся наиболее частыми неологизмами среди образований последних десяти или даже двадцати лет»⁶. К таким образованиям относятся формации с элементами *auto-* I, II, *agro-*, *bio-*, *elektro-*, *foto-*, *neo-*, *euro-*, *narko-*, *porno-*, *seks-*, *tele-*, *-gate* и др.

В ряду новых явлений отмечается и активное развитие парадигматической деривации и деривационных техник, использующих усечения основ, охватывающее как исконные, так и заимствованные лексемы, напр., *mikrofala* ← *mikrofalówka*, *klaska* ← *klasówka*, *wokal* ← *partia wokalna*, *dokument* ← *film dokumentalny*, *kolabor* ← *kolaboracjonista*, *dement* ← *demencja*. Причем заимствованные лексемы (иными словами, генетически непроизводные) при вхождении в систему польского языка, в синхронные мотивационные соотношения лексем переосмысляются и занимают в словообразовательной системе место таких безаффиксных (часто – универбизованных) дериватов, напр., *laser* ← *drukarka laserowa*, *satelita* ← *telewizja satelitarna*, *metalik (kolor)*, *implant*, *kompakt* и под., тем самым увеличивая удельный вес формаций этого типа.

3.4. Важной чертой современной польской словообразовательной системы является наличие большого числа гибридных структур, объединяющих в себе элементы исконно польские и иноязычного происхождения. Еще не так давно они получали отрицательную квалификацию польских лингвистов как нарушения закономерностей функционирования польской словообразовательной системы⁷. Активизация данного процесса, массовость явления гибридизации новой лексики заставляет по-иному взглянуть на эти факты. В контексте проблемы адаптации

⁶ Там же, с. 138.

⁷ Ср., напр., оценку такого образования, как *pielęgn -acja*: *Walczak B. Między snobizmem i modą a potrzebami języka, czyli o wyrazach obcego pochodzenia w polszczyźnie. Poznań, 1987. S. 80.*

иноязычных словообразовательных элементов такие образования, как *fotopowielacz*, *komputeropis*, *supercena*, *urlopomania*, можно рассматривать как явление, свидетельствующее о более полной адаптации заимствованных формантов, о более полном (равноправном) вхождении их в словообразовательную систему принимающего языка.

Факты, свидетельствующие о существенном воздействии иноязычных элементов и структур на словообразовательную систему польского языка, позволяют говорить о том, что интернационализация лексики является фактором, который облегчает (а иногда и заставляет) вводить в словообразовательную систему польского языка многие модели соединения слов, чуждые природе польского языка (в частности создание словообразовательных структур без участия каких-либо материально выраженных деривационных средств: *Sopotfestiwal*, *speckomisja*, *aktywpiana*)⁸. Х. Мечковская также подчеркивает, что лавинообразный наплыв заимствований вызывает то, что они становятся образцом при создании новых лексических единиц на польской почве, приводя к изменению традиционных деривационных техник; в результате этого изменяется общая картина словообразования польского языка – намечается отход от суффиксального словообразования к безаффиксному, не типичному для языков флективного типа. Таким образом флективный характер польского языка ослабляется за счет массового прироста аналитической лексики, и «все это приводит к общим преобразованиям в рамках грамматической структуры языка – от флексии к агглютинации и аналитизму»⁹.

Не подвергая сомнению обоснованность таких глобальных оценок наблюдаемых явлений, хочется тем не менее подчеркнуть, что, как правило, в языке взаимодействуют разнонаправленные тенденции и не должны оставаться без внимания и факты частого и достаточно свободного соединения заимствованных основ с польскими словообразовательными показателями. Эти факты, а также активность экспрессивного словообразования в польском языке, поддерживающие продуктивность исконно польских аффиксов, не позволяют однозначно признать победу лишь одной линии развития, ведущей к полному подчинению польской словообразовательной системы чуждому влиянию. Как пишет Х. Ядацкая¹⁰, наличие в даже в столь сильно интернационализированной терминологии, как компьютерная, таких дериватов, как *programowanie* (а не **programacja*), *konfigurowanie* (а не **konfiguring*), *kliknięcie* (а не **kliking*), а можно еще добавить – замещение первично заимствованных терминов *sejfować* на *zapisać*, *printer* на *drukarka*,

⁸ *Jadacka H.* Op.cit. S. 43.

⁹ *Mieczkowska H.* Op. cit. S. 153-154.

¹⁰ *Jadacka H.* Op.cit., S. 152.

kseroks на *kopiarka*, позволяет более оптимистично взглянуть на перспективы сохранения и развития активности исконно польских слово-образовательных элементов.

4. Вопрос об адаптации заимствований в языке имеет также и лексико-семантический и функциональный аспекты. Что происходит со значениями иноязычных лексем в принимающем языке, как они встраиваются в лексическую систему языка, полностью ли они растворяются в ней или факт иноязычного происхождения каким-либо образом влияет на их использование в языке, на восприятие их носителями языка? Тема эта многоаспектная и широкая, хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые моменты.

4.1. Конечно, происходит и лексико-семантическая адаптация, отмечаются процессы сужения, конкретизации значений¹¹. Широко распространено явление неосемантизации более ранних, уже освоенных заимствований. Среди таких неосемантизмов последнего времени отмечаются такие, как *agresywny* в зн. „dynamiczny, bardzo intensywny”, *aplikacja* в зн. „podanie, prośba”, *film* в зн. „cienka warstwa”, *kreatywny* в зн. „twórczy”, *prezydent* в зн. „prezes”; *inteligentny (proszek)*, *kultowy (film)*. Часто на польской почве морфологически освоенные заимствования (снабженные морфемами-«адаптаторами») приобретают разговорную окраску, не свойственную многозначным и стилистически нейтральным в языке-источнике словам (напр., *to check* → *(s)czekować* „sprawdzać”; *to clear* → *klirować* „objaśniać”).

Заимствования претерпевают различные семантические преобразования, тем не менее важной особенностью процесса их освоения является то, что в силу масштабности, массовости вхождения заимствований в современный язык они сохраняют для носителей языка семантическую неопределенность, являются семантически нечеткими для среднего носителя языка (об этом говорят многочисленные исследования¹²). Этот средний носитель языка часто не умеет идентифицировать все семантические компоненты значения. Следствием этого могут быть различные явления, в частности индивидуальная семантизация заимствования на польской почве, которая проявляется в выделении в качестве базового того или иного компонента значения при нейтрализации всех остальных. Так, напр., контексты со словом «*premedytacja*» демонстрируют выделение из значения, фиксируемого словарями «*obmyślenie i przygotowanie naprzód jakiegoś działania o charakterze ujemnym lub wręcz*

¹¹ См. *Markowski A.* Op. cit. S. 98; *Matuszek B., Stankiewicz P.* Kilka uwag o polszczyźnie internetowej // *Współczesne odmiany języka narodowego.* Łódź, 2004. S. 134-144.

¹² *Markowski A.* Op. cit.; *Małocha-Krupa A.* Słowa w lustrze / Pleonazm – semantyka – pragmatyka. Wrocław, 2003; *Smółkowa T.* Nowe słownictwo w prasie // *Język w mediach masowych* / Red. *J. Bralczyk, K. Mosiolek-Kłosinska.* Warszawa 2000.

zaskakującym; świadomy zamiar, rozmyślne planowanie i przygotowanie przestępstwa», компонента «rozmyślnie, świadomie, w sposób zaplanowany» с потерей негативно-оценочного оттенка: ср. напр. примеры из прессы и интернета „*głupota czy premedytacja*”; „*doświadczenia teatru między improwizacją a premedytacją*”; „*z premedytacją jestem szczęśliwa wszystkim na złość*”; „*jestem singlem z premedytacją*”. Возможно и иное направление семантической избирательности; так, на базе частых употреблений этого слова в контекстах типа «zabójstwo z premedytacją» (=предумышленное убийство как особо тяжкое, жестокое) в значении слова актуализируется лишь один компонент («особо жестокое»), остальные же просто игнорируются, что приводит к появлению таких употреблений, как «*w czasie tej wojny zabijano masowo, bez względu na wiek i płeć, z premedytacją*».

4.2. Следствием семантической неопределенности, отсутствия опоры на существующие уже в системе языка элементы, которые могли бы облегчить процесс правильной семантизации заимствований, являются достаточно распространенные явления смешения паронимических лексем типа *recepja – recesja, adaptować – adoptować, pryncypalny – pryncypialny* или попытки установить мотивационные связи с паронимическими лексемами, когда *populista* связывается с *popularny*, *oportunistą* с *oporem*, глагол *znarkotyzować* с *narkoza*.

4.3. Еще одним следствием подобной семантической размытости заимствований для подавляющего большинства носителей языка становится активное пополнение группы плеонастических сочетаний (типа *niefortunny pech, szczęśliwy happy end, optymistyczne nadzieje, degrengolada moralna, osobista autopsja*). Автор монографии, посвященной плеоназмом современного польского языка, А. Малоха-Крупа отмечает, что хотя семантическая избыточность плеоназмов очевидна исследователю, он вынужден учитывать массовость этого явления и в определенной мере признавать его закономерный характер, а также функциональную востребованность с лингвопрагматической точки зрения. Для среднего носителя языка насыщенные заимствованиями тексты, широко представленные в современных СМИ, становятся непонятными. Он вынужден декодировать их значения, основываясь на интуитивной интерпретации и контекстуализации. Поэтому и появляются и закрепляются в узусе семантически более точные, но по сути избыточные конструкции типа *dalsze kontynuowanie, bilateralne stosunki dwustronne, potencjalne możliwości, przychylna akceptacja*. Причем стоит подчеркнуть, что плеонастические конструкции нередки даже в текстах, написанных филологами, а некоторые подаются и в словарях, напр., в Универсальном словаре дается сочетание «*łagodny zefirek*» (ср. „zefir” – łagodny wiatr). Важно обратить внимание на изменение интерпретации таких сочета-

ний польскими лингвистами, на изменение их статуса, что позволит проследить изменения в требованиях языковой нормы и учитывать это при обучении польскому языку.

4.4. Еще одна сфера, где можно отметить особую функциональную активность заимствований, – это использование их в качестве окказиональных и устойчивых эвфемизмов. В этом случае эвфемистический характер употребления таких лексем, как *recesja*, *eskalacja*, *likwidacja*, *liberalizacja cen*, *korupcja*, также объясняется семантической нечеткостью (для носителя принимающего языка) и диффузностью семантики заимствованных лексем.

4.5. Итак, попадая в систему чужого языка, заимствования проходят разнообразные процессы адаптации к ней (и в ней), приспособления к новым условиям существования, либо подстраиваясь под требования, налагаемые этим языком, растворяясь в нем, становясь «своим», либо подстраивая эту систему под себя, навязывая ей свои «правила игры». Но тем не менее контраст «свой – чужой» частично сохраняется и также может быть функционально востребован. Примером может быть поведение заимствованных лексем и структур в тех сферах языка, которые рассчитаны на языковую игру, креативность, индивидуальное языковое творчество, в частности, это можно наблюдать в молодежном сленге, в языке прессы и интернета, где элементы иностранных языков, заимствования представлены особенно широко, куда иноязычная лексика и структуры проникают особенно легко и даже целенаправленно. Появление гибридных образований, окказиональная адаптация любых иноязычных элементов здесь наблюдается особенно широко. Проиллюстрировать это можно материалами, представленными в новейших описаниях польского молодежного сленга¹³ и работах, посвященных языковой креативности¹⁴. Так, несомненной высокой степенью экспрессивности и воздействия на адресата обладают такие гибридные окказиональные формации, как *wiochman*, *euroglina*, *chłamowizja*, *echoman* (=подражатель).

В сленге также можно наблюдать действие обеих выделенных нами тенденций поведения заимствований. С одной стороны, видно стремление так преобразовать заимствованный элемент, чтобы он полностью растворился в польском языке, чтобы стереть его «чуждость», напр., *a sound* → *sandomierz*, *sorry* → *sorewicz*, *how much* → *zhaumaczować* („spytać o cenę”), *to chill out* → *wyciłować się*, *thanks* → *dzienks*, *long* → *śluchać longiem* („bez przerwy, non stop”; слово *long* получает оформ-

¹³ Chaciński B. Wypasiony słownik najmłodszej polszczyzny. Kraków, 2003; Chaciński B. Wyczesany słownik najmłodszej polszczyzny. Kraków, 2005.

¹⁴ В частности см. Kudra B. Kreatywność leksykalna w dyskursie politycznym polskiej prasy lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych. Łódź, 2001.

ление по аналогии с польскими наречиями образа действия типа *ciurkiem*); *cheerleader* → *cheerleaderka/-ki* → *rozgrzewaczki*. Примером легкости морфологического освоения заимствований может стать образование превосходной степени от прилагательного *dżezi*: *najdżeznijsza*. С другой стороны, языковая игра с заимствованиями проявляется и в том, чтобы, напротив, оформить как иноязычный элемент исконно польское слово или скалькировать польскую структуру средствами английского языка: *jush*, *znoof*, *qumpela*, *spox* (← *spokojny*), который в этой форме становится базой для целой цепочки дериватов: *spoxowy*, *spoksiarski*; *pasuje mi to* → *pasimito*, *pasuje ci to* → *pasicito*. Широко распространен прием шуточного перевода иностранных фамилий на польский язык, напр., *mister Krzak* (← *Bush*), и в то же время может реализоваться и противоположный механизм – перевода (калькирования) польских фамилий на английский (*Jan z Blackforest* ← *z Czarnolasu*), широко применяемый при образовании интернет-ников.

5. Таким образом, сделанные наблюдения над процессами адаптации заимствований в современном польском языке, подтверждают выводы о том, что иноязычные элементы оказывают существенное влияние на перестройку всей системы польского языка, разных ее уровней, но тем не менее внутриязыковые механизмы сохранения языковой самоидентичности способны противостоять деструктивным воздействиям и осуществлять перенастройку системы, извлекая из нового материала все функционально ценное и релевантное.

Политические партии как вид эргонимов на примере польской и русской эргонимической лексики

© *Е.А. Попова, 2009*

Эргонимия (эргоним – собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [Подольская 1978]) стала объектом специального исследования не так давно, и ее изучение имеет не столь долгую традицию, как, например, исследование антропонимов или топонимов. Эргонимическая лексика неоднородна, возможно выделение внутри нее нескольких тематических групп: наименования политических партий, правительственных учреждений, коммерческих предприятий, профессиональных объединений, музыкальных коллективов, спортивных клубов и др. Эргонимический материал, который становился предметом немногочисленных исследований в России и Польше, охватывал лишь некоторые из перечисленных тематических групп. Так, в большей или меньшей степени для различных языков были изучены: названия фирм и коммерческих предприятий, кинотеатров, магазинов, международных организаций, музыкальных коллективов, лечебных учреждений. Остальные же тематические группы не были исследованы и описаны. Поэтому изучение определенной части эргонимической лексики представляет особый интерес и является актуальным в силу возрастания такого рода образований в последнее время. Наименования политических партий еще не становились объектом исследования ономастов. Несмотря на то, что эта группа онимов замкнута и относительно немногочисленна, интересно проследить структурные и семантические особенности, свойственные этому типу имен собственных (далее ИС).

Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления [Федеральный закон о политических партиях]. В Польше политическая партия вписывается в реестр политических партий (*ewidencja partii politycznych*), который ведется Окружным судом в Варшаве, в России ведением такого реестра занимается Федеральная регистрационная служба. В данном случае мы ограничиваемся анализом только тех политических объединений, которые зарегистрированы как партии.

Являясь классическим примером эргонимов, наименования политических партий демонстрируют свойственные эргонимам особенности структуры и семантики.

Все эргонимы можно разграничить на две группы в зависимости от их связи со свойствами денотата. Первую группу составляют имена, где все входящие в их состав слова употребляются в своем прямом значении, и при этом наблюдается полное соответствие между свойствами обозначаемого объекта и значениями используемых в наименовании слов, например, *Katolicki Uniwersytet Lubelski*, *Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД РФ*. Такого рода эргонимы получили название «реальных» [Суперанская 1989] или «реально мотивированных» [Беспалова 1991]. Вопрос о принадлежности к онимам названий организаций, учреждений, обществ и т.п., которые представляют собой словосочетание, состоящее из имен нарицательных, и описывающее тип и направление деятельности данного учреждения является дискуссионным. В принадлежности к ИС наименований с прозрачной семантической структурой сомневались многие исследователи и либо отказывали им в статусе онимов, либо относили их к апеллативно-онимическому пограничью. Вторую группу составляют т.н. «условно-символические» эргонимы. Такого типа наименования образованы от онимов и/или апеллативов и не связаны напрямую со свойствами денотата. И. В. Крюкова делит их на «условные» и «символические» в зависимости от типа этой связи [Крюкова 1993]: например, если название «*Ромашка*» имеет фирма, занимающаяся продажей цветов, то перед нами наименование символическое, так как оно позволяет представить направление деятельности фирмы, а если так называется детский сад, то наименование не указывает на профиль заведения, а просто вызывает положительные ассоциации: солнце, радость, беззаботность и т.д., и таким образом может быть отнесено к условным. Есть и смешанные наименования, когда условно-символический компонент (обычно завыченный) предваряется реальным описанием: *Polskie Stowarzyszenie Bioterapeutów «Віороб»*, *Всероссийская политическая партия «Единая Россия»*.

Проблема отнесения к ИС наименований реального типа для нас весьма актуальна, так как наименования политических партий примерно в 60% случаев являются наименованиями именно такого типа. Принимая во внимание то, что такие описательные наименования выполняют идентификационную функцию и, кроме того, фиксируются в специальном реестре и таким образом обеспечивают уникальность наименования (запрет на использование названий существующих партий), мы склонны относить дескриптивные имена к ИС.

Помимо проблемы отнесения наименований реального типа к ИС, перед нами стоит и еще одна проблема. В связи с необходимостью регистрации партии и записи о ее создании в соответствующем документе, мы должны рассматривать наименование в том виде, в котором оно зарегистрировано (то же наименование присутствует и в уставе партии). Создатели политических партии вольны создавать свое наименование (включая терминологический член, или номенклатурный термин) по своему усмотрению, соблюдая лишь несколько требований (запрещается использовать наименования существующих партий, упоминать названия органов государственной власти и др.). Такая свобода в создании наименований приводит к тому, что в этой относительно небольшой группе ИС наблюдается довольно большое разнообразие. В подавляющем большинстве случаев в уставе присутствует термин «(политическая) партия» (или другое обозначение организации), заменяющий собой наименование, которое по этой причине можно бы было считать номенклатурным термином, не входящим в состав ИС. Очевидно, что в случае с конструкциями типа *Политическая партия «Партия социальной справедливости»*, *Partia polityczna «Polska Partia Pracy»*, *Политическая партия «Общенациональная российская политическая партия «СОЮЗ»*, широко представленными в уставах различных организаций, два одинаковых компонента («политическая партия») в состав одного наименования входить не могут. Логично было бы считать первое словосочетание «политическая партия» номенклатурным термином, а остальную часть – собственно наименованием, ведь в завышенной части уже присутствует информация о том, какого именно рода денотат так именуется. Однако у нас есть и другого типа названия, где решение проблемы не представляется столь же очевидным. Если в наименованиях *«Народный Союз»*, *«Stronnictwo Konserwatywno-Ludowe»* убрать родовое определение, то наименование потеряет целостность и информативность (тогда как для наименований политических партий информационная функция является определяющей). Кроме того, встает вопрос, насколько логично считать структуры названий *Политическая партия «Народный Союз»* и *Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила»* принципиально различными.

Однако, по-видимому, именно такое решение является наиболее приемлемым. Поскольку добавить родовой термин «политическая партия» мы можем к любому из рассмотренных нами наименований (что чаще всего и представлено в уставе) и поскольку процесс имятворчества не затрагивает эту часть наименования, то мы будем считать словосочетание «политическая партия» (а также другие термины, определяющие виды объединений) номенклатурным термином, а словосочетания, дополненные другими компонентами (*Всероссийский, Российский,*

Krajowy и др.) – именами собственными. В последнем случае очевидно стремление номинатора подчеркнуть определенный аспект деятельности организации, дополнить номенклатурный термин и другой информацией, помимо родового обозначения.

Среди наименований политических партий встречаются все перечисленные выше типы названий: реальные, условно-символические и смешанные, однако частотность их различна, что напрямую связано с функциями, которые призвана выполнять данная группа ИС.

1) реально мотивированные наименования

Наименование политической партии должно информировать о направлении деятельности партии, об основных ценностях и целях – то есть выполнять информационную функцию. Поэтому реально мотивированные наименования составляют абсолютное большинство в этой группе эргонимов, так как наиболее четко и полно о направлении деятельности партии можно сказать, описав его с помощью имен нарицательных или других определений:

Polska Partia Ochrony Emerytów i Rencistów (uct.¹), *Partia Przeciwników Niszczenia Ojczyzny (uct.)*, *Stronnictwo Konserwatywno-Ludowe (SKL) (uct.)*, *Либерально-демократическая партия России (акт.)*, *Партия социальной справедливости (акт.)*.

Реально мотивированные наименования политических организаций представляют собой многокомпонентные эргонимы, в которых можно выделить ядерный компонент (*partia*, *stronnictwo*, *unia*, партия, союз и др.) – определяемое слово, с которым связаны зависимые слова (*ludowy*, *polski*, *kobiet*, демократический, России и др.).

Центральной моделью для этого типа эргонимов является структура вида **SUB+sub2²**: *Unia Pracy (акт.)*, *Partia Dziecka (uct.)*, *Партия пенсионеров (uct.)*

и

SUB+ADJ: *Liga Republikańska (uct.)*, *Stronnictwo Konserwatywno-Ludowe (uct.)*, *Народный союз (uct.)*, *Демократическая инициатива (uct.)* –

¹ Условные обозначения: акт. – ИС объектов, которые существуют в настоящее время, ист. – наименования объектов, которые уже не существуют.

² Условные обозначения: SUB – ядерный компонент (существительное) в форме Именительного падежа, ADJ – согласуемое определение при ядерном компоненте, sub2 – несогласуемое определение при ядерном компоненте, выраженное существительным в Родительном падеже, adj2 – согласуемое определение при члене sub2, sub2 – несогласуемое определение при члене sub2, выраженное существительным в Родительном падеже, adj2 – согласуемое определение при члене sub2, sub4 – компонент, выраженный существительным в Винительном падеже.

то есть ядерный компонент с зависимым словом (согласованным (ADJ) или несогласованным (sub2) определением). На основе этих структурных схем построены практически все остальные существующие модели: к ядерному компоненту или определению могут относиться и другие определения (также согласованные и несогласованные), которые могут занимать пре- и постпозицию (подробнее см. ниже) и также быть распространены:

- ADJ+ADJ+SUB (ADJ+SUB+ADJ): *Radykalna Akcja Antykomunistyczna* (исм.), *Polski Blok Ludowy* (акт.), *Российская конституционно-демократическая партия* (исм.);
- ADJ+ADJ+ADJ+SUB: *Российская объединенная промышленная партия* (исм.);
- SUB+adj2+sub2 (SUB+sub2+adj2): *Liga Polskich Rodzin* (акт.), *Federacja Polskiej Przedsiębiorczości* (исм.), *Konfederacja Polski Niepodległej* (акт.), *Партия социальной справедливости* (исм.), *Партия российских регионов* (исм.), *СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ* (исм.);
- SUB+sub2+sub2: *Ruch Odbudowy Polski* (акт.), *Партия возрождения России* (исм.), *Партия любителей пива* (исм.);
- ADJ+SUB+sub2+sub2: *Polska Partia Przyjaciół Piwa* (исм.), *Polska Partia Ochrony Emerytów i Rencistów* (исм.), *Российская партия самоуправления трудящихся* (исм.);
- SUB+sub2+sub2+sub2: *Partia Przeciwników Niszczenia Ojczyzny* (исм.);
- ADJ+ADJ+SUB+sub2+adj2+sub2: *Российская сетевая партия поддержки малого и среднего бизнеса* (исм.).

Очевидно, что потенциально возможно и большее распространение всех компонентов – любой элемент может иметь при себе одно или несколько согласованных или несогласованных определений.

В материале зафиксированы две модели, представляющие собой предложные конструкции: для польского языка была отмечена структура - SUB+dla+sub2: *Ruch dla Rzeczypospolitej* (исм.), *Koalicja dla Rzeczypospolitej* (исм.), *Przymierze dla Polski* (суц.), для русского - SUB+sub2+za+sub4: *Союз людей за образование и науку* (исм.) (с тем же значением). В последнем случае нами был отмечен только один пример, что связано с тем, что подобная структура более характерна для наименований движений, которые мы здесь не рассматриваем.

В качестве ядерного компонента в польском материале представлены следующие лексемы:

akcja, blok, federacja, forum, inicjatywa, koalicja, konfederacja, kongres, liga, partia, platforma, porozumienie, przymierze, ruch, sojusz, stronnictwo, unia, wspólnota, zjednoczenie, związek.

В собранном русском материале таких компонентов зафиксировано гораздо меньше:

партия, союз, движение, инициатива, ассоциация, центр, конгресс.

Следует заметить, что для русского материала в подавляющем большинстве примеров это именно слово «партия», гораздо реже встречается «союз», а все остальные лексемы отмечены в единичных случаях. Немного другую картину мы имеем в польском материале.

В соответствии со словарным толкованием, все слова этого списка можно разделить на несколько групп (по материалам словарей В. Дорошевского и Д. Н. Ушакова):

- лексемы со значением союза, объединения людей:
partia, ruch, stronnictwo, wspólnota, zjednoczenie;
- лексемы со значением союза, объединения единиц другого порядка (организаций, государств и др.):
blok, federacja, konfederacja, liga, unia, platforma, przymierze, sojusz;
- немаркированные в этом отношении лексемы:
koalicja, związek, союз;
- лексемы, не содержащие в своем значении компонента «объединение, союз»:
akcja, inicjatywa, kongres, forum, porozumienie; инициатива, конгресс, центр.

Среди лексем последней группы находятся единицы со значением «собрание людей» (***forum, kongres, конгресс***) и со значением «предприятие, действие» (***akcja, inicjatywa, инициатива***) (подробнее о значении лексем, которые могут использоваться в качестве ядерного компонента, см. ниже), а также лексемы со значением «соглашение» (***porozumienie***) и «средоточие» (***центр***).

Как видно из списка, большинство этих лексем содержат в своем значении компонент «союз, объединение», так как партия является объединением людей для совместных действий. Предположив, что выбор той или иной лексемы в качестве ядерного компонента обусловлен свойствами объекта, рассмотрим лексические значения всех слов и применим их к имеющимся объектам.

Так, например, лексема ***ruch*** – политическое движение – обозначает массовое движение, преследующее, как и политическая партия, политические цели, но не имеющее, как правило, четкой организационной структуры, фиксированного индивидуального членства. Так же, как и партия, движение может быть зарегистрировано, выступать на выборах и выдвигать своих кандидатов. [Ordynacja Wyborcza]. Однако эта лексе-

ма в нашем материале широко используется и в наименованиях политических партий, а не политических движений (которые мы здесь не рассматриваем). Так, *Ruch Stu*, *Ruch Społeczny*, *Ruch Odbudowy Polski* и др. выступают в справочниках именно как политические партии, а не политические движения. Что же касается русского материала, то в собственно наименовании лексема «*движение*» встречается исключительно в случае политических движений. То же можно сказать и об употреблении в польском и русском материале терминов «*blok*» и «*блок*». Если некоторое число польских политических партий содержит эти лексемы, то в русском материале это слово относится исключительно к объединениям, которые являются избирательными блоками (о наименованиях избирательных блоков, фракций и депутатских объединений см. ниже).

Толкования, дающиеся для остальных лексем также не дают возможности понять, какими свойствами должен обладать объект, чтобы быть названным тем или иным словом. Для многих лексем в толкованиях отсутствуют компоненты значения, которые бы позволили таким образом назвать политическое объединение.

Так, например, для лексемы *unia* дается следующее толкование: «объединение двух или более государств, в котором все сохраняют суверенитет» [Doroszewski, t.9 T-Wyf: 1354]. Возможно, с течением времени значение данной лексемы стало более широким по сравнению с периодом издания словаря (1958-1969 гг.) и стало обозначать не только союз государств, но и союз людей. При этом заметим, что союз людей, названный данным словом, не является союзом, в котором его члены сохраняют суверенитет. Например, политическая партия *Unia Pracy (UP) (акт.)* по своей организации не отличается от политических партий, в наименованиях которых используются иные лексемы (например, *partia* или *stronnicтво*). Таким образом, возможно, мы имеем дело с появлением у лексемы *unia* второго значения. Словарное толкование лексемы *federacja* таково: «союз, объединение государств, в котором государства, входящие в его состав, создают новое государственное образование, сохраняя в определенной степени внутреннюю самостоятельность» [Doroszewski, t.2 D-G: 836]. В наименовании *Federacja Polskiej Przedsiębiorczości (ucm.)* этот компонент явно не имеет такого значения.

То же можно отнести и к другим лексемам, в значении которых содержится компонент «объединение государств», а также к лексемам, в значении которых отсутствует компонент «объединение, союз» (см. выше). То есть за временной период, прошедший со времени создания словаря до сегодняшнего дня, данные лексемы приобрели компонент значения (или отдельное значение) «объединение людей».

Толкования некоторых лексем весьма похожи и даются одно через другое, посредством списка синонимов, что свидетельствует о том, что значения данных лексем очень близки, близки и экстралингвистические свойства объектов, называемых этими лексемами: например, толкование лексемы *stronnictwo* гласит, что это «группировка, объединяющая людей со сходными политическими, общественными, религиозными и др. взглядами, борющихся за общие цели, интересы; партия (*partia*)» [Doroszewski, t.8 S-Ś: 823]. Таким образом, лексема *stronnictwo* объясняется через лексему *partia*. Словарное толкование лексемы *konfederacja* таково: «союз суверенных государств, созданный для реализации определенных политических целей; *przymierze, sojusz, liga*» [Doroszewski, t.3 H-K: 908]. Лексема *sojusz* определяется как «*przymierze, związek*; союз, особенно между государствами» [Doroszewski, t.8 S-Ś: 483].

Таким образом, все данные лексемы являются синонимами и в настоящее время скорее всего невозможно выделение набора признаков, которыми должен обладать объект, чтобы быть названным тем или иным словом.

Выбор той или иной лексемы обуславливается субъективными соображениями номинатора. Здесь возможно выделение определенных закономерностей.

Прежде всего, на протяжении достаточно долгого времени после прекращения существования Польской Объединенной Рабочей Партии (*Polska Zjednoczona Partia Robotnicza (PZPR) (ucm.)*), в названиях партий номинаторы принципиально избегали слова *partia*. Этим и объясняется такое разнообразие среди номенклатурных терминов в наименованиях польских политических партий. В настоящее время данная лексема, видимо, уже не вызывает настолько сильных негативных ассоциаций, поэтому в наименованиях партий встречается наряду с другими. В русском же материале, как уже было отмечено, абсолютное большинство наименований содержит именно слово «партия», которое, очевидно, не вызывает таких ассоциаций и эмоций, как у поляков. Возможно, это связано также с тем, что организации, официально зарегистрированные как политические партии, имели больше привилегий при участии в выборах, а в 2007 г. был издан закон, запрещающий иным организациям в них участвовать. Слово «партия» (по сравнению с иными лексемами в составе наименования партии) вызывает ассоциации «структурированность», «уверенность», «четкость», «сила» и др., в отличие от слов «движение», «союз» и др. Таким образом, быть «партией» более престижно, это вызывает доверие и уважение потенциальных избирателей. В единичных случаях возможно употребление других лексем, однако почти всегда это следствие нежелания изменять название после перерегистрации общественного объединения (с соответствующим компонен-

том в названии) в качестве политической партии. В польском же материале другие лексемы функционируют довольно часто, хотя среди лингвистов имеются противоречивые мнения по поводу удачности их употребления в качестве наименований.

Так, по замечанию В. Писарека, на которое ссылается в своей статье Я. Т. Яницкий, лексема *sojusz* вызывает у людей его поколения ассоциации только с двумя понятиями «*sojusz polsko-radziecki*» (русско-польский союз) и «*sojusz robotniczo-chłopski*» (рабоче-крестьянский союз).

Лексема *platforma* с точки зрения ассоциаций вызывает разногласия у таких лингвистов, как В. Писарек, А. Чеслик и М. Зажицкий. А. Чеслик считает, что данная лексема вызывает скорее позитивные ассоциации благодаря наличию таких понятий, как «*platforma polityczna*» (политическая платформа), «*platforma ideologiczna*» (идеологическая платформа). М. Зажицкий подчеркивает чувство неустойчивости, нестабильности и небезопасности, которое, по его мнению, вызывает лексема *platforma*. В. Писарек выражает мнение, что данная лексема является «модной» и «пришла по вкусу» молодому поколению, причиной чего является появление цифрового телевидения. Он замечает, что помимо двух реалий, которые ранее могла обозначать лексема *platforma* (средство транспортировки груза и толстая подошва ботинка), в последнее время появилась еще одна – цифровая платформа, понятие, связанное с пакетом телевизионных программ. Таким образом, слово *platforma* стало очень современным. [цит. по: Janicki].

Зависимыми словами при ядерном компоненте являются определения – согласованные и несогласованные.

В роли **согласованного** определения может выступать:

а) прилагательное

По семантике прилагательные, встречающиеся в наименованиях партий, можно разделить на следующие группы:

- указывающие на местоположение – *krajowy, ogólnopolski, polski, powszechny, wielkopolski, всероссийский, общенациональный, общероссийский, российский и др.*: *Polskie Stronnictwo Ludowe (ист.), Krajowa Partia Emerytów i Rencistów (акт.), Wielkopolska Unia Socjaldemokratyczna (ист.), Российская партия труда (ист.), Всероссийская политическая партия народа (ист.);*
- указывающие на идеологическую направленность партии –

antykomunistyczny, bezpartyjny, demokratyczny, socjalistyczny, демократический, коммунистический, социалистический и т.д.:

Bezpartyjny Blok Wspierania Reform (ист.), Demokratyczna Unia Kobiet (ист.), Polska Partia Socjalistyczna (ист.), Демократическая партия России (акт.), Коммунистическая партия Российской Федерации (акт.);

- указывающие на главную для данной организации ценность, ключевое понятие программы, основное направление деятельности –

ekologiczny, katolicki, konserwatywny, ludowy, narodowy, patriotyczny, radykalny, republikański, аграрный, консервативный, народный, патриотический, промышленный, республиканский, сетевой, экологический и т.д.:

Ekologiczna Unia Demokratów (ист.), Polski Front Patriotyczny (ист.), Liga Republikańska (ист.), Народная партия Российской Федерации (ист.), Аграрная партия России (ист.);

- указывающие на состав членов (причем, как правило, данное указание демонстрирует возможность участия широких слоев населения) –

społeczny, obywatelski, гражданский и т.д.:

Ruch Społeczny (ист.), Platforma Obywatelska (сущ.), Гражданская партия России (ист.).

Частотно использование сложных прилагательных, когда направленность деятельности партии нельзя выразить однословным, при этом адъективные составные части сложного прилагательного могут относиться к различным семантическим группам –

chrześcijańsko-społeczny, demokratyczno-społeczny, konserwatywno-ludowy, liberalno-demokratyczny, ludowo-chrześcijański, narodowo-demokratyczny socjaldemokratyczny, społeczno-narodowy, конституционно-демократический, либерально-демократический, народно-республиканский, социал-демократический и т.д.:

Stronniectwo Konserwatywno-Ludowe (акт.), Unia Społeczno-Narodowa (ист.), Народно-республиканская партия России (ист.), Российская конституционно-демократическая партия (ист.).

б) страдательное причастие

Polska Zjednoczona Partia Robotnicza (ист.), Российская объединенная промышленная партия (ист.).

В роли несогласованного определения выступает форма род.п. ед. или мн.ч. существительного (субстантивированного прилагательного или причастия), нескольких существительных, соединенных сочинительной связью, а также в редких случаях числительного.

Форма род.п. в этой функции может указывать на различные свойства партии:

- направление деятельности партии

В этом случае зависимый компонент представляет собой как бы ключевое для политической программы партии слово, что позволяет уже по названию определить главное направление ее деятельности:

Unia Wolności (акт.), Unia Pracy (акт.), Partia Dziecka (акт.), Российская партия труда (исм.), Партия социальной справедливости (акт.), Партия самоуправления трудящихся (акт.), Партия российских регионов (исм.).

В этой группе довольно частотно появление отглагольных существительных, называющих действие (которое является главной целью партии): *Partia Ochrony Emerytów i Rencistów (исм.), Polska Partia Odnowy Kraju (исм.), Ruch Odbudowy Polski (акт.), Партия возрождения России (акт.), Российская сетевая партия поддержки малого и среднего бизнеса (исм.).*

- характеристику членов партии в различных аспектах:
 - гендерная принадлежность (во всех отмеченных случаях - феминная): *Partia Kobiet (акт.), Demokratyczna Unia Kobiet (исм.), Народная партия женщин России (исм.);*
 - идеологическая принадлежность: *Partia Republikanów Polskich (исм.), Przymierze Prawicy (исм.), Sojusz Lewicy Demokratycznej (акт.), СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ (исм.);*
 - социальный статус: *Akcja Bezrobotnych (исм.), Krajowa Partia Emerytów i Rencistów (акт.), Polska Unia Pracujących (исм.), Российская партия пенсионеров (исм.);*
 - интересы, пристрастия: *Polska Partia Przyjaciół Piwa (исм.), Партия любителей пива (исм.);*
 - количество (единственный пример): *Ruch Stu (исм.).*

- месторасположение
Rzemieśnicza Partia Polski (исм.).

Как видно из данного списка, существительное в форме род.п. в функции несогласованного определения, как правило, называет различные характеристики членов партии, причем чаще всего используется форма мн.ч., что подчеркивает тот факт, что данные образования являются объединениями людей. Форма ед.ч. используется для тех существительных, которые называют основное понятие программы партии (т.е. являются ключевыми словами), а также (в польском языке) собирательных существительных, которые также называют характер членов пар-

тии, но одновременно уже содержат в своей семантике компонент множественности (*Sojusz Lewicy Demokratycznej, Przymierze Prawicy*). В русском материале такие собирательные существительные не представлены.

Существительное в функции несогласованного определения может, в свою очередь, также иметь при себе определение – согласованное и несогласованное (дополнение). В роли согласованного определения при существительном в форме род.п. может выступать:

- прилагательное (реже несколько), которые могут характеризовать объект, названный членом sub2, в различных аспектах: по местонахождению (*Liga Polskich Rodzin (акт.)*), идеологической направленности (*Porozumienie Polskich Chrześcijańskich Demokratów (исм.)*, **СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ (исм.)** и др. (*Konfederacja Polski Niepodległej (акт.)*, *Партия социальной справедливости (акт.)*);

- порядковое числительное (единственный пример в польском материале)

Ruch Trzeciej Rzeczypospolitej (исм.).

В функции несогласованного определения может быть представлено существительное (иногда несколько существительных, соединенных сочинительной связью) в форме род.п., указывающее на объект действия, названного членом sub2 (*Ruch Odbudowy Polski (акт.)*, *Polska Partia Odnowy Kraju (исм.)*, *Partia Ochrony Emerytów i Rencistów (исм.)*, *Партия возрождения России (акт.)*, *Российская сетевая партия поддержки малого и среднего бизнеса (исм.)*), на субъект действия, названного членом sub2 (*Российская партия самоуправления трудящихся (исм.)*), объекта отношений, названных членом sub2 (*Partia Przeciwników Niszczenia Ojczyzny (исм.)*, *Polska Partia Przyjaciół Piwa (исм.)*, *Партия любителей пива (исм.)*).

Как видно из приведенных примеров, иногда и этот член может быть распространен (*Przeciwników Niszczenia Ojczyzny (исм.)*, *Российская сетевая партия поддержки малого и среднего бизнеса (исм.)*).

Позиция определений при ядерном компоненте в русских эргонимах не вызывает сомнений: несогласованное определение занимает постпозицию, согласованное – препозицию:

Народно-патриотическая партия России (исм.), *Российская сетевая партия поддержки малого и среднего бизнеса (исм.)*.

Порядок «определение-определяемое слово» в польском языке подчиняется особым принципам. Несогласованное определение ставится после определяемого слова. Для согласованного определения возможна как препозиция, так и постпозиция. Если наименование партии включает в себя только два компонента, то согласованное определение ставит-

ся после определяемого слова. Таким образом, в двухкомпонентных названиях политических партий ядерный компонент всегда занимает инициальную позицию:

Platforma Obywatelska (акт.), Zjednoczenie Polskie (учм.), Liga Republikańska (учм.), Unia Chrześcijańsko-Społeczna (учм.).

В трехкомпонентных и более сложных эргонимах место согласованного определения зависит от типа других определений при ядерном компоненте. При наличии несогласованного определения согласованное определение занимает препозицию:

Bezpartyjny Blok Wspierania Reform (учм.), Polska Unia Pracujących (PUP) (учм.), Rzemieśnicza Partia Polski (RzPP) (учм.).

В случае наличия двух согласованных определений прилагательное, называющее более существенный отличительный признак объекта, занимает постпозицию:

Polska Unia Socjaldemokratyczna (учм.), Zjednoczone Stronnictwo Ludowe (учм.).

Одним из особых типов реально мотивированных эргонимов являются наименования, которые представляют собой слово или словосочетание, называющее членов партии – это собирательное существительное или существительное в форме множественного числа:

Chrześcijańska Demokracja III Rzeczypospolitej Polskiej (учм.), Socjaldemokracja Polska (SdPI) (акт.), Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej (SDRP) (учм.), Narodowa Demokracja (учм.), Prawosławni (учм.), Republikanie Rzeczypospolitej Polskiej (учм.), Zieloni Rzeczypospolitej Polskiej (учм.), Zieloni 2004 (акт.), Женщины России (учм.), Социал-демократы России (учм.), Истинные патриоты России (учм.).

2) условно-символические и смешанные

Поскольку одной из главных задач политической партии является получение поддержки возможно большего числа граждан, немаловажной является и рекламная функция наименования. В этом одно из отличий политических партий от государственных учреждений и профессионально-творческих союзов, которые не ставят своей целью привлечение как можно большего количества членов и получение общественной поддержки. Наименование партии должно быть достаточно привлекательным. Помимо этого, по мнению М. Зажицкого, она должна отвечать еще нескольким требованиям: быть коротким, простым в произношении и написании, звучным, чтобы удобно было скандировать [Janicki]. Поэтому к прямому описанию иногда добавляется и закавыченное название, условно представляющее суть программы партии:

Związek Komunistów Polskich «Proletariat» (ист.), Antyklerykalna Partia Postępu «Racja» (акт.), Polskie Stronnictwo Ludowe «Piast» (ист.), Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (акт.), Объединенная российская партия «Русь» (ист.)

Название может выступать и без предваряющего его описания. Как было указано выше, номенклатурные термины («политическая партия» и под.) не включаются нами в состав ИС, если они не дополнены другими элементами:

Prawo i Sprawiedliwość (PiS)(акт.), Samoobrona Rzeczypospolitej Polskiej(акт.), Свобода и народовластие (ист.), Развитие предпринимательства (ист.)

Условно-символический элемент (вне зависимости от того, дополняется ли он реальным определением) может давать представление о политической программе партии и ее основных ценностях. Например, наименование партии *Развитие предпринимательства (акт.)* довольно однозначно указывает на направление деятельности партии. Однако чаще всего условно-символический компонент не дает четкой информации, а лишь вызывает определенные ассоциации, не сообщая ничего конкретного. Обычно в таких наименованиях упоминаются общечеловеческие ценности: *Prawo i Sprawiedliwość (акт.), Katolicka Koalicja Wyborcza «Ојсзула» (ист.), СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ: РОДИНА/ПЕНСИОНЕРЫ/ЖИЗНЬ (акт.), Родина (ист.), Социалистическая единая партия России (Духовное наследие)(ист.)*

Наименование *Партия национального возрождения «Народная воля»* содержит информацию о программе в обеих своих частях: оба компонента – и реальный, и условно-символический – называют основные ценности и осуществление воли народа (также *Свобода и народовластие (ист.)*).

Некоторые наименования условно-символического типа сложно правильно «прочитать». Так, например, невозможно ничего сказать о партии *Dziś i jutro (ист.)* на основании лишь одного названия. Наименование *Общенациональная российская политическая партия «СОЮЗ»* также не дает абсолютно никакой информации об отличительных чертах партии: лексема «союз» указывает на общность и единство (см. выше), однако является лишь номенклатурным термином, что недостаточно для выполнения наименованием его функций. Условно-символический компонент наименования *Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»* образован от первых букв фамилий лидеров партии и не несет никакой информации о ее программе, однако в данном случае возможно действие фактора оригинальности –

название выбивается из общепринятой концепции построения наименования, а само слово «яблоко» вызывает приятные ассоциации.

Сравнение наименований политических партий Польши и России показывает, что принципиальных различий в принципах построения польских и русских эргонимов данной группы нет. Очевидно, это связано с официальным характером соответствующих объединений, а также с необходимостью регистрации наименования в специальных реестрах. Большинство наименований политических партий составляют реально мотивированные эргонимы, максимально полно описывающие направление деятельности партии. Все структурные модели, встретившиеся в рассмотренном материале, были отмечены и для русского, и для польского языков – в тех же случаях, когда на конкретную модель не был найден пример во втором языке, очевидным является, что потенциально эта модель возможна и причины ее отсутствия не связаны с нормативными запретами, невозможностью для системы языка и т.д. Выражением некоторой специфики можно считать большее разнообразие ядерных компонентов для польского материала, что, вероятно, связано со стремлением избегать слова «partia». Для русского же материала это слово, наоборот, является самым частотным, что, возможно, вызвано желанием подчеркнуть официальный и значительный статус организации (в отличие от слов «союз», «движение» и т.д.). Различия проявляются также в порядке адъективных определений при компонентах, выраженных существительными, что связано с грамматическими правилами построения словосочетания. Проявлением национальной специфики можно считать отдельные слова, выбираемые в качестве условного компонента наименования (например, «*Piast*»).

Л и т е р а т у р а

1. Беспалова А.В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий фирм и компаний) //Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.
2. Крюкова И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1993.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
5. Федеральный закон о политических партиях
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=87714;fld=134;dst=4294967295;div=LAW;from=65025-0>
6. Janicki J.T. Odpowiednie dać partii słowo
<http://www.marketingwpolityce.zgora.pl/artykuly/przekroj1.htm>
7. Ordynacja Wyborcza <http://wybory2001.interia.pl/aktyp/ord>
8. Doroszewski W. Słownik języka polskiego. 1958-1969

**Особенности чешских названий
предприятий общественного питания
(на примере эргоурбонимов г. Трутнова Чешской Республики)**

© П.С. Юстова, 2009

В настоящей статье исследуется специфика названий предприятий общественного питания (ПОП), функционирующих в ономастическом пространстве Трутнова – города в северо-восточной части Чехии, расположенного у подножия горного массива Крконоше. Население города насчитывает ок. 34 тыс. жителей. Для изучения специально был выбран населённый пункт, не являющийся столицей, т.к. именно «в глубинке» можно встретить названия, которые, будучи в меньшей степени затронуты процессом общеевропейской глобализации и унификации являются более традиционными и связанными с историей данного региона. Именно этот тезис мы и постараемся обосновать в настоящем исследовании.

Названия рассматриваются с точки зрения их структуры, частеречной принадлежности и заимствованного или исконного характера компонентов ПОП. Дается классификация собранного материала, а там, где это возможно, выявляется мотив номинации. Для исследования было собрано 81 название ресторанов, баров, кафе, пивных, находящихся строго в черте города. Практический материал собирался как путем непосредственного наблюдения, так и из данных сети Интернет (www.maps.google.cz, www.crest.cz, www.trutnov.cz/restaurace.asp, www.firmy.cz/cestovni-sluzby-a-pohostinstvi/restauracni-a-pohostinske-sluzby/restaurace/reg/trutnov, www.superjidlo.cz, а также Интернет-сайты отдельных ресторанов). В работе не ставится цель проанализировать весь реестр названий ПОП, поскольку в связи с быстрыми темпами развития современной цивилизации, конкуренции в области бизнеса и сферы услуг, эти названия представляют собой достаточно нестабильный элемент городского ономастикона.

Изучаемые нами языковые знаки принадлежат к именам собственным (ИС), хотя и находятся на периферии ономастического пространства. В данной статье мы будем придерживаться мнения, что ПОП относятся к эргоурбонимам (термин, предложенный Р. И. Козловым [Козлов 2000]), хотя в чешской ономастической традиции и принято относить все подобные объекты к хремотонимам ([Šipková 1995], [Čechová 1994]).

Данный тип онимов представляет собой такую категорию ИС, которая связана с постоянно развивающимися средствами потребления, характерными для современной цивилизации. «Они [эргоурбонимы. – П.Ю.] представляют собой элемент ежедневного языкового окружения человека и одновременно существенный в современной социально-коммуникационной ситуации фрагмент словаря ИС. Они могут представлять интерес не только для лингвиста, а также для культуролога или социолога, поскольку содержат в себе информацию о культурных предпочтениях пользователей языка, неразрывно связаны с определённой средой (...)» [Siwiec 2003].

Несмотря на длительные традиции исследования различного типа ИС, ономастической специфике названий гастрономических объектов посвящало своё внимание относительно небольшое число учёных. Среди них можно перечислить работы таких польских, болгарских и чешских ономастов, как Владислав Мёдунка [Miodunka 1968: 86-93], Станислав Бомба [Bańba 1969: 12], Эдвард Брежа [Breza 1988: 115-123], Беата Афельтович [Afeltowicz 2000: 195-209, 2003: 151-162], Виолетта Ярос [Jaros 2005: 341-357], Лиляна Димитрова-Тодорова [Димитрова-Тодорова 2000: 133-142], частично Милослава Кнаппова [Кнаррová 2000: 123-131]. Как правило, названия ПОП объединяются с названиями фирм, магазинов, предприятий и подобных объектов, т.е. рассматриваются в русле названий торговых предприятий вообще. Тем не менее у наименований ПОП есть своя специфика, неразрывно связанная со сферой их деятельности, которая несомненно становится решающей в выборе названия. Как правило, название ресторана отражает тип подаваемой в нём кухни или её национальную принадлежность (чайная *U Zeleného Listu*, пивная *Česká Hospoda*, ресторан греческой кухни *Akropoli*, пиццерия *La Piazza*), мотивирован именем или фамилией владельца (*Marta, Adam, U Kučerů*), топографическими реалиями (*U kapličky, Na Starém Městě*) и др.

Как правомерно отмечает в своём исследовании польский ономаст Ева Жетельска-Фелешко [Rzetelska-Feleszko 2006], в современном ономастиконе можно проследить две основные тенденции:

- 1) процессы, придающие ономастикону международный характер;
- 2) сохранение локальной, национальной специфики ИС.

Во многих категориях ИС вторая тенденция является доминирующей, в особенности это касается онимов, которые были образованы давно и имеют длительную традицию существования.

Как уже было сказано выше, названиям ПОП в небольших удалённых от столицы городах свойственна тенденция к сохранению традици-

онных названий, характерных для данного региона, и меньшая степень податливости к мощно проявляющейся в последнее время тенденции к глобализации. Разница в названиях ПОП в столицах крупных европейских городов и провинции продиктована во многом различным характером «целевой аудитории». Так, столицы посещает большее число зарубежных туристов, поэтому номинаторы пытаются зачастую приблизить названия к международным стандартам и, следовательно, используют англоязычные модели. Как правило, такие названия имеют ПОП, находящиеся в крупных отелях и вблизи основных достопримечательностей (что особенно заметно в Праге). Кроме того, в крупных европейских городах в последнее время отмечается наплыв эмигрантов из Юго-Восточной Азии, которые открывают свои национальные гастрономические предприятия, что отражается в специфике их названий (например, такие рестораны в Праге, как *Binh Nguyen Van*, *Cai Shen*, *Jin Yu* и т.п.). Провинция же старается привлечь туристов именно своими национальными особенностями, хотя это не исключает наличия среди названий и заимствованных (неадаптированных и частично адаптированных) названий (в первую очередь, англоязычных).

Процентное соотношение заимствованных названий и исконных чешских является показателем сохранения (утраты) национальной специфики данного класса онимов.

I. Структура названий ПОП. Формальное выражение их компонентов.

Вслед за К. Хандке [Handke 1989] мы рассматриваем эргоурбонимы как двучленные структуры, первой частью которых является детерминатор, или отождествляющий компонент А (*restaurace, hospoda, bar, restaurant* и т.п.), а второй – собственно название (различающий компонент Б). Подробнее о проблеме структуры подобных ИС см. [Козеренко 2007: 85-94].

Рассмотрим, какие детерминаторы (компоненты А) свойственны названиям ПОП г. Трутнова и сравним, каков процент заимствованной и чешской лексики¹:

¹ Под заимствованиями мы понимаем: частично адаптированные и неадаптированные заимствования. Под чешской лексикой – исконную лексику, полностью адаптированную заимствованную, которая зачастую уже не воспринимается носителями языка как заимствование, и гибридные структуры типа *čajovna*, где заимствованный из китайского языка корень *čaj-* снабжается типичным для образования *nomina loci* в чешском языке формантом *-ovna* (ср. *stolovna, pracovna, skladovna, posilovna, studovna, knihovna, galvanizovna* и др.).

Таблица **Формальная характеристика компонента А**

компонент А	
чешский (+ полностью адаптированный заимствованный + гибрид)	заимствованный (+ частично адаптированный, неадаптированный)
<i>restaurace</i> <i>kavárna</i> <i>vinárna</i> <i>cukrárna</i> <i>hospoda</i> <i>hospůdka</i> <i>jídelna</i> <i>hostinec</i> <i>pivnice</i> <i>čajovna</i> <i>fonotéka</i> <i>klub</i> <i>bar</i>	<i>pizzeria</i> (встреч. частично адаптированное написание <i>pizzerie</i>) (ит.) <i>club</i> (англ.) <i>restaurant</i> (фр.) <i>bufet</i> (фр.) <i>bistro</i> (фр.) <i>motorest</i> (англ.)

Итак, в собранном нами материале было зафиксировано всего 13 названий, имеющих в своём составе заимствованный компонент А, что составляет только 16%.

Формальная характеристика компонента Б названия (различающего)

Сначала произведём раздел всех названий на заимствованные и чешские. Их соотношение иллюстрирует диаграмма №1 (см. приложение), из которой мы видим, что среди компонентов Б ПОП г. Трутнова преобладают чешские, которые составляют 65%. Заимствований (причём, как правило, сохраняющих и исходную орфографию) было зафиксировано 33%. В 2% случаев не удалось выяснить, что обозначает данное название и тем более, каково его происхождение. Учитывая местоположение города и его историю (до Второй мировой войны в нём проживало в основном немецкоязычное население, а сам город назывался *Trautenau*), бросается в глаза полное отсутствие немецких или стилизованных под немецкий язык названий.

Рассмотрим, каково формальное выражение компонента Б в исследуемом массиве названий. Собранный материал показывает, что различающий компонент может быть:

I. Исконной или адаптированной заимствованной лексемой или конструкцией, представляющей собой:

- 1) Имя существительное
 - 1.1. имя нарицательное
 - в И.п. ед.ч. м.р.: *Úsvit*.

- в **И.п. ж.р.:** *Lucerna, Radnice, Skála, Kotva, Pohoda, Družba, Sokolovna, Lokálka, Kafírna, Lazebnice.*

- в **И.п. ср.р.:** *Koupaliště, Oko.*

1.2. имя собственное (в данном случае антропоним):

- **официальное полное имя:** *Adam, Marta.*

- **деминутивное имя:** *Davidek.*

2) Аббревиатуру: *Bela* (название составлено из двух первых букв имени и двух последних букв фамилии владелицы ресторана – *Bernáková Daniela*).

3) Словосочетание

3.1. имя прилагательное + имя существительное:

- **имя прилагательное в м.р. + имя существительное в м.р.:**
Národní Dům, Skalní Sklípek.

- **имя прилагательное в ж.р. + имя существительное в ж.р.:** *Česká Hospoda.*

- **притяжательное прилагательное в ж.р. + имя существительное в ж.р.:** *Krakonošova restaurace.*

3.2. Имя существительное в И.п. ед.ч. + имя существительное в Р.п. ед.ч.: *Hostinec Dvoračka.*

4) Предложно-падежное сочетание

4.1. у (кого-либо, чего-либо):

- **У кого-либо:** *U Kopeckých, U Truta, U Draka, U Kučerů, U Boba, U Kousala, U Lazebnic.*

- **у чего-либо:** *U Kostela, U Hroznu, U tři korunek, U zeleného Listu, U kapličky.*

4.2. на (чем-то): *Na Bouchalce, Na Polské, Na Nivách, Na Bojišti, Na Kryblici, Na Starém Městě, Na Výsluní, Na Vidličce, Na Struze, Na Hřišti, Na Růžku.*

4.3. под (чем-либо): *Pod Hradem, Pod Lékárnou.*

4.4. Комбинация: имя существительное + цифра: *Restaurace No. 1.*

II. Неадаптированной заимствованной лексемой (в т.ч. экзотизмом) или конструкцией, представляющей собой:

1) Имя существительное

1.1. имя нарицательное

- в ед.ч.: *Patria, Junior, Depresso, Pizza, Bonanza, Antique, City.*

- **имя существительное с артиклем:** *La Piazza.*

1.2. имя собственное

1.2.1. антропоним

- **официальное полное имя:** *George.*

- **фамилия:** *Bonciani.*

1.2.2. топоним: *Acropoli.*

2) Словосочетание

- **имя прилагательное + имя существительное:** *Nice Bar, Dolce Vita, Whisky Club.*

3) Заимствованная синтаксическая конструкция (или образованная по её типу) со следующими конечными компонентами:

- **Club:** *Bowling Club*.
- **Restaurant:** *Delta Restaurant, Real Club Restaurant, Midway Club Restaurant*.
- **bar:** *Sportbar*.
- **Snack-bar:** *Espresso snack-bar*.
- **Sport Centrum:** *Olymp Sport Centrum*.
- **Espresso:** *Daneli Espresso*.

Стоит отметить, что в собранном нами материале встретилось одно название, в котором компонент А равен Б: *Kavárna-Vinárna*. Зафиксированное нами, казалось бы, идентичное название *Kafírna*, имеет свою специфику. Оно образовано от разговорного слова, обозначающего кофе – *kafé* (литер. *káva*). Слово *kafírna*, в отличие от литературного *kavárna*, не выступает в чешском языке для обозначения данного типа объектов. Оно как бы пародирует литературный образец и своей необычностью привлекает внимание потенциальных клиентов.

В обобщённом виде данную классификацию компонента Б представляет диаграмма № 2 (см. приложение), из которой мы видим, что большую часть всех названий (45%) составляют названия, являющиеся именами существительными (нарицательные, собственные, существительные с артиклем), 32% приходится на предложно-падежные сочетания, 10% - на различного рода словосочетания. 9% названий образованы с использованием заимствованных синтаксических конструкций. Абсолютное меньшинство составляют названия, являющиеся аббревиатурами и комбинациями с использованием цифр (2%). Также 2% составляют названия с неясным значением, а, соответственно, и с неопределимой формой компонента Б.

Обращает на себя внимание популярность в ономастическом пространстве г. Трутнова названий, структура которых представляет собой предложно-падежное сочетание («у кого-либо/чего-либо», «под чем-либо», «на чём-либо»). Этот тип названий является традиционным и одним из самых старых для данного типа ИС как в Европе, так и в России, т.к. в старину, когда названия ПОП в гораздо меньшей степени выполняли рекламную функцию, основными их маркерами могли служить или местоположение («у чего-либо», «под-чем-либо»), или имя хозяина («у кого-либо»). Люди обычно посещали не просто какой-то ресторан, а принято было ходить к его хозяину² или же ресторан связывался в сознании с каким-либо определённым местом³.

² Ср. цитаты из В.М. Строева [Строев 1834] о знаменитой петербургской кофейне Вольфа «(...) фланеры, не читающие газет, и дамы, привыкшие к роскоши, никогда не заглядывали к **Вольфу**», а также из А.М. Скабичевского [Скабичевский 1928: 330]: «(...)

II. Лексико-семантическая характеристика названий ПОП

Исходя из положения о том, что исследуемый нами подвид онимов находится на периферии ономастического пространства и, следовательно, в некоторых случаях частично сохраняет смысловую связь с мотивирующим апеллятивом или онимом, мы постараемся рассмотреть основные мотивационные признаки, лежащие в основе номинации и выделить основные тенденции, характерные для системы названий ПОП в г. Трутнов.

«Номинация (от лат. *nominatio* – (на)именование) – образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений.» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание 1998].

Номинация может быть первичная (что крайне редко встречается в современных языках) и вторичная – «использование в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание 1998].

В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Ономастическая номинация является вторичной.

Различными могут быть мотивы ономастической номинации – «экстралингвистической причины выбора или создания данного имени собственного для данного объекта» [Подольская 1988].

Обычно каждое имя при его возникновении является мотивированным. Со временем его мотивированность может быть утрачена, в некоторых случаях мотив номинации может быть скрыт от всех, кроме узкого круга посвящённых людей. Поэтому термины «мотивированное имя» и «немотивированное имя» являются в значительной степени условными и фактически означают «возможность или невозможность вскрыть мотив номинации» [Подольская 1988].

Наименования ПОП являются достаточно интересными с точки зрения процесса номинации, так как в большинстве случаев он обусловлен социолингвистической ситуацией и отражает одну из составляющих современной «информационной картины» города. Одной из серьёзных проблем здесь является тот факт, что часто не удаётся выяснить истинный мотив номинации, так что во многом предложенная ниже класси-

Таковы были ежемесячные обеды „Отечественных записок“, собиравшиеся в разных первоклассных ресторанах, то у **Борея**, то у **Дюссо**, то у **Додона** и проч.».

³ Ср. В 1840 году газета [Северная пчела 1840] рекомендовала приезжим: «Утром пейте кофе у **Адмиралтейского угла Невского проспекта**, завтракайте у **Полицейского моста**, обедайте **подальше Казанского**, кушайте мороженое за **Аничковым мостом**. (...)».

фикация является условной и предполагает учёт нескольких возможных мотивационных оснований. Так, не обладая точными экстралингвистическими сведениями, название ресторана *Restaurace No. 1* мы можем интерпретировать как:

- 1) первый появившийся в городе ресторан;
- 2) самый лучший ресторан во всём городе;
- 3) ресторан, находящийся в доме номер 1.

По своей сути все названия данного типа являются искусственными именами Искусственное имя – «любое имя собственное, созданное в результате имитации в отрыве от естественного процесса номинации; оно ощущается как специально сконструированное /.../ Иногда искусственное имя создаётся по модели естественного имени, но в нём возможно нарушение лексико-семантической преемственности имени данного разряда онимов, а также естественного развития морфологических и фонетических процессов» [Подольская 1988]. В противоположность искусственным именам существуют имена естественные, «возникшие по естественным языковым законам номинации для данного разряда онимов данного социума, данного времени» [Подольская 1988].

Часто имена для исследуемого типа объектов не мотивированы каким-либо определённым предметом или понятием, а образованы в соответствии с личными соображениями номинатора. Таким образом, в большинстве названий доминировать будут коннотационные, ассоциативные характеристики данных наименований (причинами могут быть: «красивое звучание слова», «слово вызывает определённые (приятные, позитивные) эмоции», в конце концов, данное наименование может просто нравиться владельцу ресторана без каких-либо конкретных на то причин и т.п.), например, такие названия, как *Pohoda* (*благодать, спокойствие*), *Úsvit* (*рассвет, заря*), *Dolce Vita* (*сладкая жизнь*) и т.п. Такого рода мотивацию можно достоверно выяснить только непосредственно у владельца заведения, в каком-либо справочнике или рекламных материалах, в которых этот вопрос оговаривается отдельно.

В собранном нами материале выделяются следующие мотивы номинации:

- 1) имя, фамилия владельца: *Adam, Marta, U Boba, U Kučerů, U Kopeckých, George*;
- 2) местоположение (здесь объединены названия, образовавшиеся от названий улиц и районов, где они находятся, и любых других пространственных характеристик, определяющих местоположение данного ресторана – здание, в котором находится и т.п.): *U Kapličky, U Kostela, Restaurace No. 1* (в разговоре называемая «*Jednička*» «Единичка»). Название происходит от номера дома, в котором расположен ресторан), *Na Polské* (ресторан находится на ул. *Polská*), *U Kostela* (ресторан расположен рядом с костёлом), *Patria* (ресторан находится в гостинице с тем же

названием), *Lokálka* («*lokálka*» в переводе с чеш. означает «железнодорожная ветка», а сам ресторан находится в здании ж/д вокзала), *Radnice* (ресторан расположен рядом с городской ратушей) и т.д.;

3) отражение региональных особенностей: *U Truta* (Трут – имя легендарного рыцаря, который победил дракона и основал город), *U Draka* (название отсылает к легендарному дракону, который жил в окрестностях Трутнова), *Krakonošova restaurace* (Краконош – горный великан, обитающий в горах Крконоше);

4) общая концепция данного ПОП (эта группа включает довольно обширное количество названий, в которых отражены детали декора, концепция заведения, определённые ассоциации и т.п.): *Nice Bar*, *Restaurant City*, *Antique*, *Country Club Bonanza*;

5) тип кухни: *U Zeleného Listu* (чайная), *Pizza Mania*, *Bonciani* (итальянская кухня), *Pizzeria La Pizza*, *Bistro Pizza*, *Espreso Snack-bar*, *Akropoli* (греческая кухня);

6) от имён героев литературных произведений: *Moby Dick*;

7) от названий этнокультурных групп: *Motel Horal* (гураль);

8) неясные с точки зрения мотивации названия: *Inka*, *Bufet MěÚ*.

Согласно диаграмме №3 (см. приложение), самое большое количество названий мотивировано местоположением ПОП (31%), 25% названий образованы от общей концепции заведения, 15% обязаны своим происхождением имени или фамилии владельца. 10% названий связано с типом кухни, которая предлагается в данном ресторане, и по 1% приходится на названия, производные от номинаций этнокультурных групп и героев литературных произведений. В 12% случаев мотив номинации за отсутствием каких бы то ни было данных выявить не удалось.

Проведённый нами анализ эргоурбонимов г. Трутнова Чешской Республики подтвердил справедливость заявленного в начале статьи предположения о том, что названия ПОП в небольших удалённых от столицы городках более тесно связаны с местными традициями и в меньшей степени подвержены унификации и американизации. Возможно, это связано с тем, что в небольших населённых пунктах не возникает такой большой конкуренции между ПОП и, соответственно, владельцы в большей степени рассчитывают на традицию, нежели на эффект, произведённый иностранным (к тому же, не всегда всем понятным и, следовательно, не выполняющим до конца своей функции) словом в названии. Можно также предположить, что жители провинции относятся к иностранцам и всему иностранному с некоторой долей недоверия. Так, характерно полное отсутствие в черте г. Трутнов названий, заимствованных из восточных языков. Несмотря на всё большую открытость чешского общества на Запад, среди номинаторов всё же сохраняется любовь к собственной ономастической традиции, стремление сохранить в условиях глобализации свою национально-культурную специфику.

Диаграмма №1. Происхождение компонента Б

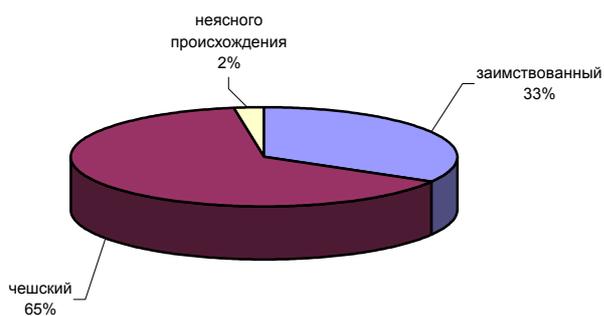

Диаграмма №2. Формальное выражение компонента Б

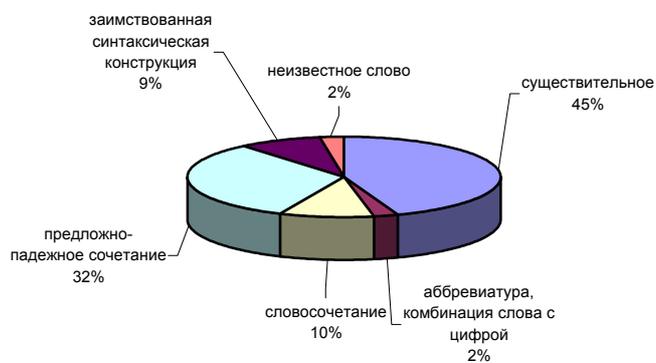
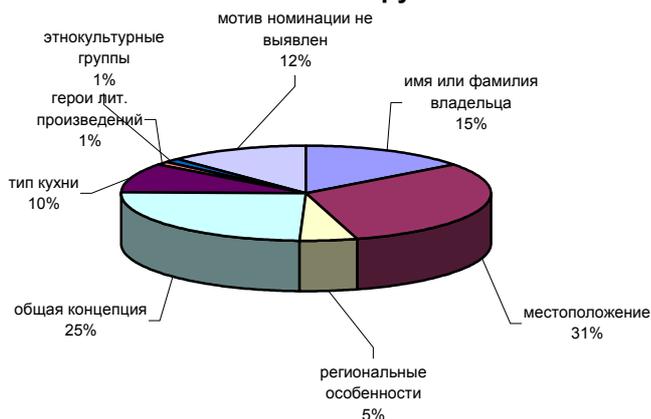

Диаграмма №3. Основные мотивы номинации названий ПОП г. Трутнов

Л и т е р а т у р а

- Альфа и Омега Петербурга // Северная пчела, 1840, 17 января.
 Большой энциклопедический словарь. Языкознание, ред. Ярцева В. Н. М., 1998.
 В.В.В. [Строев В. М.] Петербургские заметки. Роскошь в столичных магазинах // Северная пчела, 1834, 4 ноября.
 Димитрова-Тодорова Л. Названия на хотели и рестораны в София // Onomastyka Polska a nowe kierunki językoznawcze / Red. M. Czachorowskiej i Ł.M. Szewczyk. Bydgoszcz, 2000.
 Козеренко П.С. Структура названий объектов внутригородской топонимики (на примере названий предприятий общественного питания в Польше и России) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Выпуск 6, 2007.
 Козлов Р.И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: Дис...канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2000.
 Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988
 Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928.
 Afeltowicz B. Nazwy lokali gastronomicznych w Szczecinie // Onomastyka polska a nowe kierunki językoznawcze. Bydgoszcz, 2000.
 Afeltowicz B. Nazwy szczecińskich pubów // Dialog kultur w nowej Europie. Historia – literatura – język, red. K. Iwan, E. Komorowska, A. Rella, J. Żywczak. Szczecin, 2003.
 Bąba S. Swojskość i egzotyka w nazwach pomorskich i kujawskich zakładów gastronomicznych // Pomorze, nr 6, 1969.
 Čechová M. Současné změny ve firemních názvech // Naše řeč 77, 1994, č.4.
 Handke K. Nazewnictwo miejskie. Szkic teoretyczno-metodologiczny//Bydgoskie Towarzystwo Naukowe, Wydział Nauk Humanistycznych. Seria B. № 18. Warszawa; Poznań, 1989.
 Jaros V. Konotacje semantyczne nazw częstochowskich pubów//Nazewnictwo na pograniczach, red. J. Ignatowicz-Skowrońskiej. Szczecin, 2005.

- Knappová M.* Obchodní jméno jako fenomén jazykový a sociologický // Onomastika Polska a nowe kierunki językoznawcze / Red. *M. Czachorowskiej* i *Ł.M. Szewczyk*. Bydgoszcz, 2000.
- Miodunka W.* Nazwy karczem polskich // *Językoznawca*, nr 18-19, 1968.
- Rzetelska-Feleszko E.* Procesy globalizacji a utrzymanie lokalnej tożsamości onimii słowiańskiej // *Onomastica LI*. Kraków 2006.
- Śiwiec A.* Nazwy sklepów i firm handlowych jako przedmiot badań onomastycznych // *Przeszłość, terażniejszość i przyszłość polskiej onomastyki*, red. *R. Łobodzińskiej*. Wrocław, 2003.
- Šipková M.* Drobnosti // *Naše řeč* 78, 1995, č.4.

Наименования производителей действия и атрибутивные имена

© доктор филологии Рената Марчиняк / *Renata Marciniak (Польша), 2009*

Анализ классификаций дериватов с точки зрения их принадлежности к определенной словообразовательной категории, представленных в дидактических пособиях по польскому словообразованию¹, показывает, что общим для всех классификаций является принятый на основе исторических, диахронических исследований критерий, при котором выделение словообразовательных категорий проводится на грамматической основе [Sławski 1974: 58-141], ср. также позицию Марии Бродовской-Хоновской, которая в «Очерке классификаций польских дериватов» пишет: «Словообразовательные категории опираются на существующие в данном языке категории частей речи и господствующие в данном языке синтаксические отношения». [Brodowska-Honowska 1967: 21].

В отношении наименований производителей действия и атрибутивных имен (или, другими словами, наименований носителей признака) принято, что к категории *nomina agentis* мы относим отглагольные образования, а к *nomina attributiva* – образования, мотивированные прилагательными и причастиями [ср. Klemensiewicz 1964: 197-199, 200-202; Grzegorzczukowa 1972: 32-33, *Gramatyka współczesnego języka polskiego 1998*: 393, 416, 421]. Такое механическое решение привело к тому, что ни в одной из общих работ не нашлось места для девербальных наименований носителей признака.

Хотя Рената Гжегорчикова в «Очерке польского словообразования» отмечает, что одна из трудностей в выделении категории *nomina agentis* заключается в близости наименований производителя действия, имеющего потенциальный характер (характер склонности), и атрибутивных имен [Grzegorzczukowa 1972: 76], однако достаточно широкое определение *nomina agentis* (ср. определение: «Это, главным образом, наименования лиц, характеризующихся умением, склонностью или активным выполнением ими определенных действий» [Grzegorzczukowa 1972: 75]) позволяет автору отглагольные дериваты типа *pijak* (пьяница), *spioch* (соня) включать в категорию наименований агенса, а дериваты типа

¹ Ср. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Warszawa 1955 и дальнейшие издания; R. Grzegorzczukowa, *Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe*, Warszawa 1972 и дальнейшие издания; *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, pod red. R. Grzegorzczukowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla, Warszawa 1984 и дальнейшие издания.

lakomczuch (лакомка), *brudas* (грязнуля) относить к номинациям носителя признака [Grzegorzczukowa 1972: 76].

Аналогичное решение предлагают авторы монографий, посвященных диалектам, и работ по историческому словообразованию польского языка, которые включают отглагольные дериваты типа *chwalca* (хвастун), *jąkała* (заика), *klamca* (лжец), *krzykacz* (крикун), *pijak* (пьяница), *śpioch* (соня) в категорию производителей действия, ср. *xfalca* как N.ag. [Pełowski 1974: 27, *xfalec* [Chludzińska-Świątecka 1972: 163]; *jońkaца* [Bąk 1968: 36; Pełowski 1974: 54], *jońkač* [Chludzińska-Świątecka 1972: 164], *jońkol* [Szymczak 1961: 173], *jońkoца* [Dobrzyński 1967: 10]; *kuamca* [Górniewicz 1968: 69; Kleszczowa 1996: 34]; *kśykač* [Szymczak 1961: 159; Chludzińska-Świątecka 1972: 164]; *pijak (-ok)* [Szymczak 1961: 146; Dobrzyński 1967: 9; Górniewicz 1967: 39; Gruchmanowa 1969: 67; Pełowski 1974: 221; Malec 1976: 23; Cyran 1977: 176; Kleszczowa 1996: 124]; *śpox* [Dobrzyński 1967: 19; Bąk 1968: 45, 76].

Как подчеркивает Вацлав Цоцкевич в статье «Как отличить производителя действия от носителя признака», «если значение «умения» еще можно как-то согласовать с понятием наименования деятеля (производителя действия) – противопоставляя потенциального агенса актуальному – то приписывание личному аргументу статуса производителя действия на основании семантического компонента «склонность» все же вызывает протест здравой семантической интуиции (на которую опирается процедура образования словообразовательных парафраз)» [Cockiewicz 2001: 54].

Анализируя дериваты с точки зрения их принадлежности к словообразовательной категории, исследователи игнорировали проблему перехода из категории в категорию. Однако такие переходы имеют место в классе девербальных дериватов и, как пишет Славомир Галя, в диалектах известны результаты таких перемещений [Gala 2006: 17].

Проблема категориальных переходов, которая рассматривалась с диакронических позиций как результат изменения значения, была давно и хорошо известна. На это еще в 1928 г. указал Витольд Дорошевский: «Таким образом мы видим, что старые широко и избыточно образываемые *nomina agentis* имеют тенденцию к превращению в *nomina attributiva*, то есть наименования носителя постоянного признака» [Doroszewski 1928: 120] или далее: «В большинстве случаев с формациями на *-acz* связано в большей или меньшей степени отрицательное значение или по причине отрицательной оценки самого действия, как в слове *podżegacz* (поджигатель, подстрекатель – бунта или ограбления), или по той причине, что в самом исполнении действия мы усматриваем какие-то черты, вызывающие иронию или неприязнь: так, например, «*uprawiacz poezji*» (от «*uprawiać*» – заниматься чем-л.) – это кто-то, кто,

может быть, и крайне увлечен поэзией, но пишет неуклюжие стихи». Этот пейоративный оттенок значения частично является результатом перехода наименований производителя действия в атрибутивные существительные, зачастую приобретающие карикатурный оттенок, вследствие обозначения действий постоянных или часто повторяющихся» [Doroszewski 1928: 121].

На проблему перехода наименований из категории производителей действия в характеризующую категорию обращает внимание и Франтишек Пепловский [Pełowski 1974: 128, 210, 275]. Пепловский отмечает, что «во многих словах на –nik стирается первоначальное значение наименования производителя действия и тогда они частично или полностью переходят в характеризующие наименования» [Pełowski 1974: 210], а также, что «тенденция сближения наименований производителей действия с характеризующими наименованиями типична для большинства дериватов с формантом –са» [Pełowski 1974: 128]. Кроме того, дериваты на –от типа *belkot* ‘заика’, *blegot* ‘сплетник’, *charkot* ‘часто плюющий человек’, *jękot* ‘заика’, *klekot* ‘болтливый человек’, *motot* ‘заика’, *świergot* ‘сплетник’ автор классифицирует как переходные между наименованиями производителя действия и характеризующими наименованиями, подчеркивая их отрицательные эмоциональные коннотации [Pełowski 1974: 275].

В свою очередь Вера Золотова, анализируя дериваты с суффиком –arz из Словаря Линде, подчеркивает, что еще до XIX в. они, очевидным образом, составляли две семантические группы, а именно: наименования лиц по роду занятий и наименования лиц по характерному признаку, или «имеющие значение излишне любящий что-то, испытывающий слабость к чему-то» [Золотова 1964: 273].

На наименования, имеющие значение склонности (то есть наименования, характеризующие человека по его склонности, любви к определенной деятельности, иногда также по отличающим его постоянным признакам), которые находятся на пограничье агентивных и атрибутивных категорий и по своему значению, семантике приближаются к атрибутивным наименованиям, указывает также Михал Саевич в монографии, посвященной суффиксальной деривации наименований субъекта в наднарвенских белорусских говорах в окрестностях Белостока [Sajewicz 2002: 128-129].

Ежи Райхан в числе дериватов с субъектным значением, образованных от различных частей речи, выделяет группу наименований носителя признака, к которой, помимо наименований субъектов-носителей признака, образованных от прилагательных и существительных, причисляет отглагольные наименования субъекта действия, процесса или состояния (например, *śpioch* (соня), *gadula* (болтун), *strachajło* (трус), *pracuś* (тру-

дяга), *beksa* (плакса)), в которых, как он пишет, важен не субъект действия, процесса или состояния, а выражение признака (черты), связанной со значением, содержащимся в корне глагола [Reichan 2000: 124].

На подобный аспект уже в 1934 г. обратил внимание Хенрик Гертнер, анализируя дериваты на *-ała* типа *bazgrała* (человек с неразборчивым почерком), *gderała* (человек, который постоянно жалуется), *gęgała* (болтун), *guzdrała* (медлительный человек), *sapała* (человек, который постоянно сопит (также жалуется)), *rykała* (в значении 'крикун') и т.д. О такого типа дериватах Гертнер пишет: «Это существительные, практически полностью глагольные, обозначающие лиц по проявлениям, способам производства действия». Характеристика лиц в этих наименованиях составляет, таким образом, **способ** (выделено нами. – *PM*) выполнения определенных действий, не только само действие [Gaertner 1934: 277-278]².

Представленные выше различные позиции в трактовке отглагольных дериватов типа *śpioch*, *pijak*, *krzykacz*... побуждают нас предпринять попытку определить критерий отнесения (классификации) таких дериватов к какой-либо словообразовательной категории.

Вацлав Цоцкевич предлагает в качестве критерия отличия deverбальных наименований производителя действия от deverбальных наименований носителя признака метод анализа значения в версии, предложенной Манфредом Бирвишем [ср. Cockiewicz 2001: 58]. На основании различий в структуре значения Цоцкевич формулирует следующий критерий: «Если в структуре значения категориального деривата аргумент, являющийся семантическим коррелятом словообразовательного форманта, не вступает в непосредственные отношения с предикатом, представляющим собой коррелят словообразовательного форманта, а последний подавляется другим (модальным) предикатом, не имеющим в формальной структуре слова отдельного коррелята, то такой дериват принадлежит не к категории *nomina agentis*, а к категории *nomina attributiva*» [Cockiewicz 2001: 59].

Формулировка этого принципа, как подчеркивает сам автор, автоматически не снимает всех трудностей интерпретации, так как во многих дериватах процесс перехода из наименований производителя действия в наименования носителя признака еще не завершился. Такие дериваты

² Ср. также замечания Витольда Дорошевского: «Вообще суффикс *-ała* означает лиц, которые какие-либо действия производят постоянно или таким образом, что обращают на себя внимание (обычно невыгодное для них): *chrpała*, *jąkała*, *kichała*, *mieszala*, *mrugała*» [Doroszewski 1929: 63] и Валенты Добжиньского, что образования типа *gwizdała*, *jąkała*, *mrugała* «обозначают лиц не только по производимому ими действию, но также и по способу производства данного действия, поэтому большинство таких наименований имеет характер прозвищ с пейоративным значением» [Dobrzyński 1967: 10].

допускают двойное толкование и подтверждают, что принадлежность деривата к категории N.ag. или N.attr. зависит от актуального контекстного значения и их не всегда возможно классифицировать на основании только словарного значения лексемы [ср. Czekiewicz 2001: 61]. Кроме того, очень ярко проявляется разница между актуализируемыми в процессе употребления функциями там, где имеет место дифференциация и специализация значений (чаще всего дословного и переносного), ср.

Byli wśród nich zginacze podków, naciągacze sprężyn i inni siłacze. – Среди них были разгибатели подков, натягиватели пружин и другие силачи. (N.ag. – дословное значение);

To oszust i naciągacz. – Это обманщик и мошенник (N.attr. – переносное значение);

Jako ubezpieczenie marszowe dowódca oddziału wysłał przodem sześciu lekko uzbrojonych szperaczy. – Для обеспечения безопасности командующий отрядом выслал вперед шесть легковооруженных дозорных (N.ag.);

Antykwariaty i giełdy staroci to prawdziwy raj dla szperacza i potrafi on tam znaleźć rzeczy, których kto inny nawet nie zauważy. – Букинистические магазины и блошинные рынки – это настоящий рай для собирателя, он может найти там вещи, которых кто-то другой даже не заметит. (N.attr.).

Если критерии, указанные Цюцкевичем, могут в какой-то степени оказаться достаточными для интерпретации материала литературного польского языка, то для дериватов, функционирующих в диалектах, нужно бы было найти дополнительные критерии.

Анализ диалектного материала показывает, что при интерпретации дериватов нельзя руководствоваться исключительно одним критерием: синтаксическим, словообразовательным или лексическим. Хотя, как подчеркивает Славомир Галя, лексическое значение не является целью словообразовательной интерпретации, оно оказывает влияние на категориальную семантику. Поэтому анализ диалектных дериватов должен проводиться как с точки зрения функционирования дериватов на лексическом уровне, то есть с точки зрения лексического значения, выраженного корнем, так и с точки зрения словообразовательно-грамматического значения, формируемого словообразовательным формантом вместе с мотивирующим словом [Gala 2006a: 16-18; Gala 2006b: 381]. Помимо семантического компонента, лексическое значение мотивирующего глагола часто вносит в десигнат элемент оценки. Выражение эмоционального содержания, помимо лексического значения основы, может также коннотироваться с помощью форманта. Таким образом, мы видим, что если на семантическом уровне можно говорить о категориальной регулярности, то на стилистическом уровне выражение эмоционального значения, коннотируемое основой, формантом, контек-

стом или конситуацией, становится причиной перехода из категории в категорию. Носитель стилистической информации, представляющий признак производителя действия по роду, характеру производимого действия, влияет на появление в диалектах т.н. вторичных атрибутивов, то есть таких, грамматические свойства которых позволяют включать их в категорию наименований производителя действия, но стилистические свойства приближают их к категории атрибутивных наименований или позволяют включать их в эту категорию.

Результаты диалектологических исследований показывают, что диалекты характеризуются большей спонтанностью языковых процессов, а также большим разнообразием языковых средств, служащих для образования экспрессивных наименований, чем литературный язык, а также то, что общей чертой тенденций, отличающих диалекты от литературного языка, является преобладание экспрессивных образований в диалектах. Экспрессия играет в диалекте несоизмеримо большую роль, чем в литературном (письменном) языке. Сравним отмеченные на мазовецко-малопольском пограничье отглагольные дериваты, называющие человека, который много говорит. Помимо деривата *gadula* здесь функционируют однокоренные наименования *gadac, gadaj, gadca*; остальные наименования, т.е. *klepa, trajkot, trzepok, papluga* соотносятся с глаголами *klepać, trajkotać, trajlować, trzepać, paplać*, ср.: *gadac to gada ʒi gada; klepa, to ńe ve, co klepe; trajkot to ʒednym ʒinʒim trajkoce; z Maćejeski to taki ʒšepok, co ʒšepe ʒyzorym; papla ʒi papla ta papluga.*

Приведенные диалектные примеры свидетельствуют о связи лексического и категориального значения, а также импликации, из которой следует, что на включение некоторых дериватов в ту или иную словообразовательную категорию влияет реальное, лексическое значение мотивирующего слова, присутствующее и в основе деривата. Мы видим, что, с одной стороны, грамматический класс слов как частей речи и однородный характер функционального отношения между данным мотивирующим классом и словами, мотивированными им, определяет первичные основные признаки семантической категории, с другой же – реальное, единичное значение мотивирующих слов вносит новые семантические или стилистические элементы. Поэтому наименования производителей действия переходят в категорию атрибутивных имен.

Анализ диалектного материала демонстрирует, что экспрессивность дериватов может являться результатом:

1/ соединения основы, имеющей пейоративный оттенок значения, и эмоционально нейтрального форманта, ср.: *papr-ak* (грязнуля), *gad-acz* (болтун), *kanci-arz* (пройдоха);

2/ соединения основы, имеющей пейоративный оттенок значения, и форманта, имеющего пейоративный оттенок значения, ср. *plot-uch*, *part-ol*, *trajk-ot* (болтун, сплетник), *guzdr-ala* (медлительный человек);

3/ соединения эмоционально нейтральной основы и форманта, имеющего пейоративный оттенок значения, ср. *czyt-ala*, *gwizd-ala* (свистун) [ср. Grabias 1978: 89-102; Sajewicz 1990: 404-405; Waszakowa 1991: 180-187; Kowalska 2001: 291-297].

Хотя некоторые авторы обращают внимание на стилистический аспект дериватов из-за наличия отрицательно коннотированных формантов, однако дериваты типа *chwaluch* (хвастун), *guzdrala* (медлительный человек), *jąkała* (заика), *plotus* (сплетник) и т.п. они причисляют к агентивным (ср., например, пейоративные суффиксы *-uch* [Dobrzyński 1967: 21; Sławski 1974: 74; Malec 1976: 70-71], *-ała* [Gaertner 1934: 277-278; Pluta 1964: 38; Dobrzyński 1967: 10; Kowalska 1983: 72], *-us* [Gaertner 1934: 263; Sławski 1976: 34; Malec 1976: 74-75]).

Для примера сравним дериваты от глагольной основы *klamać* (лгать) и *plotkować* (сплетничать), а именно: *klamca* и *klameczuch*, *plotkarz* и *plotus*. Первые члены пар были образованы с помощью нейтральных формантов *-ca* и *-arz*, а вторые с помощью пейоративных *-uch* и *-us* [ср. Grzegorzczkowska 1979: 91-92; Grabias 1980: 67; Kowalska 2001: 293-294]. Если первые могут означать «кого-то, кто обманывает, сплетничает в данный момент, сейчас», то вторые скорее имеют значение «кто-то, кто обманывает, сплетничает постоянно». Кроме того, в случае со словом *plotkus* мы имеем дело с нейтрализацией оппозиции грамматического рода, так как этим словом может быть названа как женщина, так и мужчина, а, как подчеркивает Роман Лясковский, «характерным явлением для экспрессивных **определений людей** (выделено нами. – РМ) является нейтрализация оппозиции грамматического рода» [Laskowski 1966: 33].

Говоря об экспрессивных наименованиях, стоит обратить внимание на факт одновременного функционирования, сосуществования большого количества синонимических номинаций, причем не только на крупных диалектных пространствах, но и в пределах одного диалекта, например, плачущего ребенка в деревне Нове (гмина Кросневице) могут называть: *beczoch*, *beksa*, *dulczek/ dulczka*, *miauczka*, *placzek/ płaczka*, *skrzek*, *skrzekot*. Богатство, а также продуктивность суффиксов с одинаковым значением приводят к появлению структурных дублетов, т.е. наименований, описывающих объект по одному и тому же признаку, «сходных фонематически в корневой части» и отличающихся морфологически, ср. *krzyczek*, *krzykacz*, *krzykajło*, *krzykała* (крикун); *płociuch*, *plotkarz*, *plotuch*, *plotuśnik* (сплетник); *dokucznik*, *dokuczyciel*, *dokuczysz*, *dokuta* (назойливый человек).

На стилистический аспект в интересующих нас наименованиях делает акцент и Данута Буттлер [Buttler 1978: 40-41]. Буттлер пишет: «Интересно рассмотреть внутреннюю структуру наименований, описывающих человека по чертам его поведения, внешнему виду и интеллектуально-этическим характеристикам. Можно было бы сказать, что в ней своеобразным способом отражается общественная оценка некоторых неприятных черт характера. В разговорной речи негативную оценку получили такие характеристики поведения человека, как: болтливость (np. *pleciuch, papla, gadulski*) (...), услужливость (*lizus*), плаксивость (*beksa, mazgaj, mazepa*) (...), медлительность (*ślamazara, guzdralski, babrała, grzebala*), склонность к пьянству (*szmirus, chłacz, moczygęba*) (...), скупость (*dusigrosz, liczykrupa*)» [Buttler 1978: 40-41].

На фоне рассматриваемых здесь отглагольных образований заслуживают внимания также дериваты типа *chrapała* (человек, который храпит), *jąkała* (заика). Применяя к ним мнение, представленное в работе Витольда Дорошевского «Синтаксические основы словообразования», мы видим, что производителями действия могут быть только лица, реализующие задуманные действия, и в связи с этим понятие сознательного намерения становится, таким образом, составным элементом слова, обозначающего действие, а понятие субъекта действия отождествляется с понятием субъекта, действующего сознательно [Doroszewski 1963b: 75], замечаем, что эти дериваты не соответствуют критериям сознательности и намеренного действия. Отсутствие у них вышеуказанных критериев позволяет отнести дериваты типа *chrapała, jąkała* к атрибутивным, хоть и отглагольным, наименованиям.

Как мы видим, на отнесение деривата к той или иной словообразовательной категории влияют как категориальное, так и лексическое значение, и эту позицию следовало бы принять при классификации дериватов.

Учитывая, во-первых, критерий, предложенный Вацлавом Цоцкевичем, во-вторых, позицию Витольда Дорошевского, предложившего понимать производителя действия как субъекта, который действует сознательно, намеренно, в-третьих, учитывая возможность перехода дериватов из категории в категорию и, наконец, выражение помимо категориального (семантического) значения и значения стилистического, мы сможем ответить на вопрос о принадлежности деривата к категории агентивных или атрибутивных наименований.

ЛИТЕРАТУРА:

- Bąk Piotr, 1968, *Gwara okolic Kramska w powiecie konińskim. (Zarys fonetyki i słowotwórstwa)*, Wrocław.
Brodowska-Honowska Maria, 1967, *Zarys klasyfikacji polskich derywatów*, Wrocław.

- Buttler Danuta, 1978, *Kategorie semantyczne leksyki potocznej*, (w:) *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego*, Wrocław, s. 37-45.
- Chludzińska-Świątecka Jadwiga, 1972, *Budowa słowotwórcza rzeczowników w gwarach Warmii i Mazur*, Prace Filologiczne, t. XXII, Warszawa, s. 160-289.
- Cockiewicz Waław, 2001, *Jak odróżnić działacza od nosiciela cechy?*, (w:) *Studia Językoznawcze. Dar przyjaciół i uczniów dla Zofii Kurzowej*, red. Z. Cygal-Krupa, Kraków, s. 53-62.
- Cyran Władysław, 1977, *Tendencje słowotwórcze w gwarach polskich*, Łódź.
- Dobrzyński Walenty, 1967, *Gwary powiatu niemodlińskiego*. Cz. II. *Morfologia, teksty gwarowe*, Wrocław.
- Doroszewski Witold, 1928, *Monografie słowotwórcze*. I. *Formacje z podstawowym -k- w części sufiksalnej*, Prace Filologiczne, t. XIII, Warszawa, s. 1-261.
- Doroszewski Witold, 1929, *Monografie słowotwórcze*. II. *Formacje z podstawowym -l- w części sufiksalnej*, Prace Filologiczne, t. XIV, Warszawa, s. 34-85.
- Doroszewski Witold, 1963, *Syntaktyczne podstawy słowotwórstwa*, (w:) *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria 2. Językoznawstwo, Warszawa, s. 65-78.
- Gaertner Henryk, 1934, *Gramatyka współczesnego języka polskiego*, cz. III. 1. *Słowotwórstwo*, Lwów-Warszawa.
- Gala Sławomir, Gala Beata, 2006a, *Słowotwórcze a leksykalne znaczenie wyrazu*, (w:) *Ze studiów nad gramatyką i leksyką języka polskiego i ukraińskiego*, red. F. Czyżewski, S. Gala, Lublin, s. 13-19 /Rozprawy Slawistyczne; 20/.
- Gala Sławomir, Gala Beata, 2006b, *Słowotwórcze, leksykalne, stylistyczne środki wyrażania ekspresji*, (w:) *Wyrażanie emocji*, red. K. Michalewski, Łódź, s. 378-384.
- Górniewicz Hubert, 1968, *Formanty przyrostkowe rzeczowników w gwarach malborskich*, cz. II, *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, t. XIV, Łódź, s. 53-82.
- Grabias Stanisław, 1978, *Derywacja a ekspresja*, (w:) *Studia nad składnią polszczyzny mówionej. Księga referatów konferencji poświęconej składni i metodologii badań języka mówionego (Lublin 6-9 X 1975)*, Wrocław, s. 89-102.
- Grabias Stanisław, 1981, *O ekspresywności języka. Ekspresja a słowotwórstwo*, Lublin.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, 1998, t. II, red. R. Grzegorzczkowska, R. Laskowski, H. Wróbel, Warszawa.
- Gruchmanowa Monika, 1969, *Gwary Kramsk, Podmokli i Dąbrówki w województwie zielonogórskim*, Zielona Góra.
- Grzegorzczkowska Renata, 1972, *Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe*, Warszawa.
- Grzegorzczkowska Renata, Puzynina Jadwiga, 1979, *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime*, Warszawa.
- Klemensiewicz Zenon, Lehr-Splawiński Tadeusz, Urbańczyk Stanisław, 1964, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, wyd. II, Warszawa.
- Kowalska Anna, 1983, *Polskie formacje ekspresywne z podstawowym elementem -l- w części sufiksalnej*, *Studia linguistica Polono-Jugoslavica*, t. III, Sarajewo, s. 67-78.
- Kowalska Anna, 2001, *Ludowe słownictwo ekspresywne a polszczyzna ogólna*, (w:) *Studia nad dialektem mazowieckim*, Warszawa, s. 291-297.
- Laskowski Roman, 1966, *Derywacja rzeczowników w dialektach laskich*, cz. I. *Abstracta, collectiva, deminutiva, augmentativa*, Wrocław.
- Małec Tadeusz, 1976, *Budowa słowotwórcza rzeczowników i przymiotników w gwarze wsi Rachanie pod Tomaszowem Lubelskim*, Wrocław.
- Peplowski Franciszek, 1974, *Odczasownikowe nazwy wykonawców czynności w polszczyźnie XVI w.*, Wrocław.
- Pluta Feliks, 1964, *Dialekt głogówecki*. Cz. II. *Słowotwórstwo, fleksja, teksty gwarowe*, Wrocław.

- Reichan Jerzy, 2000, *Problem kategorii i nadkategorii słowotwórczych (na przykładzie gwarowych nazw nosicieli cech i nazw wykonawców czynności)*, (w:) *Studia historycznojęzykowe III*, red. K. Rymut, W.R. Rzepka, Kraków, s. 123-127.
- Sajewicz Michał, 1990, *Produktywne typy słowotwórcze dewerbalnych nazw agentywnych w gwarach białoruskich okolic Narewki i Białowieży na Białostocczyźnie*, *Slavia Orientalis*, t. XXXIX, nr 3-4, Lublin, s. 397-408.
- Sajewicz Michał, 2002, *Derywacja sufiksalna osobowych nazw subiektów w nadnarwiańskich gwarach białoruskich Białostocczyzny*, Lublin.
- Sławski Franciszek, 1974, 1976, *Słownik prasłowiański*, t. 1, 2, Wrocław.
- Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji rzeczownikowych*, 1996, red. K. Kleszczowa, Katowice.
- Szymczak Mieczysław, 1961, *Gwara Domaniewka i wsi okolicznych w powiecie łęczyckim*, Łódź.
- Waszakowa Krystyna, 1991, *O wartościowaniu w słowotwórstwie*, *Poradnik Językowy*, z. 5/6, Warszawa, s. 180-187.
- Zołotowa Wiera, 1964, *Образование существительных с суффиксами -ник и -арз в современном польском языке*, *Prace Filologiczne*, t. XVIII, cz. 3, Warszawa, s. 267-276.
- Перевод Е.А. Поповой*

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Перевод художественного текста на русский язык: некоторые проблемы обучения студентов-болгаристов

© кандидат филологических наук *О.А. Ржанникова, Е.В. Тимонина 2009*

Взаимопроникновение культур, межкультурное общение невозможно без создания переводов и конечно, без переводов художественных произведений. Однако даже идеальный переводчик (он в совершенстве владеет иностранным языком и чувствует нюансы родного языка, умеет анализировать литературное произведение и представляет себе специфику и место любого художественного текста в литературном процессе определенной культуры, знает историю и культуру родной страны и страны, чью литературу он готов переводить, наконец, ему понятно, насколько важно межкультурное общение в современном мире) сможет реализовать свои знания и способности только в том случае, если, во-первых, будет осознавать, что художественный перевод – сложная многоплановая деятельность, которая предполагает сочетание определенных практических навыков с творческим подходом и требует от человека, решившего себя ей посвятить, разносторонней компетенции – языковой, культурной, процедурной, специальной, и, во-вторых, что создание художественного перевода имеет свою логику.

Любой человек, занимающийся переводческой деятельностью, неизбежно сталкивается с проблемой адекватности перевода. Вопрос об адекватности и эквивалентности перевода, сущности и соотношении этих понятий неоднократно рассматривался в работах по теории перевода. Несмотря на определенные различия во взглядах исследователей на адекватность и эквивалентность, сущность современного подхода к данным понятиям может быть сведена к следующему: акцент при переводе должен делаться не на форму сообщения, а на реакцию получателя, то есть важно прежде всего воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала «с поправкой на различия между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями»¹. В соответствии с таким подходом перевод понимается как двухфазовый процесс. На первом этапе переводчик должен понять текст, проанализировав все его языковые и культу-

¹ Швейцер А.Д. Теория перевода. М., 1988, с. 205.

рологические составляющие², а затем соотнести полученные данные с соответствующими характеристиками языка создаваемого перевода и принимающей перевод иной культуры.

«Проблемными зонами» при восприятии текста, как считает В.В. Красных, оказываются, во-первых, языковые средства, которые использовал автор, во-вторых, коммуникативная направленность текста, которая включает в себя коммуникативное воздействие и эстетическое воздействие (трудности здесь могут быть связаны как непосредственно с языковыми средствами, так и с фоновыми знаниями человека, воспринимающего текст, с его жизненным опытом), и, в-третьих, смысловое строение текста³.

Данные принципы применимы при анализе переводческой работы с текстами любого типа, но совершенно очевидно, что трудность обозначенных проблем многократно возрастает при художественном переводе, так как именно в художественном тексте наблюдается теснейшая взаимосвязь коммуникативного и эстетического воздействия, вплоть до их полного слияния, что, безусловно, предполагает и поиск адекватного переводческого решения.

Именно выбор правильного решения, верной переводческой стратегии, позволяющей достичь точности на высших уровнях эквивалентности, составляет сущность основного этапа в работе переводчика – этапа порождения текста, адекватного исходному по вызываемой реакции, но на ином языке, в условиях иной культуры.

Необходимость серьезного разговора о художественном переводе, в частности, возникла в связи с ежегодным подведением итогов проводимого в Москве с 2000/2001 учебного года студенческого конкурса переводов болгарской художественной литературы. В конкурсе принимают участие студенты МГУ им. М. В. Ломоносова (филологический факультет и факультет иностранных языков и регионоведения), Санкт-Петербургского государственного университета, Государственной академии славянской культуры, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Московского государственного института международных отношений, других российских университетов. В качестве конкурсных заданий предлагаются произведения и отрывки из произведений классиков болгарской литературы и современных писателей – Эм. Станева, Й. Радичкова, Б. Димитровой, Ст. Стратиева, Ст. Цанева, К. Димитровой и др.

² См. также: о механизме восприятия художественных текстов (Анисова А.А.) и проблеме понимания литературного текста (Сулимов В.А). Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум. М., 2009, с. 53 и 293.

³ Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003, с. 151 – 153.

Анализ студенческих конкурсных работ разных лет показывает, что из трех указанных выше «проблемных зон» интерпретации текста при художественном переводе наибольшие трудности вызывает «зона» коммуникативного и эстетического воздействия.

Во-первых, молодые переводчики, в целом адекватно воспринимающие языковой материал как таковой, не всегда выбирают верную переводческую стратегию в случаях, когда те или иные языковые средства используются автором оригинала для реализации определенного замысла, в определенных эстетических целях.

Во-вторых, обладая вполне достаточным объемом знаний в области истории и культуры Болгарии, реалий современной жизни страны, студенты в общем не справляются с переводческой задачей, если фоновая информация в произведении не просто служит «фоном» описываемых событий, а выполняет определенные функции в соответствии с авторским замыслом.

Рассмотрим подробнее, как обстоит дело, когда та или иная языковая форма или лексическая единица использована автором не потому, что в данном случае ее употребление обусловлено закономерностями функционирования языковой системы, а потому, что она подчинена общему замыслу, служит определенной авторской задаче, включается в своеобразную «языковую игру».

Наиболее серьезно стилистические проблемы проявились при переводе произведений Й. Радичкова (рассказ «Скитащите градски кучета», сб. «Пупаво време», София, 2000 и отрывок из романа «Всички и никой», София, 1975) и рассказа Кристина Димитровой «Иде ли» (сб. «Любов и смърт над кривите круши», София, 2004).

Эти произведения, несмотря на существенные различия, объединяет общая черта – их авторы сознательно используют стилистически маркированные единицы различных уровней, тщательно прорабатывают речевые характеристики, ведут тонкую и сложную стилистическую игру, сталкивая, зачастую в пределах одного высказывания, просторечное и книжное, диалектное и литературное, разговорное и официально-деловое и т.п.

При переводе таких произведений необходимо вести поиск переводческого решения с привлечением единиц всех уровней языка. Только опора на сопоставление разноуровневых стилистических ресурсов и возможностей обоих языков может обеспечить грамотные переводческие трансформации, позволяющие добиться эффективного результата на высшем уровне эквивалентности – на уровне совпадения комплексного воздействия произведения на читателя.

Й. Радичков – один из самых интересных и самобытных современных болгарских писателей. В его произведениях глубина философского

осмысления жизни сочетается с тонким юмором и иронией, причем ирония, свойственная персонажам, причудливо переплетается с авторской, что достигается за счет изысканной словесной игры. Все это создает неповторимый колорит, но одновременно делает произведения этого автора невероятно трудными для перевода.

Отрывок из романа «Всички и никой» представляет собой письмо, адресованное автору группой дачных грабителей, промысляющих в одном из районов западной Болгарии. Язык данного послания весьма далек от литературной нормы – это авторская стилизация народно-разговорной речи, причем не в обычной для нее устно-диалоговой форме, а зафиксированная в виде письма.

То, что в данном случае переводчик имеет дело не с народно-разговорной речью как таковой, а с авторской стилизацией, лишь усложняет его задачу, так как, прибегая к такому стилистическому приему, автор любого художественного произведения, безусловно, преследует определенные цели, подчиняя стилизацию общей художественной задаче. Дело переводчика – установить основные направления и средства такой стилизации, ее цели и, помня о том, что стилизация – не самоцель, определить стратегию перевода и попытаться достичь адекватного результата средствами родного языка.

С нашей точки зрения, в анализируемом отрывке стилизованная народно-разговорная речь служит созданию коллективного образа простых, не очень образованных, но в общем-то неплохих людей, этаких Робин Гудов нашего времени, борющихся с социальной несправедливостью собственными средствами, с естественной непринужденностью обсуждающих проблемы своего «ремесла».

Разумеется, художественная стилизация не может полностью передать всех особенностей естественной разговорной речи. Прежде всего, это связано с тем, что в литературном произведении невозможна передача разговорных фонетико-интонационных характеристик. Это компенсируется авторами художественных произведений, как правило, за счет активизации языковых средств на лексико-фразеологическом и синтаксическом уровнях с распределением стилистической нагрузки между ними. Такой подход позволяет создать эффект общего качества «разговорности» текста даже в его письменно зафиксированной форме.

Следует подчеркнуть, что Й. Радичков, уроженец западной Болгарии, проявляет большую умеренность в отношении включения в свой стилизованный текст западноболгарских диалектных особенностей, тем более особенностей каких-либо конкретных местных говоров. Практически единственной диалектной формой в рассматриваемом отрывке является форма на *-ме* 1-го лица множественного числа глаголов настоящего и будущего времени (*ние сме дължни да провериме, ще бъде-*

ме, ще вървиме и т.п.). Автор передает не столько диалектные, сколько, если можно так сказать, общеразговорные черты, прежде всего синтаксические, дополняя их некоторыми лексико-фразеологическими особенностями.

В рассматриваемых произведениях в изобилии представлены основные направления синтаксической стилизации, реализуемые через многочисленные синтаксические «неправильности», экспрессивный порядок слов и частей сложных предложений (в частности, препозицию придаточного предложения), экспрессивные повторы, употребление специфических разговорных вводных слов и др. Эти свойства разговорного синтаксиса вытекают из спонтанного, экспрессивного характера разговорной речи.

В целом можно сказать, что с задачей перевода на русский язык разговорных синтаксических конструкций участники конкурса справились.

В тексте Й. Радичкова представлены, однако, и чисто болгарские синтаксические «неправильности», в частности отклонения, связанные с порядком слов в предложениях с местоименными энклитиками: *...като ги ние питаме...* (лит. *...когато ние ги питаме...*) – *когда мы их спрашиваем...* *...тия надписи ги те турят за маскировка...* (лит. *...тия надписи те ги турят за маскировка...*) – *эти надписи они вешают для маскировки...*

С переводом подобных синтаксических конструкций не справился практически ни один из участников конкурса. В качестве перевода в данном случае представлены русские предложения нейтрального характера, фактически являющиеся переводом помещенных в скобки литературных вариантов данных предложений, хотя совершенно очевидно, что здесь была необходима переводческая трансформация для того, чтобы компенсировать невозможность точной передачи средствами русского языка этой болгарской разговорной синтаксической особенности. Возможно, в качестве перевода первого примера можно было бы предложить такой вариант: *...спрашиваем мы их когда...*, а для второго примера – *...эти надписи, они их вешают для маскировки...*

Точно так же затруднил конкурсантов перевод на русский язык уже упоминавшейся западноболгарской диалектной глагольной формы 1-го лица множественного числа на –ме: перевод не учитывает авторский замысел и не соответствует стилистике произведения.

Ние всички ще бъдем там... (лит. *ще бъдем*) – *все мы там будем...*

Ние ще вървиме подир тях, значи... (лит. *ще вървим*) – *мы, значит, будем идти за ними...*

В подавляющем большинстве работ второй пример переведен именно так, как это представлено здесь. Однако нельзя не отметить предложенный в одном из конкурсных переводов вариант *...мы, значитца,*

будем идти за ними... С нашей точки зрения, предпринятую в данном случае трансформацию, при которой невозможность точного перевода диалектной формы компенсируется употреблением просторечного слова, можно признать весьма удачной.

Особенно интересным в плане перевода является следующий пример *...и подписваме най-грамотно: «...ние сме длъжни да провериме!»* (лит. *да проверим*) – *...и дописываем очень грамотно: «...мы обязаны проверить!»*

В данном случае комический эффект создается за счет противопоставления превосходной степени наречия *най-грамотно* (*очень грамотно*) и явно неграмотной диалектной глагольной формы. К сожалению, комизм ситуации был совершенно утрачен в переводах, выполненных участниками конкурса. Справиться с этой фразой не удалось никому из студентов. Рискнем предложить в качестве варианта: *...и дописываем очень грамотно: «...мы обязаны придти и проверить!»*

И в случае с местоименными энклитиками, и в случае с диалектной глагольной формой причины переводческих неудач едва ли можно объяснить языковой некомпетентностью. Существенно то, что студенты не свыклись (а может быть, и не знакомы) с в общем-то очевидным: во-первых, всякое нарушение литературной нормы языка в художественном произведении – художественное средство, и нужно искать смысловой эквивалент. Во-вторых, не всегда возможно и не всегда обязательно переводить некую конструкцию, стараясь сохранить ее грамматические характеристики, – характер глагольной конструкции, например, в рассматриваемом случае целесообразно передать лексическими средствами.

В определенной мере в анализируемом отрывке переданы и некоторые невербальные аспекты разговорной речи, в частности жестикаляция. Автор достигает экспрессивного эффекта с помощью сочетания указательных частиц и указательных местоимений, давая возможность читателю вообразить сопровождающий их жест:

... и ей такива големи табели окачат на вратите... - и вешают на двери вот такие большие таблички...

С нашей точки зрения, представленный в большинстве работ перевод, приведенный здесь нами, не передает в должной степени авторской экспрессии, так как не указывает на сопровождающий жест. Лишь в одной из работ дан, как нам кажется, удачный вариант, в полной мере передающий авторскую экспрессию: *... и вешают на двери вот такие таблички...*

Возможно, в случае с данной конструкцией причина неудачи переводчиков – в недооценке значения не слишком часто встречающихся конструкций (тем более, что указанная конструкция в монологическом

тексте появляется даже реже, чем в диалоге, где студенты, скорее всего, среагировали бы на нее правильно).

Весьма интересным с точки зрения решаемых переводческих задач стал и рассказ Й. Радичкова «Скитащите градски кучета». Главные действующие лица рассказа – собаки. С нашей точки зрения, авторское намерение в данном случае заключалось в том, чтобы «одушевить» своих героев, «очеловечить» их, причем сделать это с симпатией, с легкой иронией, двигаясь по тонкой грани между «собачьим» и «человечьим». Разумеется, важную роль при реализации такого замысла играют речевые характеристики. Подобно людям, собаки обращаются друг к другу с приветствиями, спрашивают и отвечают, соглашаются и возражают. При этом одни естественны и непринужденны в своей речи, другие немного грубоваты, а третьи, как и люди, своей речью стремятся показать, что они существа более образованные и воспитанные, чем остальные, что автор демонстрирует, «переключая» речевой регистр с разговорного на более официальный, иногда подчеркнуто официальный. Именно это переключение регистра стало одной из трудностей для переводчиков рассказа. Так, например, в рассказе один из псов неожиданно произносит: «...всичко от наша страна му се обясни най-подробно» («...с нашей стороны все ему было объяснено подробнейшим образом»). Нам не представляется удачным предложенный в некоторых работах почти буквальный перевод (он приведен в скобках). В то же время и избранная некоторым конкурсантами трансформация с заменой пассива активом («...мы все объяснили ему очень подробно») не передает подчеркнуто официального характера болгарской фразы, которая не может не вызвать ироничного отношения. В данном случае можно взять на себя смелость предложить следующий вариант: «с нашей стороны ему были представлены подробнейшие объяснения».

Весьма часто автор заставляет своих героев-собак прибегать к подчеркнуто учтивой просьбе, которая в болгарском языке передается с помощью формы сослагательного наклонения (напр., «...дали биха му обяснили»). Предложенный в большинстве переводов вариант «...может ли кто-нибудь ему объяснить» нельзя признать удачным, так как он ориентирует на совершенно иную манеру речи.

Стоит обратить внимание на еще две трудности, с которыми столкнулись конкурсанты, переводя это произведение Радичкова. Во-первых, использование в «разговорах» собак специфических глагольных несвидетельских форм (они употребляются в болгарском языке, когда говорящий не является свидетелем описываемого им события), способных передавать сомнение в истинности описываемого события, ироничное отношение к нему. Студенты (в подавляющем большинстве случаев) не оценили такие формы как художественное средство и не искали ком-

пенсирующие трансформации – в результате текст лишился тонкой авторской иронии. Во-вторых, конкурсанты не почувствовали, не увидели, что автор использует глаголы совершенного вида в формах настоящего времени (подобное употребление глаголов формирует представление о регулярной повторяемости комплекса действий) как своеобразное художественное средство: автор стремится создать впечатление, что «собачьи» разговоры не случайность, не что-то исключительное – в итоге из переводов исчезла одна из значимых характеристик «очеловеченных» собак.

Если выше мы обратили внимание на то, что в художественном произведении (и соответственно в его переводе) нарушение литературной нормы языка может использоваться автором как художественное средство, которое переводчик не имеет права игнорировать, то теперь следует подчеркнуть, что и языковой факт в рамках литературной нормы в художественном произведении зачастую превращается в важное художественное средство и переводчик оценит это, если проникнет в замысел автора.

Можно предположить, что в рассказе «Иде ли» писательницу Кристин Димитрову интересовала реакция современного болгарского общества (точнее той его части, которая претендует на то, чтобы именоваться «интеллектуальной элитой»), спровоцированная не слишком фантастическим для XXI в. событием – клонированием Ивана Вазова, классика болгарской литературы, выдающегося общественного деятеля, легендарной личности. Видимо, автор считает, что эта реакция позволяет понять, что важно и интересно людям, для которых изучение и формирование культуры – профессия.

Обратим внимание лишь на одну трудность, связанную с переводом этого произведения.

Кристин Димитрова с явным удовольствием «выписывает» контраст между речью клонированного Вазова и деятелей культуры XXI в. Немногочисленные реплики Вазова полны черт живой, эмоциональной речи (междометия и частицы, характерные для разговорной речи, лексика, неполные предложения), но одновременно свидетельствуют о человеческой деликатности писателя. Люди из XXI в. в силу принадлежности к определенным профессиям должны говорить на хорошем языке, чувствовать особенности различных стилей: это профессор и доцент Института болгарской литературы, молодая писательница и романист в годах, юноша-литературовед. Но в их речи нет ни мастерства, ни индивидуальности – нет живых людей. И этот эффект Кристин Димитрова создает, нагромождая в репликах этих героев штампы (*“пред прага на епохално събитие сме”, “несметно богатство е за нас”, “наклони везните в нашата полза”, “деконструиране на до сегашните*

стойности и конструирането им в нови, сегашни стойности”), даже когда они просто разговаривают друг с другом. Во время пресс-конференции вопросы, которые задаются Вазову, сначала формулируются в «научном» стиле, а потом повторяются с некоторыми изменениями – становятся более разговорными по форме. Может быть, потому, что спрашивающий интуитивно понимает невыразительность первой формулировки, а может быть, причина иная: спрашивающий полагает, что Вазов не поймет его «умный» вопрос, и как бы «переводит», не задумываясь, вежливо ли он поступает. Еще одна черточка к портрету современного человека.

Эта игра возможностями стилей (штампы – естественная разговорная речь) представляется важной для произведения и должна быть отражена в русском переводе с сохранением описанного контраста, но это-то и оказалось или непонятым, или нереализованным в студенческих переводах.

Традиционный учебный процесс не дает студентам возможности в значительном объеме и целенаправленно (создание художественного текста, готового для публикации) переводить художественные произведения. Но, конечно, нужно постараться понять идеи и цели автора и помнить о том, что арсенал художественных средств велик – ими оказываются и «ошибки», и редкие языковые явления. Именно на обучение поиску всей совокупности средств на базе целостной оценки произведения и должна быть направлена работа по подготовке профессиональных переводчиков.

Л и т е р а т у р а

1. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
2. *Швейцер А. Д.* Теория перевода. М., 1988.
3. *Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум.* М., 2009.

СОЦИУМ И ЛИТЕРАТУРА

Славянские литературы в эпоху глобализации. «Перезагрузка» идентичности

© доктор филологических наук Н.Н. Старикова, 2009

*“Человек входит в человечество через национальную
индивидуальность, как национальный человек”
Н. Бердяев*

Заявленная проблема достаточно сложна и в настоящий момент широко не представлена в современном отечественном литературоведении. Едва ли не единственной пока попыткой комплексно взглянуть на неё стал сборник «Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы)», подготовленный российскими и словенскими учёными в 2006 г.¹ Но и в статьях этого сборника проявления национальной (славянской) идентичности в период нарастания глобализационных процессов авторами лишь нащупываются. Неудивительно – ведь нынешнее представление о том, каким образом формируется само понятие идентичности в культуре и литературе размыто. И это объяснимо, ибо, как справедливо заметил английский социолог Ник Стивенсон, “поиск составляющих коллективной и индивидуальной идентичности постоянно продолжается”², т.е. речь идет об активно текущем, развивающемся процессе.

Актуальность этой проблеме придает и тот факт, что мы, существуя в эпоху глобализации, сами невольно становимся участниками глубинных изменений культурных стереотипов. Глобализация придала современному миру невиданную динамику, став для наций и национальных государств (в том числе и молодых) своеобразным тестом на выживание. Являясь одной из доминирующих тенденций развития современной цивилизации, она оказывает исключительно сильное воздействие не только на социально-экономические и политические, но и на культурологические аспекты развития общества. Развитие средств коммуникации в условиях принципиально иной структуры информационных процессов также влияет и на смену ценностных ориентиров общества, что,

¹ Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы). – Любляна, 2006.

² Стивенсон Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: контуры XXI века. ИНИОН РАН. Часть III. – М. 2004. – С. 12.

в свою очередь отражается на выборе духовных приоритетов. Сегодня в культурном плане мир кажется еще более многообразным, чем в недавнем прошлом. Возросло число национальных государств, усилилось стремление этнических групп к самоопределению, в контексте мировых экономических событий возрастает значение культурного измерения. Нации и этносы озабочены поиском своей культурной принадлежности, и это стремление осознанно. И при этом ни одна культура сейчас не существует изолированно от творческих поисков других и "...точная оценка любого национального опыта невозможна без учета опыта мирового"³. Как отмечал в своем докладе на XIII Международном съезде славистов профессор Ф. Берник, "национальная культура, которая хочет в период глобализации сохраниться и сохранить собственную достоверность не может поддаваться внешним соблазнам и в то же время не может изолироваться от них, отказаться от встречи лицом к лицу с вызовом времени"⁴.

В то же время в последнее десятилетие XX первые годы XXI века интенсифицируются процессы интеграции, "экономические силы подталкивают к крушению национальных барьеров"⁵, происходит так называемая "макдональдизация" или "вестернизация" национальных культур, т.е. последовательное подчинение западным ценностям и западному образу жизни всех активных слоев населения планеты. Это усугубляется процедурой отчуждения традиционных ценностей, экспансией массовой культуры, мифологизацией мышления. С культурологической точки зрения это вполне "тянет" на новую гуманитарную революцию, в результате которой многие традиционные национальные и этнические культуры претерпят изменения и могут быть существенно деформированы. В условиях вынужденной адаптации национальных ценностей к новой геополитической, экономической, коммуникационной ситуации механизм национальной и культурной самоидентификации и осознания национальной идентичности естественно усложняется, требует "перезагрузки".

Идентичность как логическая категория означает отношение, члены которого тождественны друг другу. Эта проблема продолжает оставаться в центре внимания литературоведения XXI в., во второй половине XX в. к ее феномену обращались французские постструктуралисты и американские деконструктивисты (Ж.Деррида, Ж.Делёз, Ж.Лиотар, Ю.Кристева, Д.Х.Миллер). Теоретик Франкфуртской школы, философ и

³ Андреев Л.Г. Литература у порога грядущего века // Вопросы литературы, 1987. С. 35.

⁴ Bernik F. Kulturna identiteta v obdobju globalizacije. Nevarnosti in perspective // Slavistična revija. Posebna številka. Zbornik referatov za trinajsti mednarodni slavistični kongres. – Ljubljana. 2003. 51/8. – S. 7.

⁵ Цит. по: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., Логос, 2004. – С. 7.

культуролог Теодор Адорно в “Эстетической теории” (1970) отмечал, что искусство есть форма распоряжающегося природой разума, и произведение может состояться только тогда, когда язык, звуки, форма, цвет собираются в некое единство. Идентичность – это чувство непрерывной самоидентичности, когда человек понимает образ “Я” целостным и неразрывным, в совокупности с культурными и социальными связями. Процесс адаптации личности не является постепенно-поступательным, он периодически резко нарушается, что вызывает кризис идентичности, стимулирующий в свою очередь следующий этап идентичности или социализации (например, переход от семейных ценностей к общечеловеческим). Американские психологи Б. Слугоский и Дж. Гинзбург подчеркивают, что люди используют объяснительные дискурсы, чтобы “скоординировать проецируемые ими идентичности, т.е. проекты своего “Я”, внутри которых они должны выжить”⁶. Т.е. они пересмотрели модель эго-идентичности как способ лингвистического саморассказа о себе и других. Эго-рассказы обусловлены конкретной эпохой во всех ее проявлениях, а человек видит себя таким, каким его видят другие. В их трактовке идентичность – это генерированный Другой. К сходным выводам приходит Ж.Лакан, отталкиваясь от совершенно иных предпосылок. По мнению ученого, идентичность является сферой, где личность существует и действует в качестве целого, это характеристика отношения человека к самому себе, его “самопринадлежность”. В другом контексте, который можно обозначить как социокультурный, идентичность подчеркивает принадлежность индивидуума коллективу. Согласно типу коллектива (государство, нация, этническая, культурная, группа, субкультура) можно выделить идентичность политическую, национальную, культурную, субкультурную, гендерную.

Представляется, что механизм обновления / “перезагрузки” национальной идентичности – ключевая проблема современного мира, т.к. именно этот тип идентичности способен оказать противодействие стандартизации, этому порождению общества потребления, и тем самым, притормозить силовое цивилизационное самоутверждение. В этой связи актуальным представляется вопрос о роли и месте постмодернизма, “наиболее адекватного духу времени выражения и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи”⁷, в формировании новой идентичности современных славянских литератур.

Возникновение постмодернизма связывают с кризисным состоянием современной цивилизации в целом и общественного сознания в частности и с общим изменением социокультурной ситуации, в которой под

⁶ Text of Identity / Ed. J. Shotter. – London, New York, 1989. – S. 50.

⁷ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998. – С. 5.

воздействием масс-медиа начали формироваться стереотипы массового сознания. Применительно к литературе, наиболее рациональным представляется рассматривать это явление как синтез или сумму приемов, необходимых для выработки универсального художественного языка путем сближения и сращивания, интерференции и конвергенции различных литературных направлений. При этом национальное своеобразие постмодернистской художественной продукции несмотря на интеграционные аспекты поэтики в первую очередь определяют национальный язык, национальная литературная традиция, национальный склад мышления, тип юмора и иронии, а уже во вторую очередь всемирная культурная традиция и контекст (мировой, континентальный, региональный и т.д.).

Пересечением векторов постмодернизма и идентичности в европейской культуре последних десятилетий XX века занимались Жак Деррида и Цветан Тодоров. По мысли первого, перекликающейся с борхесовской идеей капиллярности культуры, культура не замыкается в себе т.к. не может быть монологичной: множественность источников связывает ее с другими культурами, обеспечивая ей необходимый для выживания диалог. Второй развивает идею “жанровых кодов”, согласно которой современная культура занимает место между мифом и логосом, и они могут познавать друг друга только через полилог национальных культур. Именно эти исследования, а также постмодернистская трактовка истории, восстанавливающая бережное отношение к национальному прошлому, разрушенному модернизмом, активизируют интерес к проблеме идентичности. Еще Эко подчеркивал, что постмодернизм дает широкие возможности принять участие в языковой метаигре, причем неподготовленный читатель имеет право не обращать внимание на иронический подтекст, а воспринимать произведение прямолинейно, как пересказ сказки и фантазию. Интертекстуальный диалог между новым произведением и традицией, диалог автора постмодернистского текста как с элитарным, так и с неподготовленным читателем дает возможность, используя формулировку немецкого литературоведа Ханса Яусса, “удовлетворить любые горизонты ожидания”⁸.

Другой стимул повышения внимания к национальной идентичности – усиливающееся противодействие стандартизации, навязывания американского образа жизни. Вот что писал чешский прозаик Людвик Вацулик в 1987 г.: “Американец знает, что пришел из Европы, и не отрекается от своего родства. Он печется о европейском наследии и при случае скупает его. Однако гомогенность пространства и языка слегка отчуждает его от нас: обратите внимание, как он с нами общается. Иногда он охотнее всего – в наших интересах, конечно! – размазал бы нас по

⁸ Яусс Х.Р. Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М., 2004. – С. 487.

стенке одним ударом. Но не может, потому что по воспитанию и по крови он в основном европеец. Не будь этого, он бы, пожалуй, превратил Нидерланды в сплошную бетонку для своих антисоветских самолетов, в немецких горах построил бы комфортабельные бункеры для нашего выживания, а в Польше и на Украине у него был бы полигон; пожалуй, только Францию он оставил бы как есть в качестве приятного тыла”⁹.

Массовое “открытие” постмодернизма в славянских литературах совпало с так называемым третьим этапом (третьей фазой) его развития, когда после декларации иннационального в 1960-е и лозунгов культурного плюрализма в 1970-е, постмодернизм обращается к поиску аутентичности бытия. Во второй половине 1980-х гг. ядром содержания постмодернистского искусства становится множественность национальных культур, единство прошлого и новизны, высокого и низкого. В славянских литературах, с одной стороны, намечается поворот к национальным образцам, с другой – к миноритарным направлениям: экологическому, феминистскому, гендерному. Художественное слово демонстрирует широчайшие возможности соединения с другими родами искусства и наукой, возникает термин “металитература”, который призван подчеркнуть неограниченное число комбинаций. Это проявляется, прежде всего, в сочетании развлекательности фабульной литературы с приемами интеллектуального романа. Постмодернизм третьей фазы претендует на всеохватность, формируя “роман культуры” на национальной почве. Для этого типа характерно сведение воедино гуманистических ценностей с акцентированием национального своеобразия отдельных (славянских) литератур. И при этом постмодернистские трансформации необходимы не для того, чтобы противостоять, уничтожая другого или предшествующего, а для гармонического баланса с ними, постепенного вживания их в себя. Может быть, в этой паритетности и есть ключ к обновлению идентичности.

Особый характер постмодернистских явлений в славянских литературах обусловлен также тем, что они, активно “подключаясь” к уже сложившемуся ранее постмодернистскому видению мира, пытались в его стилистике описать собственный опыт. Здесь одной из причин его возникновения стала реакция литературы на стремление государства унифицировать традиционные художественные формы, подавить развитие новых, в том числе и постмодернистских литературных концепций. Авторы ставили целью выйти за рамки утилитарных и идеологически маркированных позиций. Последовавший крах социализма обнаружил в постсоциалистическом обществе едва ли не больше абсурда, чем на

⁹ Вацулик Л. Моя Европа (с тремя картинками) // Иностранная литература, 2001. №5. – С. 243.

Западе, и тоже стал питательной средой для постмодернистского эксперимента. И литературы славян стали искать опору во многих ключевых позициях философии постмодернизма: в устремленности к синкретизму мышления, в ощущении тотального кризиса цивилизации, в представлениях об исчерпанности старых взглядов на историю, в обесценивании “вечных” ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты.

После знаковых изменений на карте Европы рубежа 1980-90-х годов, провозглашения новых государств, в отдельных славянских литературах явственно ощущалась некоторая растерянность, вызванная исчерпанностью основного предназначения национальной литературы – служить национальному делу. Практически впервые в истории эти литературы сбросили с себя оковы внеэстетических обязанностей, и перед ними встал естественный вопрос необходимости обновления художественного языка. Об этом в начале 1990-х очень точно сказал чешский прозаик Иржи Кратохвил: “По прошествии долгого времени чешская литература (оговорюсь, так же, как и словацкая, хорватская, словенская и даже польская) ... свободна и избавлена от всех общественных обязательств и народных чаяний, ... с наслаждением презирает все идеологии, миссии, служение народу или кому-нибудь еще”¹⁰.

Разрушив культурные границы, постмодернизм в славянских литературах, с одной стороны, способствовал высвобождению национального художественного сознания от комплексов и стереотипов, помогая преодолеть эстетический консерватизм, ослаблял путы ложно понятой зависимости литературы от национальных художественных авторитетов. С другой – помогал самоутверждению национального в литературе, поскольку в каждом конкретном случае характер осмысления и адаптации постмодернистских реалий зависел от специфики национального культурного пространства, историко-литературных традиций, художественного потенциала.

В новых условиях плюралистичность интерпретации и восприятия и интертекстуальность как выражение духовной интеграции, присущие постмодернистской поэтике, оказались востребованными. С ее помощью славянские литературы “встраивались” в общемировой литературный процесс, ощущая себя равными среди равных (постмодернизм как билет на вступление в ЕС). И при этом была удовлетворена внутренняя потребность самой литературы реагировать на сходные типологические условия времени. Понятийный аппарат и художественный инструментарий постмодернизма во многом способствовали тому, как публицистически остро славянские литературы зафиксировали умонастроения переходного времени, расставание с недавними национально-

¹⁰ *Kratochvil J. Příběhy příběhů. – Brno, 1995. – S. 83-84.*

культурными мифами и рождение мифов новых, отразили трансформацию чувства национального самоутверждения, часто представленного не апологией героических страниц отечественной истории, а разрушающей иллюзии критико-ироническим ее прочтением. Они активно ищут не только свое место в новой системе координат, но и новые способы взаимодействия с действительностью, желая быть полезными и востребованными как в условиях конкретных национально-государственных перемен, так и в контексте всей меняющейся европейской общественно-политической архитектоники. И в этом смысле круг проблем, вставших перед всеми славянскими литературами, сходен. Это и проблема “выживания” в условиях рынка, отсюда – тенденция общего “облегчения” и “тривиализации” литературных жанров в сторону детектива, триллера, фантастики, зачастую в славянском варианте усугубляющаяся еще и огромным количеством переводной и не всегда качественной, но доступной продукции, которая “забывает” отечественную. И востребованность так называемых паралитературных жанров: политических мемуаров, нехудожественных автобиографий, путевых записок, переписки известных людей. И развитие направлений, ранее почти не представленных: литературы сексуальных меньшинств, эротической беллетристики, виртуальной литературы.

В разных литературах постмодернистские тенденции ассимилируются по-своему, имеют свою национальную специфику. В русской литературе постмодернизм, пройдя через статус неофициального искусства, вызрев в андерграунде, “возвратившись” и легализовавшись, продолжает помогать искусству преодолевать авторитарность любого рода. В Чехии и Болгарии – налицо установка на элитарную прозу, выходящую из-под пера рафинированных писателей-филологов, для украинских и белорусских литераторов постмодернизм – средство социального протеста, языкового самоутверждения и одновременная демонстрация крайнего экспериментаторского радикализма, в словенской литературе через постмодернистскую практику преодолевается инерция многовековой национальной самозащиты. У авторов Польши художественная миссия постмодернизма ассоциируется с политическими переменами и отходом от романтического дискурса, а для литературы Македонии – это отвечающий национальной специфике молодой литературы способ эстетического познания реальности и одновременно интеграции.

И практически везде постмодернизм стимулирует ироническое отношение к национальным музам и национальной классике и дает славянским авторам дополнительную свободу маневра среди разных художественных школ и направлений прошлого и настоящего, способствуя художественному обогащению литератур, продуцирует новые жанровые модификации, являясь идеальным экспериментальным пространством. При этом одной из его “славянских” особенностей стал так назы-

ваемый “мерцательный”, дискретный характер, обилие художественных текстов, которые можно назвать “произведениями с элементами постмодернизма”, где классическая повествовательная традиция “вбирает” приемы иного художественного опыта. Очевидно, что в сознании большинства славянских авторов по-прежнему живы классические традиции их национальных литератур, поэтому в основе их творческой самореализации – поиск синтеза новейшей техники письма с традиционной поэтикой, идей и поэтики постмодернизма – с индивидуальным и национальным материалом.

В эпоху глобализации в славянских литературах возвращение к осознанию национальной идентичности часто происходит через отрицание стандартизации и насаждаемого культа потребления, через возвращение к прошлому нации с осознанием себя ее частью. В сознании большинства славянских прозаиков по-прежнему живы классические традиции национальных литератур, поэтому в основе их творческой самореализации – поиск синтеза новейшей техники письма с традиционной поэтикой, с индивидуальным и национальным материалом. Авторы пытаются по-новому идентифицировать своих героев в региональном, европейском и мировом пространстве, воспринимая самоидентификацию нации, общества, отдельной личности как способ найти “свое” и соотнести его с всеобщим. Литература начала XXI, отражая опыт сознания современного славянина, дает нам представление о противоречиях, присущих человеку эпохи глобализации, который ощущает себя одновременно гражданином мира и уроженцем конкретного края, говорящим на своем языке и обладающим собственной исторической памятью.

Постмодернистская проза в славянских литературах тяготеет к поиску национальных корней и возвращению к национальным традициям. Подобные тенденции могут свидетельствовать лишь об одном: постмодернизм, продолжает пребывать в оппозиции социальному диктату времени, сопротивляется ему, и одним из орудий этого сопротивления выступает национальная идентичность. При этом ее обновление/“перезагрузка” может возникнуть лишь из сложнейшей связи взаимопроникновения и толерантности разных национальностей, сведенных воедино идеей гуманистического существования. Как писал в свое время Н. Бердяев, “национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов”, ибо “национальность есть проблема историческая, а не социальная, проблема конкретной культуры, а не отвлеченной общности”¹¹.

¹¹ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М., 1990. – С. 94-95.

ЛИТЕРАТУРА

- Глобализация: контуры XXI века. ИНИОН РАН. Часть III. – М., 2004.
- Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы). – Любляна, 2006.
- Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность – непрерывность литературного процесса. ИСл РАН. – М., 2002.
- Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. *П. Бергера, С. Хантингтона*. – Изд-во Аспект-Пресс, 2004.
- Постмодернизм в славянских литературах. ИСл РАН. – М., 2004.
- Славянство в условиях глобализации и информационных войны. АКИРН. – М., 2002.
- Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. – Изд-во Проспект, 2009.